

ВОЗВРАЩАЮЩИЙ РАЗУМ

1(3)/2014

России прежней и грядущей

ТЕМЫ НОМЕРА:

**О. Иоанн Кронштадтский
и светская культура**
Ю. В. Балакшина

**«Жизнь за Царя»:
феномен русской оперы**
С. Ф. Тухленков
Е. В. Грумад

**Святая Земля и семья
Константиновичей**
Т. И. Ганф

Романовы и провинция
В. А. Притчина

**Литературное
приложение**

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

*Журнал Отдела религиозного образования
и катехизации
Санкт-Петербургской епархии*

1(3)/2014

Главный редактор:

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации,
ректор Санкт-Петербургской православной духовной академии,
архиепископ Петергофский Амвросий,
кандидат богословия

Заместитель главного редактора:

Исполнительный директор Епархиальных курсов
религиозного образования и катехизации
имени св. прав. Иоанна Кронштадтского
иерей Илья Макаров, кандидат богословия

Редакционная коллегия:

Иерей Игорь Иванов, кандидат философских наук,
научный консультант
Гаврилов Игорь Борисович, кандидат философских наук
Дилакторская Елена Станиславовна,
редактор-составитель
Алексеев Сергей Владимирович,
художественный редактор
Никольский Сергей Николаевич,
ответственный секретарь

Учредитель:

Отдел религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии

Слово к читателю

Портрет Императора Николая II
И. Е. Репин, 1896

Тринадцатый год XXI века ознаменовался памятной датой — 400-летием с момента основания династии Романовых. Для нас, наследников великой империи, конечно же, важна историческая оценка этой эпохи в контексте всей истории страны. И сегодня, как и в любой исторический период, что-то нами одобряется, а что-то — вызывает сомнения, порою даже резкое неприятие. Однако нужно помнить, что именно за период правления Романовых Россия стала великой державой, сохранившей и укрепившей духовные традиции народа.

В третьем номере нашего журнала определенный акцент сделан на взаимосвязи понятий *христианство* и *империя*. Оба эти понятия изначально многомерны и не вписываются в узкие временные рамки. Как определить их значение при рассмотрении исторических процессов? Как можем мы воспринимать их сегодня? Конечно же, с позиций христианской веры, которая всегда, вне зависимости от смутных или более благоприятных времен, жила в душах людей. Мы помним и о своих корнях, уходящих в недра как византийской и даже античной, так и нашей традиционной культуры. Под этим общим углом зрения мы и рассматриваем сегодня историю. Эта тема будет отражена и в следующем номере.

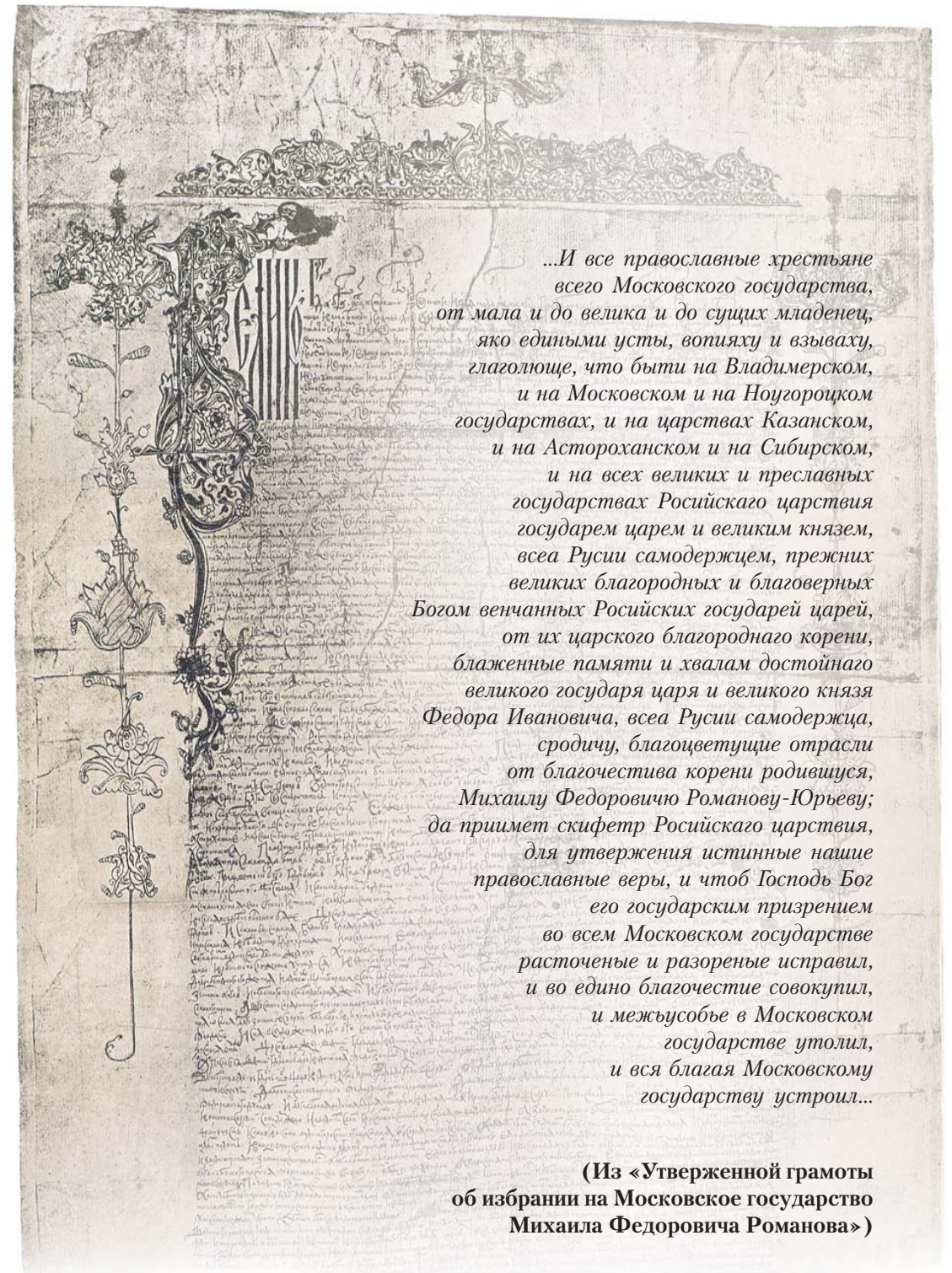
Религиозная, политическая жизнь любого государства в каждый исторический период всегда осуществлялась через поступки отдельных людей. Об этом они оставили свидетельства — о своих делах, о своих мыслях и чувствах — от античности до нашего времени. Такие свидетельства и постарались донести наши авторы.

На исходе XIX века многим казалось, что прежние формы государственности в самое ближайшее время должны исчезнуть, что троны опустеют и будут отправлены «на свалку истории». Однако век XX подтвердил устойчивость традиционных принципов организации человеческого общества. Как будет складываться жизнь в нашей стране, в других странах с близкими нам культурными и духовными традициями в нынешнем, XXI веке? У каждого читателя, думается, на этот счет есть свое собственное мнение. Эти мнения могут серьезно различаться. Но все мы не должны забывать, что при любой государственной форме правления в обществе неизменно проявляет себя христианство в самых главных своих ценностях — не исторических, а вневременных. А это вера, милосердие и любовь.

*Амвросий,
архиепископ Петергофский,
главный редактор*

Содержание

<i>Амвросий, архиепископ Петергофский, главный редактор</i> Слово к читателю	3
СВЯТЫЕ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ	
Ю. В. Балакина «Сколько чувств пробуждается во мне — и отрадных и печальных...»	7
ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Музыкальное эхо костромской были С. Ф. Тухленков «Славой и милостью к Русской земле родной...»	19
Е. В. Грумад «Где дорог каждый лепесток...»	35
ВИЗАНТОЛОГИЯ	
Иерей Игорь Иванов «Внешняя» и «внутренняя» философия в Византии	47
ИКОНОГРАФИЯ	
С. В. Иванова Ανάστασις: в поисках канона	65
АНТИЧНАЯ КУЛЬТУРА	
О. А. Шульчева-Джарман Античная медицина: христиане до Христа	79
ПАЛОМНИЧЕСТВО	
Т. И. Ганф К устройению Русской Палестины	101
ОЧЕРКИ ПРОВИНЦИИ	
В. А. Притчина «В стране холодного Борей...»	117
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ	
Наши авторы	142

...И все православные хрестьяне
всего Московского государства,
от мала и до велика и до сущих младенец,
яко едиными усты, вопияху и взываху,
лаголюще, что быти на Владимирском,
и на Московском и на Ноугороцком
государствах, и на царствах Казанском,
и на Астороханском и на Сибирском,
и на всех великих и преславных
государствах Росийскаго царствия
государем царем и великим князем,
вса Русии самодержцем, прежних
великих благородных и благоверных
Богом венчанных Росийских государей царей,
от их царского благороднаго корени,
блаженные памяти и хвалам достойнаго
великаго государя царя и великаго князя
Федора Ивановича, вса Русии самодержца,
сродичу, благоцветущие отрасли
от благочестива корени родившуся,
Михаилу Федоровичю Романову-Юрьеву;
да примет скифетр Росийскаго царствия,
для утверждения истинные наше
православные веры, и чтоб Господь Бог
его государским призрением
во всем Московском государстве
расточены и разорены исправил,
и во едино благочестие совокупил,
и межьюсубье в Московском
государстве утолил,
и вся благая Московскому
государству устроил...

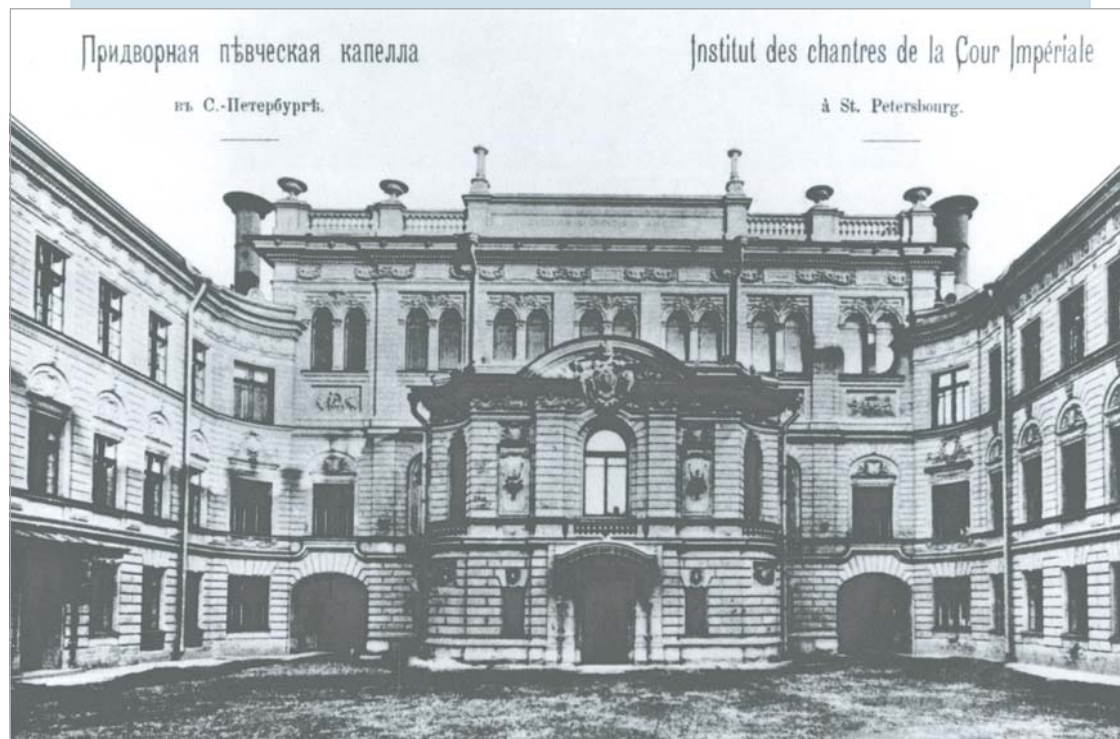
(Из «Утверженной грамоты
об избрании на Московское государство
Михаила Федоровича Романова»)

Достопочтеннейший раб Божий — Милый!
От всей души благодарю Вас за Вашу любовь
и желание Ваше подарить мне часок Вашего
придворного, прекрасного, образцового пения.
Этим счастливым временем для меня могут
быть числа Декабрь 16 или 17 и лучше вече-
ром, часов в 5 или 6-ть. Вы меня известите, когда для Вас удобнее — в эти или
другие дни или часы.

Преданный Ваш слуга и смиренный Богомолец
Протоиерей Иоанн Сергеев

(Из письма управляющему Придворной певческой капеллой М. А. Балакиреву
от 19 ноября 1893 г.)

Ю. В. Балакина

Чем дальше уходит от нас та или иная эпоха, тем сложнее нам увидеть людей, имена которых навсегда вписаны в нее, рельефно и многогранно. А ведь жизнь — всегда больше наших о ней представлений. Этой публикацией мы открываем рубрику, посвященную святым подвижникам как людям, полностью включенным в свое время, разделяющим с ближними и его тяготы, и его радости.

«Сколько чувств пробуждается во мне — и отрадных и печальных!..»

О. Иоанн Кронштадтский и светская культура

Сегодня все более возрастает интерес к взглядам св. прав. отца Иоанна Кронштадтского на различные стороны современной ему жизни России. Конечно, наиболее объективно поведать об этом могут дневники отца Иоанна, планомерное издание которых осуществляется с 2001 года*. Теперь читатели имеют возможность познакомиться с этими уникальными документами, позволяющими увидеть путь внутреннего духовного становления человека, уже при жизни известного всей России своей святостью и в 1990 году канонизированного Русской Православной Церковью. Отец Иоанн вел дневник с 1855 года, начала своего служения в Кронштадтском Андреевском соборе, до последних своих дней. Страницы дневника стали для него пространством духовного самовоспитания, исповеди, молитвы, богомыслия, в дневнике он размышлял и о проблемах современной жизни, реагировал на коллизии истории, стремился уловить дух времени.

Тема, хотя и не занимающая в дневниках центральное место, но тем не менее постоянно в них присутствующая, — отношение отца Иоанна к культуре.

Не вызывает сомнения его положительное отношение к культуре церковной: храм, иконы, богослужение неизменно производят на отца Иоанна высокое эстетическое и духовное впечатление: «В храме — в его устройстве и Богослужении изоб-

* При участии Архивного комитета Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Мемориальной квартиры св. Иоанна Кронштадтского. Издательство «Отчий дом» (Москва).

Собор св. апостола
Андрея Первозванного.
Открытка нач. XX в.

ражаются и рай, и все судьбы рода человеческого, и блаженство, и погибель вечная. Алтарь — рай или небо и Царство славы; самый храм — землю, или Царство благодати; притвор — мир. Что означает вечерня и утренняя? Что Литургия? — Основания Богослужения — в Священном Писании, особенно в посланиях святого Апостола Павла. — Богомудрое и многознаменательное размещение икон в церкви — в иконостасе и на вратах — царских, северных и южных»¹. Отношение же отца Иоанна Кронштадтского к культуре светской представляется, на первый взгляд, исключительно негативным: «...Предмет театра — суета мирская, а самое справедливое название для него — игральное житейской суеты, и христианину театр ничего не дает, приучая его только к праздности и рассеянности и лишая его окончательно расположения к храму Божьему и к богослужению...»²; «К чему ведет чтение светских книг, особенно романов? К нечистой любви, разврату, охлаждению к вере и Церкви, к Евангелию и даже — увы! — к самоубийству»³. Однако углубленное изучение

дневников св. прав. отца Иоанна позволяет обнаружить неоднозначность и сложность его отношения к современной ему культуре, которые были обусловлены как его личным опытом, так и тем качеством и характером явлений культуры, которые в первую очередь попадали в поле его внимания.

Отметим и то, что пассажи, обличающие явления современной отцу Иоанну светской культуры, в дневниках чаще всего входят в состав более крупных фрагментов, представляющих собой заготовки для будущих проповедей. Даже если дневниковая запись, связанная с театром или литературой, не является черновиком будущего публичного выступления, она чаще всего строится как слово, требующее ответа, то есть реагирующее на ситуацию и предполагающее живую ответную реакцию. Об этом свидетельствуют многочисленные риторические вопросы, диалогическая форма выражения мысли, использование контрастных соположений: «Где непрестанная молитва? Где посещение Богослужения с целью духовного воспитания своего духа для вечной жизни? Где чтение Евангелия?.. Богомудрых писаний святых отцов? Где чтение житий святых? Где подражание святым?.. Увы! — Мы охотнее читаем только газеты и журналы, свои русские и иностранные романы, басни и сказки, чем — слово Божие. Мы охотно посещаем театр, но не церковь; охотно ходим на вечерние мирские собрания, полные суетности, но не к Богослужению вечернему; мы бодрствуем всю ночь до утра, только не на молитве, а за картами, утешая беса сребролюбия, суетности и праздности»⁴.

Подобного рода фрагменты позволяют утверждать, что негативная реакция отца Иоанна на театр или беллетристику была вызвана, прежде всего, его пастырским попечением о жителях Кронштадта, которым приходилось сталкиваться отнюдь не

с самыми высокими явлениями современной им культуры. Так, в дневниковых записях 1870—1871 годов отец Иоанн сетует, что в Неделю Православия, то есть во время Великого Поста, «вечером, в Кронштадтском театре даны были живые картины: плавающие полуобнаженные наяды и подобное»⁵.

О том, что «массовая», развлекательная культура имеет свойство поработать человека, становится своего рода идолом, отец Иоанн знал отнюдь не понаслышке. В собственной семье он сталкивался с тем, что светские развлечения нередко становились частью праздной жизни, уводящей человека от усилий по стяжанию Небесного Царства: «... Анна Константиновна⁶ читает только романы и, будучи вдовой молодой, умеет только есть сладко, спать долго, читать романы, о всех судить-рядить, всех бранить, кто только ей почему-либо не нравится, ставить все на своем и старших не слушать. И так, у меня уже раньше сжималось сердце, глядя на беспорядки, праздность и леность домашних...»⁷.

Однако за наблюдениями семейными и пастырскими отец Иоанн видел и более общие процессы, охватившие Россию и русскую Церковь во второй половине XIX века. Так, в декабре 1866 года он записал в дневнике: «Карамзинский праздник. У мира свои праздники, у Церкви — свои. Жаль, что у христианского мира — праздники свои — светские, — а церковные праздники пренебрегаются»⁸. Речь шла о столетии со дня рождения выдающегося русского историка и писателя Н. М. Карамзина, которое широко отмечалось в России. Очевидно, что тревогу отца Иоанна вызывал не столько интерес русского общества к фигуре Карамзина, сколько глубинная расколотовость русского мира на «светское» и «церковное». Общество, позиционировавшее себя как христианское и существовавшее в государстве, где православие утверждалось институтами государственной власти, по сути, переставало являться таковым. Отец Иоанн не ставил вопросов о причинах этой раздвоенности, но мучительно переживал ее: «Газеты, журналы светские, книги светские не учат нас быть христианами, и как проходить это горнее звание, что такое горняя жизнь на сей дольной земле, как благоугодить Богу и пр. Этому учит нас Священное Писание, Церковь, все книги священного содержания. А многие не читают этих полезных книг, читая только светские. И так, образованные не научаются жить по-христиански...»⁹.

Трагические последствия этого раскола русского мира были осознаны на рубеже XIX—XX веков, когда вопрос об объединении представителей Церкви и образованной части русского общества стал восприниматься как «самый важный из современных русских вопросов» (свящ. Сергей Четвериков), как «великий и роковой вопрос, который ставится теперь перед историей» (С. Н. Булгаков). От его решения зависело, по мнению современников, и будущее России, к началу XX века практически утратившей свое национальное единство из-за векового разрыва между простым народом и образованным сословием.

Для отца Иоанна ответ на этот «роковой и великий вопрос» был связан с обновлением духа и смысла ставших привычными форм церковной жизни. Будучи пастырем, катехизатором, законоучителем, он видел, как люди, родившиеся в Российской империи и по факту крещения являющиеся православными христианами, оказывались во власти мертвой формы, и всеми силами старался преодолеть охватывающую людей инерцию веры: «Прихожанам и ученикам надо показывать смысл Богослужения, обрядов, молитв, святого креста, икон, отношение их

к нашей жизни, а не заставлять учить наизусть эктении и молитвы, которые и без нас непрестанно повторяет Церковь, и которые, по непониманию многими духа и значения их, сделались *медью звенящею**. Надо показывать основания тех или других молитв, обрядов, дух их, смысл, цель, отношение к главному предмету священнослужения, и к падшему, и к восстанавливаемому благодатию Христовою человеку»¹⁰. Интересно, что отец Иоанн полагал, что помочь излечить общество от увлечения светскими романами может перевод богослужебных книг на русский язык: «Вместо этих книг переводы Церковные книги на русский язык: познакомь народ с содержанием их. Начни и продолжай постепенно. Возьми Октоих»¹¹.

Церковная деятельность отца Иоанна и, в первую очередь, его литургическое служение были направлены на то, чтобы вернуть в жизнь современной ему Церкви горение веры, пророческий дух, евангельские основания, которые были отчасти утрачены в Синодальный период ее существования и умаление которых в церковной ограде подвигало представителей образованной части общества обращаться в поисках духа и смысла к высокой светской культуре.

Отцу Иоанну был глубоко не чужд интерес к подлинным, высоким явлениям светской культуры. В лирических, личных фрагментах своего дневника он неоднократно цитировал стихотворения Г. Р. Державина, упоминал А. С. Пушкина и А. К. Толстого. Язык культуры помогал ему высказать нечто важное о себе и мире. Так, восхищение красотой Божьего творения вызывает в его памяти строки из оды Державина «Бог», приступающие нелюбовь, раздражение заставляют обратиться к стихотворению А. К. Толстого «Бывают дни, когда злой дух меня тревожит...», предсмертная фраза А. С. Пушкина «...и смешно же это, чтобы этот вздор меня пересилил» укрепляет в борьбе с невидимыми внутренними врагами. Таких культурных параллелей в дневниках отца Иоанна не много, но знаменательно уже то, что оды Державина он цитирует по памяти, а образы из стихотворения А. К. Толстого находят себе место в его

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий,
Тебе числа и меры нет!..

(«Бог», 1784)

катехизических беседах¹². Из явлений литературы отцу Иоанну, безусловно, была более близка поэзия. Знаменательно, что интерес к слову лирическому, поэтическому обнаруживается также в дневниках известного литургиста XX века прот. Александра Шмемана. Можно предположить, что этот интерес и у отца Иоанна, и у отца Александра был связан как с приобщенностью к миру богослужебной поэзии, так и с самой природой литургии, преодолевающей время и разворачивающейся на «луговине той, где время не бежит» (О. Э. Мандельштам).

Отец Иоанн был особенно чуток не столько к тем или иным конкретным явлениям культуры, сколько к культуре как «воздуху эпохи», определяющему способ бытия человека в современном ему мире¹³. Так, например, он понимал, что современный человек требует более осмысленного участия в богослужении, и шел на то, чтобы в рамках катехизических бесед, имевших обычно строго установленную тематику, «изъяснить материю богослужения».

Он чувствовал, что русский человек на рубеже XIX—XX веков оказался в резко изменившейся церковно-культурной ситуации, в необычных для него условиях непостоянных ритмов городской жизни, разрушения традиционного крестьянского уклада. Ответом отца Иоанна на этот вызов времени стала идея частого причащения, попытка нащупать новый и в то же время традиционный духовный, экзистенциальный центр, вокруг которого может быть собрана жизнь человека. Как вспоминают очевидцы, «он звал, он требовал, чтобы все, все без изъятия, шли вкусить от Источника бессмертия»¹⁴.

...И он, не ведая ни радости, ни веры,
В меня вдыхает злость — к кому, не знаю сам —
И лживым зеркалом могучие размеры
Лукаво придаёт ничтожным мелочам.
В кругу моих друзей со мной сидит он рядом,
Весёлость им у нас надолго отнята,
И сердце он моё напивает ядом
И речи горькие влагает мне в уста.
И всё, что есть во мне порочного и злого,
Клубится и растёт всё гуще и мрачней
И застилает тьмой сиянье дня родного,
И неба синеву, и золото полей,
В пустыню грустную и в ночь преобразуя
Всё то, что я люблю, чем верю и живу я.

(«Бывают дни, когда злой дух меня тревожит...», 1858)

Сам факт ведения дневника на протяжении практически всей жизни был весьма характерен для культурного сознания эпохи второй половины XIX века. Общая дегероизация жизни приковывала внимание не к исключительным событиям, а к каждому дню, к будничным мелочам, из которых складывалась жизнь провинциального священника. В то же время из потока повседневности вырастали большие жизненные смыслы, становилось очевидным и личное вырастание человека, и действие в его судьбе Божьего промысла.

* «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая и кимвал звучащий» (1 Кор 13:1).

В годы общероссийской славы личные связи отца Иоанна с деятелями русской науки и культуры стали весьма многообразны. Так, в ноябре 1901 года в Кронштадте на гастролях был цирк Владимира Дурова, устроенный, в отличие от мно-

В. Л. Дуров со своими питомцами.
Фото нач. XX в.

гих других, на основах любви к братьям нашим меньшим. Отец Иоанн по приглашению самого его директора посетил помещение цирка и совершил там молебствие. «Перед началом молебствия о. Иоанн обратился к присутствовавшим со „словом“, в котором призывал их помолиться Богу, благословляющему всякий честный труд. Молебствие при такой редкой обстановке и служение о. Иоанна производило сильное впечатление на всех присутствующих. Благословив всех, пожелав здоровья больной директрисе и обласкав ребенка — дочь г. Дурова, о. Иоанн прошел в конюшню, кропя ее на пути св. водою. О. Иоанн интересовался животными и окропил их всех св. водою. После того о. Иоанн по просьбе г. Дурова отведаль хлеба-соли, благословил трапезу и, побеседовав некоторое время с г. Дуровым, отбыл из цирка. О. Иоанн был в прекрасном настроении и уезжая даже пошутил, сказав стоящим около входа: „Вот и я был в цирке!..“»¹⁵.

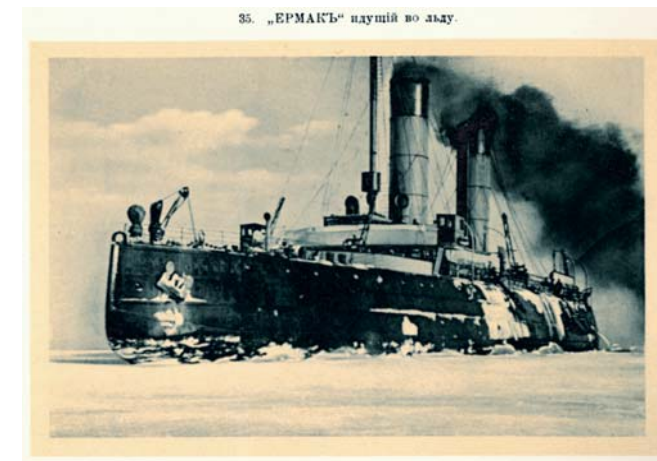
В том же году в свет вышла книга адмирала С. О. Макарова «„Ермак“ во льдах» — о первых годах работы этого уникального арктического ледокола. Приход его в Кронштадт отец Иоанн приветствовал в марте 1899 года. К столь замечательному событию он сочинил молитву, в которой прославил человеческое творчество, вдохновляемое и направляемое Богом. Вот рассказ об этом самого адмирала Макарова:

«Высокопочтимый отец Иоанн Кронштадтский, столь сочувственно относящийся ко всякому добродушному начинанию, еще осенью минувшего года благословил меня двумя образами, которые, при освящении ледокола в Ньюкастеле, были поставлены на свои места: один в салоне 1-го класса, другой в моей каюте. По прибытии ледокола в Кронштадт, отец Иоанн изъявил свое желание отслужить у нас молебен, который состоялся в воскресенье 7 (19) марта. На этом молебствии отец Иоанн прочел составленную им молитву, которую я привожу здесь ниже:

Господи, Творче небеси и земли, создавший сушу, равнины и высоты гор в мериле и холми в весе, такожде моря глубокия и пространныя, приемлющия в лоно свое множество рек, яко же жил животворных, распростертых по лицу всея земли. Ты, Владыко всея твари, сотворивый мразы и льды, покрывающие яко корою и броней твердою некия моря, озера и реки и по верху их, яко по мостам крепким шествие безопасное человекам и животным устройвый. Ты, Всеблагий и Всесильный Господи, умудривый человека пролагати дивные скорые пути по морю и по суше, рекам и озерам, силою огня и пара, Ты, Премудрый и Преславный во всех делах, Господи, ныне новый и дивный путь льдами безмерными проходити устроил еси через сие судно, движимое огнем и силою пара, умудрив и на сие дело человека, созданнаго Тобою по

Вице-адмирал С. О. Макаров.
Фото нач. XX в.

«Крестник» о. Иоанна ледокол «Ермак»
(годы службы — 1899—1964)

образу Твоя безмерныя мудрости! Прими ныне от рабов Твоих, предстоящих zde лицу Твоему, и дивное плавание во льдах совершивших благополучно, кроме всякаго вреда, благодарение всесердечное о милости Твоей, яко умудрил еси рабов Твоих и создати таковое судно и препроводити доселе рукою Твоею крепкою, яко Твоя есть держава, Твое царство и сила, и слава, и мудрость во всех во веки веков. Аминь.

Молитва эта произвела на всех глубокое впечатление и решено было, при изготовлении киота, для присланного от Томского купечества образа, молитву эту награвировать на серебряной доске и поместить ее в самом киоте, что впоследствии и сделано»¹⁶.

Профессор С. П. Боткин.
Фото нач. 80-х гг. XIX в.

Незадолго до кончины известного писателя М. Е. Салтыкова (Щедрина), весной 1889 года отец Иоанн был приглашен в его дом, чтобы помолиться о его здоровье. По свидетельству сына писателя, К. М. Салтыкова, во время этого визита произошла неожиданная встреча отца Иоанна с С. П. Боткиным, лечащим врачом Михаила Евграфовича. Как вспоминал К. М. Салтыков, все присутствовавшие были смущены внезапным появлением Сергея Петровича:

«Воцарилось неловкое молчание. Один отец Иоанн был, видимо, приятно удивлен, увидев профессора. Он встал и с доброй улыбкой обнял Боткина.

— Ай, ай, ваше превосходительство, — укоризненно начал по адресу папы Сергей Петрович, — как вам не стыдно скрывать от меня моего друга, отца Иоанна... Ведь мы оба врачи, только я врачую тело, а он душу...»¹⁷.

В заключение приведем удивительный пример поэтического творчества самого отца Иоанна. Многие современники вспоминали неповторимую, своеобразную манеру его служения, в которой было чрезвычайно сильно личностное начало: «... непринужденно свободным потоком из глубины души льются у него слова молитв: содержание их далеко опережает в его сердце внешнюю их форму и обрядовое выражение»¹⁸. До нас практически не дошли плоды литургических импровизаций отца Иоанна, однако стараниями его духовной дочери игумении Таисии (Солоповой) было сохранено его молитвенно-поэтическое славословие, которое родилось во время путешествия на родину, в Архангельскую губернию.

Это лирическое «стихотворение в прозе», написанное отцом Иоанном буквально на одном дыхании под впечатлением от белой северной ночи, сиявшей от Соловецких островов, где отец Иоанн бывал ранее, до Петербурга, вобрало в себя черты псалмической поэзии, но также и наследие Державина, Ломоносова, Пушкина:

«Слово мое ко хвале Твоей благослови, Господи!
Река Пинега и мир Божий в своей чудной красоте
на 10-ое июня на пароходе „Святитель Николай“.

Незабвенная, восхитительная, славная ночь,
виденная мною на севере, когда я на 10-ое июня
следовал на своем пароходе „Святый Николай Чудотворец“ по реке Пинеге!
Это недалеко было от впадения ее в великую, размашистую,
как море широкую, Северную Двину.

На Пинеге. Фото Станислава Марченко, 2013

Монастырское судно. Этюд.
Цветное фото С. М. Прокудина-Горского, 1916

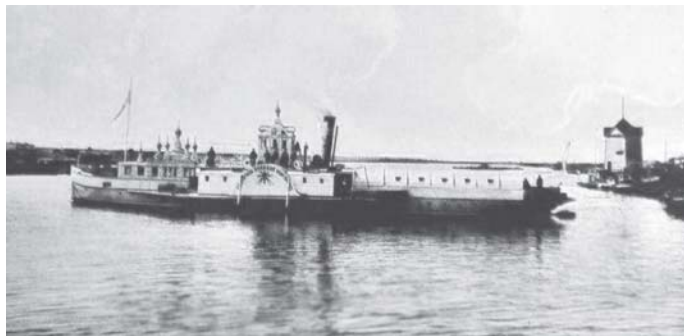
О. Иоанн Кронштадтский.
Фото последнего года жизни

Было 12 часов ночи, но ночи на самом деле не было,
и сумерков даже не было; это был самый светлый, тихий вечер.
На самом горизонте — лучезарные перистые облака;
река — как стекло, не колыхнется; от светлой зари она вся — как огненная.
Природа вся была необыкновенно прекрасна.
По обеим сторонам реки берега
окаймлены ровным хвойным лесом с зелеными лугами;
вода, как зеркало, чудно отражала багровое небо.
Тишина мертвая!
Мысль и сердце уносятся к Богу, в такую велелепоту облакающего,
одевающегося светом, яко ризою, простирающего небо, яко кожу*.
Чувствуешь, что Он Сам тут, вездесущий, всё наполняющий,
всё украшающий, всё содержащий, всему дающий жизнь и дыхание и всё**.
И эта Пинега — моя родная река, текущая близ моего родного села Сурского,
около которой я столько раз бегал, бывши младенцем и отроком,
которая так шумлива и восхищала меня своим величественным весенним ледоходом,
своим обильным и широким, всеувлекающим разливом.
Это та Пинега, по которой я так много плавал, бывши отроком —
учеником духовного училища и семинарии,
плавал с великими затруднениями на большой лодке, подвергаясь и ливню дождя,
а иногда осыпaeмый снегом и градом, в конце августа или начале сентября.

* Ср.: Пс 103:1–2.
** Ср.: Деян 17:25.

Сколько воспоминаний предносится моему уму и воображению!
Сколько чувств пробуждается во мне — и отрадных и печальных!
Родители мои были бедны; притом отец постоянно хворал,
от тяжелых трудов сильно болев животом, в котором были не то грыжа, не то рак,
от которого он и умер рано, только 46-ти лет;
мать моя скончалась в Кронштадте в 1870 году от холеры.

Сегодня, на 10-ое июня, я всю ночь не сплю —
и вот дождался восхода солнца, ослепительно заблеставшего
и чудно игравшего переливами света.
Это было в первой четверти 2-го часа...»¹⁹.

Пароход «Святитель Николай Чудотворец»

Примечания:

- ¹ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник 1867—1868 гг. (в печати).
- ² Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник. Т. 15. 1870—1871. М., 2006. С. 31.
- ³ Там же. С. 91.
- ⁴ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник 1867—1868 гг. (в печати).
- ⁵ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник. Т. 15. 1870—1871. М., 2006. С. 53.
- ⁶ Цветкова (урожд. Несвицкая) Анна Константиновна (1843—1916), сестра Е. К. Сергиевой, супруги о. Иоанна. После смерти мужа, священника Григория Цветкова, проживала в семье о. Иоанна. Со временем, под влиянием о. Иоанна, ее жизнь значительно изменилась. Подробнее о ней см.: Святой праведный Иоанн Кронштадтский и супруга его матушка Елизавета Сергиева: проповеди, воспоминания современников и родственников, малоизвестные архивные материалы. СПб.: Санкт-Петербургская епархия РПЦ, 2008. С. 517.

- ⁷ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник 1872—1873 гг. (в печати).
- ⁸ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник 1866 г. (в печати).
- ⁹ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник. Т. 15. 1870—1871. М., 2006. С. 290.
- ¹⁰ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник 1867—1868 гг. (в печати).
- ¹¹ Св. прав. о. Иоанн Кронштадтский. Дневник 1866—1867 гг. (в печати). Аналогичные мысли во второй половине XIX века высказывал свт. Феофан Затворник, осуществивший перевод на русский язык избранных песнопений Октоиха: «... надо что-нибудь на всю церковную жизнь влияющее сделать. И есть вещь такого именно свойства, и вещь крайне нужная. Разумею — новый, упрощенный, уясненный перевод церковных богослужебных книг. Наши богослужебные песнопения все назидательны, глубокомысленны и возвышенны. В них вся наука богословская и все нравоучение христианское и все утешения и все утешения. Внимающий им может обойтись без всяких других учительных христианских книг. А между тем большая часть из сих песнопений непонятны совсем. А это лишает наши церковные книги плода, который они могли бы производить, и не дает им послужить тем целям, для коих они назначены и имеются. Вследствие чего *новый перевод книг богослужебных неотложно необходим*. Ныне, завтра, надо же к нему приступить, если не хотим нести укора за эту неисправность и быть причиною вреда, который от сего происходит. <...> Так вот было бы достойное ознаменование юбилея (900-летия крещения Руси. — *Ред.*), если бы решили к тому времени положить начало новому переводу богослужебных книг. Положат пусть, теперь же положат перевести все книги заново...» (Собрание писем святителя Феофана. М., 1898. Вып. 2. Письмо 289. С. 142—144).
- ¹² Ср.: «Люди, наблюдавшие за самими собою, — за состоянием своей душевной жизни, — замечали, что душа их, прежде тихая и покойная, как величественная река, ровно текущая в своих берегах, вдруг была возмущаема какою-то неприязненною, злою силою — и начинала смутно волноваться от напора нечистых помыслов и желаний страстных; — усматривали, что внутри их иногда кто-то с силою устремляется на самые коренные, спасительные убеждения разума, на самые святые чувствования; колеблет веру в самом ее основании, омрачая и возмущая ум и рассудок, чтобы в этом мраке и смятении удобнее похитить сокровище веры; навязывает разные скверные, лукавые и хульные помышления тогда, как человек расположен к помыслам святым и возвышенным...» (О. Иоанн Сергиев. Катехизические беседы, говоренные в Кронштадтском Андреевском соборе священником Иоанном Сергиевым. Кронштадт, 1859. С. 44—45).
- ¹³ Так, например, в беседе с сарапульскими пастырями о. Иоанн сообщил, что, дабы «не отставать от текущей жизни», он в свободные минуты прочитывает «по выбору современные периодические издания» (См.: *Сергиев Иоанн, священник*. Беседа с Сарапульскими пастырями // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М., 2004. С. 18).
- ¹⁴ *Паозерский М., священник*. Впечатления первого сослужения отцу Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому) на Божественной литургии // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М., 2004. С. 273.
- ¹⁵ Молебствие о. Иоанна в цирке В. Л. Дурова // Котлин. 1901, 14 ноября, №. 257. С. 3.
- ¹⁶ *Макаров С. О.* «Ермак» во льдах. Описание постройки и плаваний ледокола «Ермак» и свод научных материалов, собранных в плавании. СПб., 1901. С. 185—186.
- ¹⁷ *Салтыков К. М. Е.* Салтыков (Щедрин) и отец Иоанн Кронштадтский (Из воспоминаний сына писателя) // Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Воспоминания самовидцев. М., 2004. С. 332.
- ¹⁸ Посещение города Вильны отцом Иоанном Кронштадтским // Там же. С. 44.
- ¹⁹ *Сергиев И. И.* Письма о. протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии. СПб., 1909. С. 24—25.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ЭХО

Сцена из 3 д.: Акварель Г. Г. Гагарина

*Ох, куда твоя дорога!
Ах, родимый, ради Бога,
Поляков не провожай,
Нас, детей, не покидай!..*

27-е Ноября день достопамятный в Истории Русской — это день смерти Сусанина; в нынешнем году он был ознаменован достойным образом. Прошло более двухсот лет как благородный гражданин, истинный Россиянин, пожертвовал жизнью за спасение своего законного Государя — и вот благодарное потомство совершает по нем трогательную тризну. Музыкант и поэт оживляют его творческою силою искусства и он — в день смерти своей — является пред блистательною толпою, чтобы предать ей свои простые возвышенные чувства любви к родине и престолу. Первые звуки, слышанные нами с новой сцены, были звуки Русские, высказывавшие Русскую душу. Сусанин как бы посвятил новый храм искусств всему национальному...

Я. Н.

«Московский наблюдатель». 1836, ч. IX.

Большой театр в Санкт-Петербурге. Неизвестный художник

КОСТРОМСКОЙ БЫЛИ

С. Ф. Тухленков

«Славой и милостью к Русской земле родной...»

Опера «Жизнь за Царя»

в контексте основ православного бытия

В год празднования 400-летия восшествия на престол Государства Российского первого царя династии Романовых закономерно обострился интерес к событиям того времени, к подвигу Ивана Сусанина, спасшего царя Михаила Федоровича. Естественно поэтому и возросло внимание к бессмертному творению Михаила Ивановича Глинки — опере «Жизнь за Царя». Оно закономерно и в преддверии 210-летия со дня рождения композитора, которое будет отмечаться в начале июня этого года.

Сегодня мы можем сказать, что воцарение Михаила Федоровича стало отправной точкой для новой эпохи в жизни России, а опера Глинки открыла эпоху истинно национального в русской музыке. По прошествии со дня премьеры более полутора веков это видится особенно ясно. Феномен оперы продолжает требовать осмысления. Но нельзя забывать и о феномене самого подвига костромского крестьянина.

«За тестя его Ивана Сусанина
к нам службу и за кровь...»

В последние двадцать лет снова не раз уже прозвучали сомнения в историчности подвига Ивана Сусанина. В обоснование противоположного, традиционного взгляда хотелось бы обратиться к тексту подлинной царской грамоты, непреложно засвидетельствовавшей реальность и значимость тех событий. Вот этот текст в передаче наиболее раннего из доступных сегодня авторитетных источников:

«Божиею милостию, мы Великий Государь, Царь и Великий Князь Михайло Федорович, всея Руси Самодержец, по нашему Царскому милосердию, а по совету и прошению матери нашей, Государыни великия старицы иноки Марфы Ивановны, пожаловали есмь Костромскаго уезда нашего села Домнина крестьянина Богдашка Собинина, за службу к нам и за кровь и за терпение тестя его Ивана Сусанина: как мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович

всёя Руси в прошлом во рѣка* году были на Костроме, и втепоры приходили в Костромской уезд Польские и Литовские люди, а тестя его Богдашкова Ивана Сусанина втепоры Литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками, а пытали у него, где втепоры мы Великий Государь Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всёя Руси были; и он Иван, ведая про нас Великаго Государя, где мы втепоры были, терпя от тех Польских и Литовских людей немерныя пытки, про нас Великаго Государя тем Польским и Литовским людям, где мы втепоры были, не сказал, и Польские и Литовские люди замучили его до смерти. И мы Великий Государь Царь и Великий Князь Михайло Феодорович всёя Руси пожаловали его Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина к нам службу и за кровь, в Костромском уезде нашего дворцового села Домнина половину деревни Деревнищ, на чем он Богдашка ныне живет, полторы чети выти земли велели обелить, с тое полудеревни с полторы чети выти на нем на Богдашке, и на детях его и на внучатах и на правнучатах, наших никаких податей, и кормов, и подвод, и наметных всяких столовых и хлебных запасов, и в городовыя поделки, и в мостовщину и в иныя ни в какия подати имать с них не велели, велели им тое полдеревни во всем обелить и детям их и внучатам и во весь род неподвижно. А будет то наше

Воцарение Михаила Федоровича.

Литография А. Шмида с оригинала Г. Львова. 1840-е

* В 121, т.е. 7121 г. от сотворения мира. В XVII в. началом года на Руси считалось 1 сентября. Месяца по декабрь 7121 г. соответствовали 1612 г., с января – 1613 г. от Р. Х.

село Домнино в которой монастырь и в отдаче будет, и тое полдеревни Деревнищ полторы чети выти земли и ни в которой монастырь с тем селом отдавать не велели, велели, по нашему Царскому жалованию, владеть ему Богдашке Собинину и детям его и внучатам и правнучатам и в род их вовеки неподвижно. Дана сия наша Царская жалованная грамота на Москве, лета хзрѣки*, Ноября в л** день»¹.

Ниже примечание: «К подлинной грамоте привешена красная восковая печать, а на обороте написано: Царь и Великий Князь Михайло Феодорович, всёя Руси Самодержец. — подписал Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всёя Руси дьяк Иван Болотников»².

Так самоотверженность крестьянина спасла будущее новой русской династии и страны. Последующие самодержцы земли Русской также заботились о потомках своего верного слуги, прирезывая им землю, постоянно подтверждая их льготы. Известно, что грамоты, подтверждавшие их права, выдавались потомкам Сусанина Алексеем Михайловичем, Иоанном и Петром Алексеевичами, Анной Иоанновной, Екатериной II.

В октябре 1834 года император Николай I высказал мысль о воздвижении памятника подвигу Ивана Сусанина в Костроме³.

Николай I.
Литография А. Морена, 1836

«...Судьба человеческая, судьба народная»

После победы над Наполеоном идеи развития русского национального искусства находили в обществе горячий отклик. Мысль о создании оперы «в народном духе» возникла и у Николая I. Высказав ее В. А. Жуковскому, царь рекомендовал барона Георгия Федоровича Розена как подходящего автора либретто. «Он хоть и немец, — сказал император, — но хорошо владеет русским языком, ему довериться можно»⁴.

В своих записках, относящихся к 1834–1835 годам, М. И. Глинка пишет: «Когда я изъявил свое желание приняться за русскую оперу, Жуковский искренно одобрил мое намерение и предложил мне сюжет „Ивана Сусанина“. Сцена в лесу глубоко врезалась в моем воображении; я находил в [ней] много оригинального, характерно русского. ... как бы по волшебному действию вдруг содался и план целой оперы, и мысль противопоставить русской музыке — польскую; наконец, многие темы и даже подробности разработки — все это разом вспыхнуло в голове моей»⁵. С детства помнивший рассказы об Отечественной войне 1812 года, впитавший в себя всю красоту русской крестьянской песни, изучивший во время путешествия за границу передовой опыт творцов европейской оперы, Глинка, создавая отечественную героико-трагическую оперу⁶, воплотил в ней новый взгляд А. С. Пушкина на историческую трагедию, выска-

* 7128 г. от сотворения мира. Ноябрь соответствовал 1619 г. от Р. Х.
** 30 день.

В. А. Жуковский. К. П. Брюллов, 1835

М. И. Глинка. Н. С. Волков, 1837

занный в 1830 году в заметке о народной драме: «Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ — Судьба человеческая, судьба народная»⁷.

Премьера «Жизни за Царя», состоявшаяся 27 ноября 1836 года в обновленном после пожара Большом театре, стала исключительным событием в художественной жизни Петербурга. На первом исполнении присутствовали члены императорской фамилии во главе с царем, а также виднейшие представители художественной интеллигенции — Пушкин, Жуковский, Вяземский, Одоевский, Михаил Виельгорский. Позднее с оперой познакомились Гоголь, Тургенев, Шевченко, Брюллов и Айвазовский. У публики и у критиков музыка оперы породила резко противоположные мнения, от восторженных (В. Ф. Одоевский) до резко отрицательных (Ф. В. Булгарин). Приведем один из самых парадоксальных примеров такой противоположности. В том же году Булгарин писал: «Мы ожидали найти патриотические гимны, жгучие слова, песни, проникнутые русским духом и священной стариною... и не нашли ничего...»⁸. В 1842 году А. Н. Серов в письме к В. В. Стасову высказал мнение, что у оперы «кваснопатриотический и вовсе не оперный, даже не сценический сюжет...»⁹.

Позднее, оценивая высказывания критиков о «Жизни за Царя», А. С. Хомяков отмечал: «Об ней уже писали многое ... но кажется, весь объем оперы, все ее значение остались совершенно незамеченными. ... Об ней говорили, как об музыке, исполненной Русских мотивов, писанной на Русский лад, как об музыке народной или передразнивающей народность, а все-таки не поняли ее, как явление вполне Русское и созданное из конца в конец духом жизни и истории Русской»¹⁰.

Сегодня мы можем сказать, что опера Глинки — не просто героико-патриотическая драма, явившая нам «мощь и величие общенародного искусства»¹¹, в которой композитор сумел «воплотить в русской музыке те высокие, непреходящие ценности, которые обобщаются в едином понятии классического искусства»¹², это творение, впервые являющее нам в художественной форме такое понятие, как

православный мир. Как справедливо замечает культуролог Т. В. Чередниченко, «музыка в опере Глинки говорит не столько об обстоятельствах восшествия на Российский престол первого Романова или о подвиге старосты деревни Домнино, сколько о той мистерии власти, которая объединяет царя (медиатора между земным и небесным) и крестьянина (чей подвиг воспроизводит ответственность Божьего помазанника за государство), а значит, о нерасторжимой связи между преходящим и вечным и о постоянной возможности преобразования посторонней реальности. Глинка музыкально засвидетельствовал возможность чуда»¹³.

С точки зрения христианского богословия власть, как необходимая составляющая общественного устройства, есть божественное установление для противодействия злу и содействия добру. Ее основной принцип, как отражение небесной иерархии в земных установлениях, как дело Премудрости Божией, выражен в словах апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога...» (Рим 13:1). Развивая мысль апостола, свт. Иоанн Златоуст писал: «Так как равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения, как то: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношею, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником»¹⁴. Формирование в обществе иерархии властных отношений упорядочивает управление, обеспечивает стабильность.

Основой бытия общества, ориентированного на вековые традиции, является семья, христианский уклад которой окончательно сложился в средние века. Патриархальный уклад семьи, с его строгостью и приверженностью традициям, явился в русском христианстве образцом семейного уклада жизни. «Откуда берутся в обществе самые отважные и преданные государству воины, офицеры, полководцы? Они вырастают в семьях, где высоко нравственно были развиты отношения между детьми и родителями, братьями и сестрами, старшими и младшими, где чтились многовековые традиции, где старший всегда оберегал и защищал младшего, где младший неукоснительно почитал старшего и считал своим долгом буквально лелеять отцовский и дедовский боевой и просто человеческий опыт»¹⁵.

Основой для взаимодействия личности, семьи, общества и власти является *соборность*. «Соборность — согреваемое духовной общностью движение к истине — возможна лишь в Церкви, а Церковь — это народ: „... полнота разума, равно как и беспорочная святость, принадлежат лишь единству всех членов Церкви“, „Непоколебимая твердость, незыблемая истина христианского догмата не зависит от сословия иерархов; она хранится всею полнотою, всею совокупностью народа, составляющего Церковь, который и есть Тело Христово“»¹⁶. «Отсюда — отношение к Российской державности как к святыне, ибо семья — „малая церковь“ — получает освящение в таинстве венчания супругов, а государство — „большая семья“ — в таинстве венчания царя на царство, на самодержавную власть „во славу Божию“...»¹⁷.

Касаясь роли народа в исторических событиях, на фоне которых развивается оперный сюжет, А. С. Хомяков пишет: «Смутно время для России. Государства нет, ибо нет его выражения — Государя. Неприятель в самом сердце страны, недавно выгнанный из Москвы и снова ей угрожающий. ... Государства нет, но семья и община остались, — они спасли Россию»¹⁸.

«Это более чем опера...»

Вчитываясь в отзывы публики и критики на премьеру оперы, можно подметить некоторые характерные высказывания.

Д. Татищев: «... а мною такая скука овладела при первом представлении, что слуга покорный, на второе меня не заманят»¹⁹.

И. С. Тургенев: «Сознаюсь откровенно, не понял значения того, что совершалось перед моими глазами... В „Жизни за царя“ я просто скучал»²⁰.

С этими отзывами вполне согласуется и высказывание Ф. В. Булгарина: «В целой музыке мало разнообразия, и от этого, от длинных хоров, сколь эта музыка ни прелестна, как ни восхитительны отдельные части, но... опера... извините, скучна»²¹.

Почему появились такие отзывы? В чем корень непонимания?

Зритель по привычке ждал от оперы динамики сюжета, ярких характеров, разгула страстей, обилия интриг. Ничего этого мы не найдем в опере Глинки. Делясь впечатлениями от премьеры, П. А. Вяземский в письме к А. А. Булгакову писал: «... Вообще эффектных мест нет; в души и уши нашей братии профанов ничего не вбивается разом, как в операх Россини, Беллини, Мейербера и проч. Следовательно, нужно пристально вслушаться и познакомиться с музыкою на коротком ухе, чтобы судить о ней»²².

Плавню перетекая друг в друга, хоры, речитативы, арии, ансамбли образуют картину жизни общины во всей ее полноте.

В 1840 году приятель Глинки, французский литератор Анри Мериме (двоюродный брат Проспера Мериме) в своих письмах из Москвы писал: «По сюжету и по музыке это такой правдивый итог всего, что Россия выстрадала и излила в песне; в этой опере так хорошо выражены ее ненависть и любовь, ее слезы и радости, ее долгие ночи и светлые зори. Это в начале тяжкая скорбь, а затем гимн искупления, такой гордый и торжествующий, что последний крестьянин, перенесенный из своей избы в театр, был бы тронут до глубины души. Это более чем опера, это национальная эпопея, это лирическая драма, восходящая к чистоте своих первоначальных истоков, когда она была не легкомысленной забавой, а торжеством патристическим и религиозным. Хотя я иностранец, ни разу я не присутствовал на этом спектакле без живого, захватывающего чувства»²³.

Уже первый хор (интродукция 1 д.) являет нам основные составляющие православного бытия. Начальная тема мужского хора (данная в мажоре) в своей широте и размерности показывает нам русского человека, готового со смирением претерпевать скорби, ниспосылаемые свыше:

*В бурю, во грозу
Сокол по небу
Держит молодецкий путь.
В бурю на Руси
Добрый молодец
Песню русскую ведет.*

Со смирением и терпением приходит сила:

*Страха не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за царя, за Русь!*

Обретение чести и славы связано со страданиями (появление минорных интонаций в следующем проведении темы):

*Мир в земле сырой,
Честь в стране родной,
Слава мне в Руси святой!..*²⁴

Вторая, женская тема, грациозная и подвижная, написанная в жанре хороводных песен, дополняет первую и несет в себе образ искренней радости — приходу весны, возвращению братьев, мужей, боярина Михаила (будущего царя).

А. Я. Петрова-Воробьева.
К. П. Брюллов, 1841

Первая исполнительница роли Вани А. Я. Петрова-Воробьева (1817–1901) вспоминала: «Не могу умолчать о впечатлении, произведенном на меня первым хором в интродукции, когда на сцену выходят женщины; меня страшно поразила реальность этого хора; во время спокойного напева мужских голосов кучка баб тараторят, как трещотки. После итальянской музыки это было так ново и естественно, что у меня от восторга даже захватило дух»²⁵.

Развивая и переплетая темы, разрабатывая их вариационно и полифонически, Глинка являет нам образ суровой, сосредоточенной силы, направленной к обретению полноты бытия. Истинный христианин, живущий по заповедям Божиим, и в обыденной жизни стремится к полноте, символами которой являются гармония в семье, мирная жизнь страны, ладно построенный дом, выращенный и собранный урожай. В данном хоре таким символом полноты является возвращение из плена «младого боярина», будущего царя. «Интродукция завершается энергичной кодой, основанной на измененной женской теме, она здесь носит героический характер»²⁶. Она насыщена радостной решимостью защитить обретенную полноту: «Так будет беда лихим гостям»²⁷.

Апофеозом воспевания полноты бытия становится заключительный хор оперы. В. В. Стасов в биографии Глинки по поводу хора «Славься» писал: «Хор этот — ...неоспоримо высший и совершеннейший народный гимн, какой когда-либо раздавался в России»²⁸. Этот, по определению Глинки, «гимн-марш», монументальный и торжественный, несущий в себе черты распевности и движения, наполненный светом, радостью и торжеством, является подлинным апофеозом народной мощи, какого еще не знала оперная сцена. В нем Глинка гениально соединил и плавные интонации древнего знаменного распева, и мощные многоголосные звучания хорового партесного пения, и победные «виватные» канты Петровской эпохи, и маршевые ритмы воинских песен 1812 года. Колокольный звон и яркие гармонические краски празднично расцветивают в финале этот гимн единения:

*Славься, славься, наш русский царь,
Господом данный нам царь-Государь!
Да будет бессмертен твой царский род!
Да им благоденствует русский народ!*²⁹

Так воспевают народ восшествие на престол Богом данного царя, с родом которого связывается будущее благоденствие страны. «И когда в гениальном эпилоге трио осиротевших детей Сусанина оплакивает отца, его обрамляет один из самых монументальных хоров в истории музыки... Скорбь и ликование сливаются в соборной исторической истине — в горизонте святости»³⁰.

Преподобный Григорий Синаит некогда писал: «Взыграние, или радость, имеет два различия, именно: есть радость спокойного характера, которая именуется биением, воздыханием и рассуждением духа, и есть бурная сердечная радость, называемая игранием [духа], восторженным движением, или трепетанием, или величественным взлетом живого сердца в Божественную воздушную сферу»³¹.

Царь незримо присутствует в опере в чаяниях народа. Хор гребцов: «Жениха невеста ждет, жениха и Русь зовет». Сусанин: «А законный нам нужен царь — и земля спасена!», «Широко царёво сердце — будет место всей Руси!». Антонида: «Так Русь Святая сиротой уже не будет». Сусанин: «Постоим за царя своего». Ваня: «И я за царя постою». Сусанин: «Ты ж заря, ... Скорее возвести спасения весть про царя!..». В молитве семьи Сусанина (квартет 3 д.) звучит:

*Боже! Люби царя!
Боже! Прославь царя!
Славой и милостью
К Русской земле родной!*³²

Образы семьи

Образ Сусанина, определяемый Глинкой как «характер важный», сочетает в себе внутреннюю значительность с высокой простотой. Его черты — основательность, суровая сдержанность, задушевность, мужественная нежность. Каждая его фраза по-своему важна, а в целом его образ интонационно скрепляет бытие семьи и односельчан. «Костромской крестьянин (как и не поющий в опере царь) воплощает соборное единство Руси.»³³

Сусанин предстает перед нами как «вдумчиво взвешивающий и солидно оценивающий положение вещей поселянин», не благословляющий или благословляющий свадьбу дочери (1 д.), как «гостеприимный хозяин и любящий отец», радеющий о воспитании дочери и сына (3 д.), как человек, собравший «всю силу мужественного духа (3 и 4 д.)»³⁴, как христианин, борющийся с искушением: «Ужасная тоска закралась в грудь мою! Заела сердце скорбь...» (ария 4 д.).

По отзывам публики и критиков, выдающимся исполнителем партии Сусанина был Осип Афанасьевич Петров* (1807—1878), впервые воплотивший этот образ на сцене, и эта роль, исполненная немногим менее трехсот раз, стала значительной вехой на жизненном пути певца. Критик Ф. М. Толстой писал: «Сила, твердость, бесстрашие, — все коренные качества русского простолюдина, так ярко выражаются в позе и взгляде Петрова. „Страха не страшусь, смерти не боюсь!“ — восторженно восклицает

О. А. Петров в партии Сусанина.
Неизвестный художник

О. А. Петров.
С. К. Зорянко, 1849

Сусанин... Как сейчас вижу эту мощную фигуру, расстегнутую грудь, красную рубаху, трясущуюся белую окладистую бороду и огненный, презирающий взор, от которого отскакивает ватага поляков, точно сраженная палицею Геркулеса. Так вот в чем сила России, невольно произносишь с затаенным дыханием, боясь пошевелиться»³⁵.

А. С. Хомяков подчеркивал типический характер образа: «Сусанин не герой: он простой крестьянин, глава семьи, член братской общины; но на него пал жребий великого дела, и он дело великое исполнит. В нем выражается не личная сила, но та глубокая, несокрушимая сила здорового общества, которая не высказывается мгновенными вспышками или порывами каждого отдельного лица на личные подвиги, но движет и оживляет все великое и общественное тело, передается каждому отдельному члену и делает его способным на всякий подвиг терпения или борьбы»³⁶.

Интонационные источники партии Сусанина — протяжная крестьянская песня, возвышенная декламационность, символические мелодические эмблемы (например, мотив креста в предсмертной сцене Сусанина в лесу). В партиях же «младших» членов семьи присутствуют и интонации романса, «приправленного» итальянской виртуозностью. Как отсутствие романсовых интонаций позволяет Сусанину обходить «слишком личное», так и их наличие дает право Ване, Антониде и Собинину на более яркое проявление индивидуального чувства. И как интонации крестьянской протяжной песни являются гармонизирующей основой для сквозных сцен, так и интонации молитвы, романса, плясовой песни, куплета, сообща ансамблям стройность, являют нам гармоничную жизнь семьи в ее устремлениях. О. Е. Левашева определяет эти ансамбли как «ансамбли согласия». По ее мнению, «подобно оперным ансамблям Моцарта, они могут считаться образцовыми по красоте и стройности формы»³⁷.

Сочетая принципы классической полифонии с природой русского народного многоголосия, Глинка, с одной стороны, явил нам картину коллективного чувства семьи, с другой — переплетение непрерывно развивающихся личностных образов. Ансамбли наполнены умиротворяющей теплотой (трио «Не томи, родимый» 1 д.),

* Позднее выдающимся исполнителем партии Сусанина был Ф. Шаляпин. В разное время в этой роли также блистали В. Касторский, В. Петров, М. Рейзен, М. Михайлов, Б. Штоколов. Выдающийся болгарский певец Б. Христов создал яркий образ героя в лучшей записи «Жизни за Царя» на Западе.

единением в устремлениях (дуэт Сусанина и Вани 3 д.), молитвенностью и радостным предвкушением семейного счастья, полноты, своего рода предпразднства (квартет 3 д.). По поводу особенно полюбившегося трио из первого действия Глинка в своих записках вспоминал: «Мысль известного трио есть следствие моей безумной тогдашней любви; минута без невесты моей казалась

Эскиз декорации для 3 действия оперы «Жизнь за Царя».
А. А. Роллер, 1836

мне невыносимой, и я действительно чувствовал высказанное в *adagio* или *andante* „Не томи, родимый“, которое написал уже летом в деревне»³⁸.

При всей выстроенности гармоничного пространства семейной жизни «младшие» герои в опере воспринимаются как живые люди, не лишённые импульсивных проявлений чувств. Собинин, огорченный позицией Сусанина, восклицает: «Как? Ужели / Не быть моей свадьбе? / А для свадьбы-то / Я домой пришел!» (1 д.). Достаточно эмоциональна реакция Антонида на решение отца: «Ах, родимый, ради Бога, / Поляков не провожай, / Нас, детей, не покидай!..» (3 д.). Ваня, стоящий перед воротами монастыря, поет: «Замерло сердце, / Ноги дрожат, / Ужас и холод / Мучат меня...» (4 д.).

Долгое время после премьеры образ Вани ассоциировался у отечественной публики с именем замечательной русской певицы Анны Яковлевны Петровой-Воробьевой*. По поводу ее исполнения критик Я. М. Неверов после премьеры писал: «Прочтите поэму (либретто. — *Авт.*) и скажите, что такое Ваня — вы не сумеете дать себе довольно ясного отчета; но прослушайте его партицию — и тогда в душе вашей составит прекрасный, светлый образ сироты, заунывного даже и в счастье, смелого отважного, который с благоговейным почтением любит своего благодетеля и душою предан царю и родине; в последней арии Вани (трио в эпилоге. — *Авт.*) грусть его является чем-то высоким, торжественным; поистине, для одной этой арии мы бы не соскучились двадцать раз быть в театре»³⁹.

В своем исполнении певица сумела передать сочетание кротости, нежности, простоты мальчика с его недетским мужеством. В дальнейшем Глинка, написав сцену у ворот монастыря, обогатил этот образ. По словам А. А. Гозенпуда, «в этой сцене Ваня, не утрачивая детской прелести, становился уже не приемным, а духов-

Эскиз декорации для эпилога оперы «Жизнь за Царя».
А. А. Роллер, 1836

А. Я. Петрова-Воробьева
в партии Вани.
Рисунок В. В. Тимма

ным сыном Сусанина; и в этом была заслуга не только Глинки, но и артистки»⁴⁰. В медленном разделе этой сцены, который, по словам О. Е. Левашевой, «своим созерцательным, молитвенным настроением... перекликается с тематизмом русских духовных концертов, в особенности с лирическими образами концертов Бортнянского»⁴¹, Глинка явил нам образец истинного смирения:

*Ты не плачь, не плачь, сиротинушка!
Ах, не мне, не мне Государя спасать!
Сам Господь его нам в цари пожаловал,
Сам Господь царя отстоит от врагов
Силами небесными.*⁴²

После премьеры добавленного Глинкой номера, критикуя его введение, один из критиков писал: «... но в музыкальном отношении новая сцена не уступает лучшим местам оперы Глинки, особенно при мастерском исполнении г-жи Петровой. *Andante maestoso* „Ты не плачь, не плачь, сиротинушка!“ проникнута глубиной, сердечной грустью; *allegro* „Зажигайте огни“ превосходно выражает чувства нетерпения и боязни, смешанной с решимостью. Впрочем, какая сцена не производит на нас сильного впечатления, если она исполняется Петровой!»⁴³.

Вспоминая создание оперы и работу с композитором, А. Я. Петрова-Воробьева в 1879 году писала: «Он чрезвычайно ясно и кратко объяснял, чего бы он желал от исполнителей; говорить он был большой мастер и иногда в двух-трех словах выразит, чего он хочет, а мы, как народ бывалый на сцене, ловили на лету его замечания...»⁴⁴.

По словам исполнительницы, Глинка был очень доволен артистами, но, несмотря на это, исполнители ролей Антонида и Собинина публике не впечатлили. Антонида, по определению Глинки, характер «нежно-грациозный», по мнению Б. В. Асафьева, «сдержанная в радости... неподатлива на излишества проявлений чувств»⁴⁵. По словам В. Ф. Одоевского, «роль ее не имеет блестящих эффектов, ни музыкальных, ни драматических...»⁴⁶. А. Н. Серов и Ф. М. Толстой критиковали

* В начале XX века изумительно воплотила этот образ на русской сцене Е. Збруева. После 1917 г. в России в этой партии блистали К. Антарова, Е. Антонова, В. Клепацкая, О. Мшанская, В. Левко.

М. М. Степанова в партии Антонида.
Р. Майер

Глинка за высокую тесситуру партии Антонида*. Отвечая и частично раскрывая характер образа через звук, Глинка, по словам Ф. М. Толстого, объяснял: «Вы судите по теории слышанных вами до сих пор голосов; но мне слышится в *голове* идеальный голос тихий, нежный, у которого высокие ноты серебристы, а не крикливы, и так должно быть и будет»⁴⁷. Эта ангелогласная героиня открывает череду женских образов небесной чистоты, которыми так богата русская опера XIX века.

Услышав начало первой арии Антонида (каватину), А. Я. Петрова-Воробьева в своих воспоминаниях писала: «... оно мне показалось очень ново, оригинально и совсем в русском духе»⁴⁸. Эта каватина, с ее витиеватой мелодией, не просто раскрывает состояние героини, ожидающей жениха, а являет нам одну из важнейших функций русской лирической песни, заключающуюся в духовном очищении, катарсисе через «выплескивание» своих эмо-

ций в пении. Следующее за каватиной танцевальное рондо раскрывает нам образ девушки, ожидающей свадьбы и стремящейся к созданию семьи: «В той хате мне с тобою, мой ясный сокол, жить!». В третьем действии оперы, в сцене девишника, посредством образа Антонида М. И. Глинка явил нам, впервые в русской культуре, один из самых важных элементов православного сознания — смиренное несение скорбей. По поводу исполнения Н. Д. Шпиллер «романса Антонида» в Большом театре Б. В. Асафьев в 1945 году писал: «И плавность, и задушевность, и русская „тихость“, тишина скорби, умение пережить горе на людях, а вместе с тем в мелодии — слезы сердца»⁴⁹.

Отсутствие любовной интриги и пафосного героизма в образе Собинина стало основной причиной достаточно холодного приема, оказанного публикой и критикой актерам, исполнявшим роли жениха и невесты (исполнители — М. М. Степанова**, Л. И. Леонов***). По словам А. А. Гозенпуда, «взаимоотношения Собинина и Антонида периферийны по отношению к основной теме»⁵⁰. Наиболее точную и

* *Тесситура* — преобладающий высотный уровень исполнительской, вокальной или одноголосной инструментальной партии; различают высокую, среднюю и низкую тесситуры.

** Выдающимися исполнительницами партии Антонида на русской сцене были Е. Мравина, А. Нежданова. Замечательно реализовали себя в разные годы в этой роли М. Михайлова, Е. Бронская, Е. Катульская, Е. Степанова, В. Фирсова.

*** В роли Собинина на русской Императорской сцене с успехом выступали И. Ершов, Д. Смирнов, М. Большаков, Е. Виттинг. Самым заметным исполнителем роли Собинина в СССР был Г. Нэлепп, а выдающийся шведский певец Н. Гедда был партнером Б. Христова.

яркую характеристику образа Собинина дал В. Ф. Одоевский: «Здесь жених таков, каким всегда бывает жених и в наших селениях, т. е. смелый в драке, но простодушный, стыдливый и до некоторой степени беззаботный юноша; такой характер дан ему сочинителем музыки...»⁵¹. Дважды по ходу оперы Собинин демонстрирует нам свои устремления. В сцене благословения (квартет 3 д.), псалмодируя* на словах «мир и любовь», герой раскрывает нам то, чем живет человек, смиренно терпящий скорби. Проявляя в своей арии готовность вызволить Сусанина из рук поляков, он, в ее среднем разделе, ясно говорит о роли супругов в совместном терпении скорбей:

...Взглянешь красным
солнышком —
С памяти слетит
Вьюга, труд и бой —
Проглянет любовь!⁵²

Слова «проглянет любовь!», повторенные в арии четыре раза подряд, ясно ориентируют слушателя на гармоничную жизнь как основу благодатного бытия семьи. По словам св. прав. Иоанна Кронштадтского, «Мир и любовь от Единого Бога происходят, как от своего источника...»⁵³.

Духовные антитезы и императивы

Чем бы ни занимался христианин, будь то заботы монарха, деятельность купца или ремесленника, нескончаемый труд крестьянина, — любое дело, будучи подчас нелегким, связанным с дисциплиной и ответственностью, оформлялось в его сознании как исполнение долга перед Богом. Развлечения, всегда связанные с получением удовольствия, будь то пиры, балы, охота, игры и зрелища, не просто противостоят труду и ответственности, но влекут к удовлетворению плотских страстей. И если труд является *выражением внутреннего через действие*, то развлечение становится иллюзорным средством самореализации, *способом проявления внешних, часто греховных побуждений*. В противовес внутренней жизни, связанной с дисциплиной и самоограничением, развлечения, на протяжении всей истории постоянно впитывая любое нецерковное и недуховное содержание, становясь фактором отращения от богоугодной жизни, сообщали человеку иллюзию деятельного бытия. Вот как раскрывает тлетворность бездумных развлечений, часто употребляемых для противодействия унынию, св. прав. Иоанн Кронштадтский: «Только предайся удовольствиям света, и оставит тебя уныние, по крайней мере, на время удовольствий, а потом повлечет тебя к этим удовольствиям, и они сделаются для тебя потребностью, ты будешь находить в них и только в них одних отраду и веселье; ... враг духом уныния многих согнал с тесного и спасительного пути на широкий и гладкий, но гибельный путь»⁵⁴.

Если основой музыкальной характеристики защитников родной земли, стремящихся к горнему, в опере является духовный концерт и протяжная крестьянская песня, то основой для характеристики интервентов-захватчиков становится танец.

* *Псалмодия* в широком смысле — речитативное пение на одном звуке.

«Преобладающим в русской музыке двухдольным размером противопоставляются трехдольные, плавному движению — свое нравно-капризное с обилием синкопированных и пунктированных ритмов*, умеренным темпам — быстрые.»⁵⁵ Раскрывая образ противников Руси через атмосферу бала, Глинка языком танца являет нам картину внешнего бытия, наполненного стремлением к удовлетворению

Сцена польского бала в опере «Жизнь за Царя». Гравюра XIX в.

плотских страстей, стремлением к реализации низменных влечений. Даже советские музыковеды ясно осознавали никчемность такого бытия: «Глубоко вникнув в особенности польской музыки, Глинка воплотил образы поляков в высокохудожественной форме, не уступающей по своим достоинствам всей остальной музыке оперы. Танцевальными жанрами прекрасно передан внешний лоск и, одновременно, внутренняя пустота польской знати, ее чванливая самоуверенность»⁵⁶. Иначе говоря, стремление к духовному началу через терпение скорбей противоборствует в опере с безудержным стремлением к мирским удовольствиям:

*...Вдруг опасность миновала,
Радость снова заблестала!
Так снова за танцы, за радости наши...⁵⁷*
(мазурка 2 д.)

Столкновение императивов, посредством музыкальных формул, происходит в третьем и четвертом действиях. В избе Сусанина (3 д.) обману противостоит прозорливость, унижению — духовная высота, угрозе — стойкость, подкупу — внушение от Бога (по молитве).

В четвертом, кульминационном действии оперы, через постепенное убывание польского тематизма, через кристаллическую ясность и внутреннее спокойствие интонаций Сусанина, идущего на смерть, Глинка являет нам образ человека, взявшего свой крест и идущего *узким путем*. Внутреннее состояние героя, стойкого перед лицом врагов и уверенного в правоте своего дела, но внутренне борющегося со смертной

* Синкопированный ритм — ритмический рисунок с обилием смещений ударений с метрически опорного момента на более слабый. Пунктированный (пунктирный) ритм — ритмический рисунок, образуемый увеличением доли на половину длительности за счет уменьшения вдвое следующей более слабой доли.

тоской и побеждающего ее, раскрывается Глинкой во всей полноте правды чувств:

*Ахти, лютая смерть,
Ты впила в мое сердце!
.....
Во правде дух держать и крест свой взять!
Судьбе в глаза глядеть и не робеть!⁵⁸*
(речитатив и финал 4 д.).

О работе над финалом оперы Глинка вспоминал так: «Сцену Сусанина в лесу с поляками я писал зимою; всю эту сцену, прежде чем я начал писать, я часто с чувством читал вслух и так живо переносился в положение моего героя, что волосы у самого меня становились дыбом, и мороз подирал по коже...»⁵⁹.

Роль Сусанина замечательна еще и тем, что в ней отсутствует характерная для западноевропейской оперы того времени «бравурная» героическая ария. Место такой арии занимает проникновенная и распевная песня-исповедь, в которой герой изливает свои тяжкие думы и просит у Бога помощи в преодолении скорбей. Делясь своими впечатлениями о ней, П. И. Чайковский писал: «Ария баса, конечно, одна из лучших, какие существуют; аккомпанемент смычковых инструментов, так живо воспроизводящий страдания раздираемого скорбью сердца, пожертвовавшего собою для Отчизны, производит потрясающее впечатление»⁶⁰.

Либретто и музыка: обретенное единство

Большинство исследователей критикуют работу автора либретто Г. Ф. Розена, и отчасти эта критика правомерна. В опере, например, присутствуют такие выражения: «Не розан в саду, в огороде — цветет Антонида в народе!.. Так ты для земного жития, грядущая жёнка моя!» (квартет 3 д.). Но, отмечая подобные вирши, нельзя не отметить исключительную сложность стоявшей перед автором либретто задачи. Ведь Г. Ф. Розену приходилось писать текст «поверх» уже написанной Глинкой музыки. Описывая сложности работы над либретто, В. Ф. Одоевский подчеркивал: «... барону Розену мы все русские, любящие искусство, обязаны вечною благодарностию: без него опера „Жизнь за царя“ не существовала бы»⁶¹.

Возвращаясь к теме критики либретто и размышляя над внутренними смыслами оперы, невольно задаешься вопросом: как при авторстве трех либреттистов (в работе над оперой поочередно участвовали В. А. Жуковский, Г. Ф. Розен, Н. В. Кукольник), пусть и при гениальности М. И. Глинки, миру было явлено творение, органично вместившее в себя все то, что является основой для благодатного жития православного христианина? Как композитор, еще прежде написания текста, создал музыку, отражающую внутреннюю суть этого бытия? Думается, естественный ответ здесь: все это — плоды даров Духа Святаго, помогающего человеку, который правильно поставил задачу и идет верным путем. И это — неизъяснимая тайна творчества.

Размышляя о судьбе творческого наследия Глинки, немецкий пианист и дирижер Ганс фон Бюлов писал: «Неужели принятию „Жизни за царя“ помешает именно то, что сообщает этой опере такой отпечаток благородства; ее религиозный характер, апофеоз любви к престолу и Отечеству, нравственная чистота и простота сюжета, который тем не менее богат трогательными и потрясающими сценами, наконец,

высокоинтересная, повсюду оригинальная музыка, равно привлекательная и для профана, и для артиста? Мы скажем не преувеличивая (и можем доказать свою правоту с партитурой в руке), что в Глинке живет чисто бетховенский дух, особенно в большой сцене IV акта оперы, где изображено самопожертвование и смерть героя»⁶².

Глинка, явив нам свое творение, преобразил все музыкальное искусство. Его шедевр, аналогов которому нет в мировой музыкальной культуре, — не просто воспевание жертвы и подвига во имя спасения Русского царя, не просто реалистичное изображение народной жизни, это — целостная картина православного бытия, направляемого промыслом Божиим. Человек, живущий христианской жизнью, направляющий свои устремления к обретению гармонии в семье, в общении и, в конечном итоге, посредством жертвы, в обществе в целом, — именно он является стержнем сюжета. Гармоничная жизнь, как полнота бытия, является даром Божиим и дается людям, стремящимся к ее обретению. А поскольку полнота не бывает относительной — возможно относительное обретение этой полноты, — то уже самое стремление к ней (по существу совпадающее с тем, что называется обожением человека) есть та движущая сила, которая направляет и определяет в опере поступки главных героев, общины и всего народа.

Ныне жизнь оперы как за рубежом, так и в России весьма печальна. Ее исполнение постоянно сопровождается сокращением фрагментов, а нередко и целых номеров (автору этих строк так и не удалось прослушать трио из эпилога, которое постоянно выбрасывается при всех постановках и записях). В советское время, после переделки текста в угоду идеологии, опера, потеряв свою мистериальность, превратилась в очередной спектакль героико-патриотической направленности. Однако, по словам В. В. Медушевского, «... цель светской музыки: отражая жизнь, духовно ее обновлять и преобразовать. Исходный ее мотив — служение красоте как явлению Славы Божией на земле»⁶³.

Вера и упование на Бога, труд и воспитание детей, смирение и любовь к ближнему, терпение скорбей и жертвенность, соборность и преемственность поколений, любовь к Родине и к власти царя, являющегося гарантом ее благоденствия, все это вместе — основание духовной жизни героев в опере и человека — в современной жизни, открывающее возможность для духовного преображения. Эта православная направленность, пронизывающая всю ткань оперы, составила основу той абсолютной новизны, которая и сегодня обуславливает уникальность и неповторимость гениального творения Глинки. Сможем ли мы слушать оперу без купюр, в первоизданном виде? Сможем ли, следуя заветам отцов, внести вклад в возвращение общества к православным ценностям? Покажет время...

Е. В. Грумад

«Где дорог каждый лепесток...»

Об особенности создания либретто оперы «Жизнь за Царя»

*В опере поэзия должна быть
всего лишь послушной дочерью музыки.
Вольфганг Амадей Моцарт¹*

Известно, что импульсом к созданию вокальной музыки часто становится восхищение композитора захватывающим сюжетом, поэтическим или прозаическим словесным текстом. Чаще всего вокальное сочинение пишется на уже готовый текст стихотворения, поэмы, либретто, то есть *слово предшествует музыке*. Но есть из этого правила и исключения. Одно из них, и совершенно особенное, — опера М. И. Глинки «Жизнь за Царя», большая часть музыки которой была создана до написания словесного текста произведения.

Создание либретто оперы «Жизнь за Царя» активно обсуждалось в отечественном музыкознании в восьмидесятые годы минувшего века, и сегодня ясно, что текст этой оперы — плод долгих и трудных поисков интонационного соответствия слова музыке. Тем более для нас важно, что композитор использовал здесь в качестве музыкально-выразительного средства *фонетику* слова.

Глинка практически руководил написанием либретто обеих своих опер — и «Жизни за Царя», и «Руслана и Людмилы»; он сам предлагал строки словесного текста. Это не должно удивлять: редкое, поразительно тонкое понимание композитором выразительных возможностей звучащего слова было обусловлено и природной остротой слуха, и его общением с литераторами-современниками. Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на способности Глинки к литературному творчеству*. Сохранились его собственные поэтические опыты, и хотя авторство стихов, опубликованных в полном собрании сочинений композитора, в комментариях к этому

* Интересно, что тексты М. И. Глинки стали предметом научного исследования. См.: Орлицкий Ю. Б. Особенности ритмической поэтики прозы Михаила Глинки // Динамика стиха и прозы в русской словесности. Сб. ст. М., 2008. С. 156–162. Здесь автор пишет о том, что ритмы прозы М. И. Глинки очень напоминают пушкинские.

изданию в ряде случаев подвергается сомнению, это в данном случае несущественно, так как в «Записках» есть свидетельство самого Глинки о занятиях литературным творчеством, и даже если бы эти опыты не сохранились, важен сам факт обращения к поэтическому слову и стремления к изящности в стихотворной форме.

Удивительна ясность слога собственных литературных текстов Глинки (его «Записок», «Автобиографии»), вкус и чувство стиля, проявляющиеся в его суждениях о стихах, написанных другими авторами (об этом — ниже). Кроме того, композитор был одарен необычайными способностями к изучению иностранных языков: к концу жизни он владел французским, немецким, итальянским, испанским. А в юности Глинка изучал латынь, английский и персидский языки. Поэтому совершенно справедливо отмечает Б. В. Асафьев: «... в нем природным было языковое наблюдение и чутье „произнесения“»².

Нельзя не привести ряд выдержек из писем Глинки, весьма наглядно демонстрирующих его отношение к звучанию слова: «я всегда обедаю дома и составить нам компанию часто приходят две прелестные ученицы, они развлекают нас своей веселостью, а главное той парижской болтовней, которой мое музыкальное ухо всегда наслаждается, как настоящей музыкальной импровизацией»³; «французский язык, восхитительный в устах милой женщины, по-моему — отвратителен в большой опе-

Квартет у М. Ю. Виельгорского. Литография П. Рорбаха

ре»⁴; «но вообще, моя музыка теряет на французском языке»⁵; «все опыты переводов слов моей музыки остались без успеха»⁶; «испанский язык силен, выразителен и довольно приятен для слуха»⁷; «андалузское наречие, очень уродливое в мужских устах, весьма неблагозвучно даже тогда, когда на нем говорит хорошенькая женщина»⁸. Обратим внимание не только на отрицательную оценку композитором переводов текстов его музыкальных сочинений (при переводе нарушается именно фонетика слова, даже если сохраняется его логическое значение), но прежде всего на то, что он воспринимал человеческую речь как явление музыкальное.

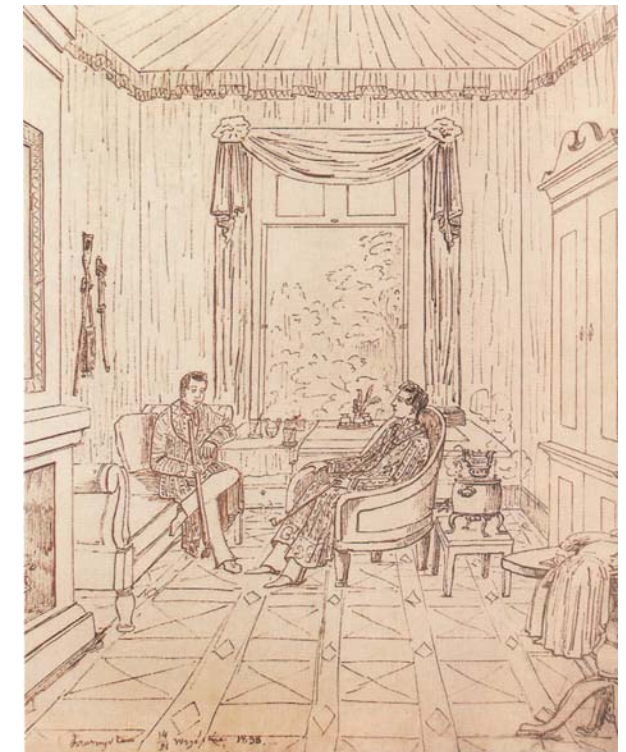
С начала XIX века заметно изменился сам характер общения людей в светском обществе: вошли в обиход различные музыкальные салоны, в которых собирались для совместной игры на музыкальных инструментах и пения, необычайное распространение получили литературные собрания. Среди последних следует назвать кружок Антона Дельвига, постоянным посетителем которого в конце двадцатых годов был и Глинка. Композитора на эти вечера привлекали возможность

А. А. Дельвиг.
В. П. Лангер, 1830

общения с интересными людьми, литературные споры и, конечно, музицирование. Дом Дельвига «стал одним из литературных центров Петербурга... Постоянными посетителями были Пушкин, Мицкевич, Жуковский, Крылов, Гнедич, Плетнев, Вяземский, М. И. Глинка, лицейские товарищи Дельвига М. Л. Яковлев и Илличевский, начинающие поэты Подолинский, Щастный, Деларю, в последние годы — Гоголь. На этих вечерах говорили по-русски, а не по-французски, как тогда было принято. Читали новые произведения, спорили о литературе, Глинка играл на фортепиано, Яковлев пел»⁹. Говорили по-русски не только у Дельвига, хотя это действительно было редкостью; А. И. Кошелев писал о разговорах на русском языке в салоне Карамзиных¹⁰.

В кабинете. Я. де Бальмен, 1830-е

П. А. Плетнев.
А. В. Тыранов, 1836

Глинка входил в число знакомых литератора П. А. Плетнева и периодически бывал также и у него. Вот что писал о плетневском салоне известный критик, историк литературы В. П. Гаевский: «В этих дружеских собраниях прочитывались и обсуживались все литературные новости недели, читались и разбирались собственные только что написанные стихотворения, и таким образом совершалось взаимное литературное образование собеседников. Тут были читаны все стихотворения Дельвига, из которых многие исправлялись по замечаниям слушателей»¹¹. Вечера Плетнева посещал и А. С. Пушкин, который, как свидетельствует запись в дневнике критика и цензора А. В. Никитенко, сделанная 21 января 1837 года, «много говорил дельного и, между прочим, тонкого о русском языке»¹².

Есть также все основания считать, что в творчестве Глинки отразилось, как результат общения с литераторами, не только внимание к фонетике слова. Интерес композитора к национальным колоритам, особенно — к русскому, и новый тип драматургии, где каждый персонаж говорит собственным, свойственным только ему языком, имеют многочисленные прямые аналогии в современной Глинке русской литературе — прежде всего в творчестве А. С. Пушкина.

Результат тесного общения композитора с литераторами охарактеризовал Б. В. Асафьев: «... язык русской музыки, создаваемый и поднимаемый Глинкой на высшие ступени культуры, всходил на эти ступени, воспитываясь в атмосфере пушкинской поэтической интонации, в среде звучащего слова поэтов пушкинской поры. Скрупулезно вслушиваясь в романсы Глинки — жемчужины в искусстве связи слога тона русской речи и ритма, как органически входящего в это единство элемента ... можно с очень большой дозой вероятия сказать, что в них мы имеем музыкально-отраженные документы, свидетельствующие о том, как звучали в живой интонации (читались, говорились, интонировались мысленно) стихи поэтов в современной им эпохе»¹³. И далее: «... среди разнообразия петербургских родников искусства, питавших слух композитора, искусство интонаций слова блестящей плеяды русских поэтов играло главную вслед за музыкальными впечатлениями роль, независимо от количества глинкинских романсов. Соприкосновение со стихами Жуковского, Батюшкова, Баратынского и Дельвига, а особенно Пушкина обогащало и наблюдательный слух и художественный вкус Глинки, в смысле воздействия на интонационную сторону голосоведения и на ритмику»¹⁴.

Становится очевидно, что к технике написания либретто «Жизни за Царя» Глинка мог подойти только с этих позиций.

Но это было ясно, конечно, в первую очередь для него. Современники же удивлялись методу работы композитора с либреттистом. Вот фрагмент из письма В. Ф. Одоевского к В. В. Стасову, написанного уже много позднее, в 1857 году,

В. Ф. Одоевский. А. А. Покровский, 1844

Г. Ф. Розен.
С портрета работы
известного художника

после ухода Глинки из жизни: «Большая часть оперы была написана — *прежде слов*; я думаю, такой курьезной истории не случалось еще ни с одной оперой. ... Михаилу Ивановичу казалось, что написать русские стихи на готовую музыку — суцная безделица. Под влиянием итальянских либреттистов и итальянского языка он как будто забыл о нашем резком, упорном стихотворном метре, которого невозможно ни вытягивать, ни сокращать подобно итальянскому... Посмотрев одну из чудных его мелодий, я попытался поставить над нотами сильные и слабые ударения, соображаясь с музыкальными намерениями Глинки — вышли метры небывалые, совершенный хаос ямбов, хореев, дактилей, анапестов и проч.»¹⁵.

Далее Одоевский рассказывает о музыкально-стихотворных опытах у Жуковского, к которому он поехал вместе с Глинкой, и рассказ этот отражает ту свободу и непосредственность, с которой непререкаемые для нас деятели отечественной культуры относились к процессу творчества, их иронию и юмор по отношению к самим себе.

Рассказ Одоевского помогает нам лучше представить себе живую атмосферу, в которой проходили рабочие встречи Глинки и с автором словесного текста «Жизни за Царя» Г. Ф. Розеном на квартире либреттиста. Уже на рубеже XX века музыкальный критик М. М. Иванов рассказал, по воспоминаниям родных Розена, об этих встречах так: «Глинка часто приезжал к Розену (Бассейная, 56) и по часам совещался с ним, причем оба — композитор и либреттист — распевали вместе, навводя уныние на родных Розена, пока еще не знавших, чем может разрешиться эта подготовительная работа. Глинка неизбежно являлся при этом со скрипкою, на которой играл свою музыку»¹⁶. Упоминаемое здесь «уныние» родных барона было вызвано, конечно же, нарушением тишины и домашнего покоя — вряд ли, при живых характерах композитора и либреттиста, их работа проходила так уж уныло...

Исключительно интересен рассказ Одоевского о «технологии» работы над либретто: «... я брал мелодию Глинки, одноголосную или многоголосную, и, соображаясь с его намерениями, выставлял ударения на нотах, стараясь дать метру какой-нибудь

возможный образ и стараясь сохранить все мелодические изгибы, словом, обращаясь с ним как с редким нежным цветком, где дорог каждый лепесток, каждый пестик, каждая пылинка. По этим метрам и по данной мысли, выражаемым музыкою, барон Розен написал большую часть стихов, находящихся в опере... Прибавлю к этому певческие прихоти композитора; иную фразу он (Глинка. — *Е. Г.*) находил необходимым начать на гласной *а*, другую — на гласной *о*, здесь надобно было вынуть несколько согласных, один стих сократить, другой продолжить и проч[ее] под[обное]»¹⁷.

Эти слова пронизательно прокомментировал Б. В. Асафьев: «То, что Одоевский называет „певческими прихотями композитора“, с точки зрения и позиций Глинки было остро принципиальным требованием. И я всецело постигаю, что Глинка мог бы уступить при выборе того или иного слова, пусть „корявого“, но не мог безразлично относиться к *А*, *О*, *И*, *Е*, т.е. к смысловым нюансам вокализации! Ведь так понятно, из диалектологии языка, что говор с преобладанием *А* или *О* определяет существенное качество интонации. *А* в ораторской речи, в поэзии и в вокальной музыке процесс вокализации становится явлением смысла»¹⁸.

Можно практически не сомневаться, что Глинка, руководя созданием либретто «Жизни за Царя», консультировался с первыми поэтами России. Сохранилось письмо Жуковского, приглашавшего, предположительно в январе—марте 1836 года, на встречу с композитором А. С. Пушкина: «У меня будут нынче ввечеру, часов в десять, Глинка, Одоевский и Розен для некоторого совещания. Ты тут необходим. Приходи, прошу тебя. Приходи непременно»¹⁹. К сожалению, достоверно неизвестно, состоялась ли именно эта встреча, но оправданность, закономерность подобных встреч не вызвали впоследствии сомнений ни у кого, и это даже отразилось много лет спустя в живописи.

Музыковед и педагог Н. П. Угрюмов так характеризовал словесный текст оперы: «Текст либретто „Жизни за Царя“ следует определить термином „музыкальный текст“ (или, сокращенно, музыкотекст), поскольку он так тесно слит с музыкой, что даже одна буква имеет зачастую важное принципиально-художественное значение»²⁰. Творчество Глинки в аспекте соотношения слова и музыки — явление уникальное. Он формировал русский вокал в тесной взаимосвязи слога и тона. При этом интонационное едва ли не преобладало над вербальным, и словесный текст становился действенным инструментом, с помощью которого создавалось то или иное музыкальное звучание.

А. С. Пушкин и В. А. Жуковский у М. И. Глинки.
В. Е. Артамонов, 1952

Нельзя не отметить, что сам композитор осознавал определенные недостатки словесного текста оперы с точки зрения сугубо литературной. Вот как, например, он отзывался об одном фрагменте текста в «Записках»: «... мне показались не совсем ловкими стихи из квартета:

Так ты для з е м н о г о житья
Грядущая жёнка моя.

Меня как-то неприятно поражали слова: г р я д у щ а я, славянское, библейское даже, и простонародное слово — ж ё н к а...»²¹.

Однако справедливости ради следует сказать, что либретто оперы дает также образцы весьма гармоничного поэтического языка. Например, в ответе Сусанина полякам во 2-м* действии:

*Высок и свят наш царский дом,
И крепость Божия кругом!
Под нею сила Руси целой,
А на стене в одежде белой
Стоят крылатые вожди,
Так недруг близко не ходи!*²²

Торжественный характер текста соответствует здесь музыкальному воплощению как образа главного героя, так и данной сценической ситуации: Сусанин отвечает врагам с достоинством и силой духа.

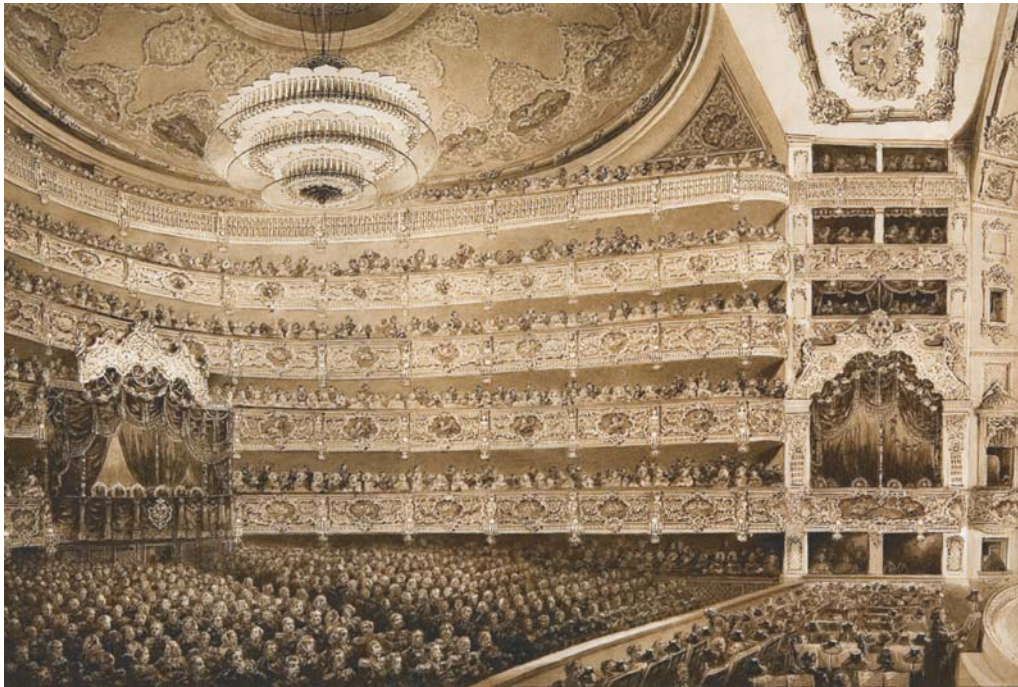
Сегодня уже нельзя не понимать, что рассмотрение либретто отдельно от музыки в данном случае — принципиально неверный метод изучения «Жизни за Царя» как художественного целого. Словесный текст в любом вокальном произведении преобразуется в процессе пения коренным образом. Многие его атрибуты — многозначность слов, логика построения, аллюзии на другие жанры и стили речи, ценные в литературных произведениях, могут даже восприниматься нами во вторую очередь, поскольку на первый план выступает как раз фонетика слова, определяющая эмоциональное качество произнесения в целом.

Нельзя не сказать несколько слов о судьбе либретто оперы к концу XIX и в XX веке. Отрывки из нее непременно исполнялись в концертах, приуроченных к юбилеям, дням тезоименитств и другим официальным торжествам. Поэтому, органично воспринимавшаяся в глинкинскую эпоху как патриотическое сочинение, опера «Жизнь за Царя» начинала, к сожалению, все больше восприниматься как официозное произведение. Парадоксальные метаморфозы происходили с оперой после 1917 года, — с авторским названием и текстом, прославляющим единение царя и народа, ее нельзя было ставить в новых условиях. Появились многочисленные переделки, в 1920-х годах возникла даже версия под названием «За серп и молот», в которой речь шла о борьбе красноармейцев. Наконец, в 1939 году С. М. Городецкий написал новое либретто, сохранив некоторые фрагменты первоначального, и опера стала называться «Иван Сусанин». В этом варианте словесного текста оказался бессмысленным сам сюжет произведения: получалось, что Сусанин спасал многотысячную русскую армию от крошечного отряда поляков. И только в 1970—1980-х годах начался долгий и сложный процесс реабилитации авторского названия и либретто оперы. Важную

* В исходном варианте. Позднее — 3-е действие.

роль на этом пути сыграла постановка «Жизни за Царя» в Мариинском театре в 2004 году (к 200-летию Глинки), в которой был восстановлен подлинный авторский текст. Учитывая щепетильное отношение Глинки к проблеме либретто, не следовало бы стремиться «исправлять» текст оперы, принятый самим композитором (а такие попытки были даже в последнее десятилетие), ибо это может привести к существенным искажениям художественного смысла произведения.

Зрительный зал и сцена Большого театра. В. С. Садовников, ок. 1856 г.

Примечания:

К статье «Славой и милостью к Русской земле родной...»

¹ Жалованная Грамота (в списке) Государя Царя МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА Костромского уезда Дворцового села Домнина крестьянину Богдану Собинину, на вечное и потомственное владение онагож села при деревне Деревнищах землею, пожалованною ему, с увольнением от всяких повинностей, за доказанную верность к Государю тестя его Ивана Сусанина, замученного Поляками. – Писана 1619, Ноября 30 // *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Часть третья.* М., 1822. С. 214–215.

² Там же. С. 215. Построения относительно историчности сведений о тех событиях см.: *Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: легенды и действительность.* Кострома, 1997.

³ См.: *Гозенпуд А. А. Русский оперный театр XIX века (1836–1856).* Л., 1969. С. 22.

⁴ См.: *Гозенпуд А. А. Указ. соч.* С. 23.

⁵ *Глинка М. И. Записки.* М., 1988. С. 64.

⁶ Далее либретто оперы цит. по: *Левашева О. Е. Михаил Иванович Глинка. Кн. 1.* М.:

Возвращаясь к теме соединения музыки и слова, скажем в заключение, что избранный композитором метод позволил как нельзя лучше передать слушателю и духовный импульс, давший начало работе над оперой, и центральные идеи всего произведения — любви к родной земле, гармонии человеческих взаимоотношений. Сегодня, благодаря удивительному сотрудничеству композитора и либреттиста, они вновь воспринимаются нами во всей своей органичности и полноте.

Сочинение музыки — сложный духовно-психологический процесс, он трудно поддается изучению. Бесценные свидетельства очевидцев создания «Жизни за Царя» раскрывают нам уникальную природу таланта Глинки, для которого музыкальное начало оказывалось во многом определяющим и по отношению к звучащему слову. Дарование композитора было настолько мощным и своеобразным, что его первая опера «Жизнь за Царя» стала и первой национальной классической оперой, а ее появление ознаменовало рождение русской композиторской школы.

Музыка, 1987. С. 308–375. Следует учитывать, что в этом издании приведен первоначальный вариант, в котором опера имела три действия. Позднее явления 5 и 6 1-го действия стали 2-м действием. Указание действий в тексте статьи — по новому варианту.

⁷ *Пушкин А. С. О народной драме и о «Марфе Посаднице»* М. П. Погодина // *Пушкин А. С. Собр. соч.* в 10 т. Т. 6. М., 1976. С. 316.

⁸ Цит. по: *Гозенпуд А. А. Указ. соч.* С. 71.

⁹ Цит. по: *Летопись жизни и творчества М. И. Глинки.* Сост. Орлова А. А. В 2 ч. Ч. 1 (1804–1843). Л., 1978. С. 228.

¹⁰ *Хомяков А. С. Опера Глинки «Жизнь за царя»* // *Хомяков А. С. Полн. собр. соч.* в 8 т. Т. 3. М., 1900. С. 98.

¹¹ *Левашева О. Е. Михаил Иванович Глинка.* М., 1987. С. 230.

¹² Там же. С. 13–14.

¹³ *Чередищенко Т. В. Музыкальный запас. 70-е. Проблемы. Портреты. Случаи.* М., 2002. С. 98.

¹⁴ Цит. по: *Богословская антропология. Русско-православный / Римско-католический словарь.* Под научной редакцией прот. Андрея Лоргуса и Бертрама Штубенрауха. М., 2013. С. 175.

- ¹⁵ Буранов Ю. «Тепло родного очага». Цит. по: *Скурат К. Е.* Православные основы культуры в памятниках литературы древней Руси. М., 2003. С. 103.
- ¹⁶ Череди́ченко Т. В. Музыка в истории культуры. В 2 вып. Вып. 2. М., 1994. С. 101. (Автор цит.: *Лосский Н. О.* История русской философии. М., 1991. С. 35).
- ¹⁷ Иоанн (Снычев), митр. Самодержавие духа: очерки русского самосознания. М., 2012. С. 494.
- ¹⁸ Хомяков А. С. Указ. соч. С. 99.
- ¹⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. С. 105.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Цит. по: *Гозентуд А. А.* Указ. соч. С. 69.
- ²² Цит. по: Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. С. 106–107.
- ²³ Цит. по: *Глинка М. И.* Записки. С. 114.
- ²⁴ Цит. по: *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 308.
- ²⁵ Цит. по: *Гозентуд А. А.* Указ. соч. С. 61.
- ²⁶ *Ливанова Т. Н., Протопопов В. В.* Глинка. Творческий путь. В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 234.
- ²⁷ Цит. по: *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 309.
- ²⁸ *Стасов В. В.* Михаил Иванович Глинка. М., 1953. С. 151.
- ²⁹ Цит. по: *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 375.
- ³⁰ *Череди́ченко Т. В.* Музыка в истории культуры. Вып. 2. С. 105.
- ³¹ *Григорий Синаит, прп.* Творения. М.: Новоспасский монастырь, 1999. С. 90.
- ³² *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 337.
- ³³ *Череди́ченко Т. В.* Музыка в истории культуры. Вып. 2. С. 107.
- ³⁴ *Асафьев Б. В.* Об опере. Л., 1976. С. 99.
- ³⁵ Цит. по: *Гозентуд А. А.* Указ. соч. С. 57.
- ³⁶ *Хомяков А. С.* Указ. соч. С. 101–102.
- ³⁷ *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 296.
- ³⁸ *Глинка М. И.* Записки. С. 66.
- ³⁹ Цит. по: *Ливанова Т. Н., Протопопов В. В.* Глинка. Т. 2, М., 1955. С. 212.
- ⁴⁰ Цит. по: *Гозентуд А. А.* Указ. соч. С. 65.
- ⁴¹ *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 293.
- ⁴² *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 366.
- ⁴³ Цит. по: Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. С. 135–136.
- ⁴⁴ Цит. по: *Ливанова Т. Н., Протопопов В. В.* Глинка. Т. 2. С. 195.
- ⁴⁵ *Асафьев Б. В.* Указ. соч. С. 100.
- ⁴⁶ Цит. по: *Гозентуд А. А.* Указ. соч. С. 67.
- ⁴⁷ Там же. С. 68.
- ⁴⁸ Цит. по: *Ливанова Т. Н., Протопопов В. В.* Глинка. Т. 2. С. 193.
- ⁴⁹ *Асафьев Б. В.* Указ. соч. С. 100.
- ⁵⁰ Цит. по: *Гозентуд А. А.* Указ. соч. С. 27.
- ⁵¹ Цит. по: *Гозентуд А. А.* Указ. соч. С. 67.
- ⁵² *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 352.
- ⁵³ *Св. прав. Иоанн Кронштадтский.* Моя жизнь во Христе. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 335.
- ⁵⁴ Там же. С. 213–214.
- ⁵⁵ *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 277.
- ⁵⁶ *Ливанова Т. Н., Протопопов В. В.* Глинка. Т. 1. С. 240.
- ⁵⁷ Цит. по: *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 329.
- ⁵⁸ Цит. по: *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 356, 358.
- ⁵⁹ Цит. по: Летопись жизни и творчества М. И. Глинки. С. 89.
- ⁶⁰ Цит. по: *Левашева О. Е.* Указ. соч. С. 291.

⁶¹ Цит. по: *Ливанова Т. Н., Протопопов В. В.* Глинка. Т. 2. С. 189.

⁶² Цит. по: *Ларош Г. А.* Избранные статьи. В 5 вып. Вып. 1: М. И. Глинка. Л., 1974. С. 178.

⁶³ *Медушевский В. В.* Заветы Глинки сегодня [эл. ресурс]: от 5 января 2010 г. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/547306.html>

К статье «Где дорог каждый лепесток...»

¹ Письмо к отцу, Леопольду Моцарту от 13 октября 1781 г. // *Моцарт, Вольфганг Амадей.* Письма. М., 2000. С. 238.

² *Асафьев Б. В.* Слух Глинки // М. И. Глинка. Сборник материалов и статей / Под ред. Т. Ливановой. М.—Л., 1950. С. 71.

³ *Глинка М. И.* Письмо к В. И. Флери от 5/17 января 1845 г. // *Глинка М. И.* Полное собрание сочинений. В 2 т. Т. 2 А. М., 1975. С. 189.

⁴ *Глинка М. И.* Письмо к Л. А. Гейденрейху от 16/28 февраля 1845 г. // ПСС. Т. 2 А. С. 199.

⁵ *Глинка М. И.* Письмо к Е. А. Глинке от 22 ноября/4 декабря 1844 г. // ПСС. Т. 2 А. С. 180.

⁶ *Глинка М. И.* Письмо к Е. А. Глинке от 31 марта/12 апреля 1845 г. // ПСС. Т. 2 А. С. 205.

⁷ *Глинка М. И.* Письмо к Е. А. Глинке от 27 сентября/9 октября 1845 г. // ПСС. Т. 2 А. С. 240.

⁸ *Глинка М. И.* Письмо к В. И. Флери от 1/13 февраля 1846 г. // ПСС. Т. 2 А. С. 262.

⁹ *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина. Т. 2. М., 1993. С. 251.

¹⁰ См.: Литературные салоны и кружки: первая половина XIX века. Сб. ст. / Под ред. Н. Л. Бродского. М.—Л., 1930. С. 213. То же: М.: Аграф, 2001. С. 190.

¹¹ *Гаевский В. П.* Дельвиг. Статья вторая // Современник. Т. XXXIX, кн. 1 (май). Отд. III. СПб., 1853. С. 54. То же: Репродуцир. изд. Берлин, 1977.

¹² *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804–1877). В 2 т. Т. 1. СПб., 1905. С. 282.

¹³ *Асафьев Б. В.* Слух Глинки // М. И. Глинка. Сборник материалов и статей. С. 55–56.

¹⁴ Там же. С. 61. О соотношении ритма словесного текста и музыкального ритма см., например, анализ романа «Я помню чудное мгновенье» в кн.: *Ручьевская Е. А.* Функции музыкальной темы. Л., 1977. С. 121–122.

¹⁵ *Одоевский В. Ф.* Приложения к биографии М. И. Глинки (Письмо к В. В. Стасову) // Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 229–230.

¹⁶ *Иванов М.* Музыкальные наброски // Новое время. 1900, 18 (31) декабря, № 8913. С. 2.

¹⁷ *Одоевский В. Ф.* Приложения к биографии М. И. Глинки (Письмо к В. В. Стасову) // Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 231.

¹⁸ *Асафьев Б. В.* Глинка. М., 1947. С. 142. То же: М., 1950. С. 144. Мысли Асафьева получили дальнейшее развитие в работах Е. И. Ефимовской. См.: *Ефимовская Е. И.* Феномен либретто как компонента художественного целого в опере М. И. Глинки «Жизнь за Царя» / Дипломная работа. СПб ГК, 1996; *Ефимовская Е.* «Варварские стихи» или «одушевленное слово»: еще раз о либретто «Жизни за царя» // Музыкальная академия. 2004. № 2. С. 6–10.

¹⁹ Письмо В. А. Жуковского к А. С. Пушкину // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. Т. 16. Л., 1949. С. 100.

²⁰ *Угрюмов Н.* Опера М. И. Глинки «Жизнь за Царя» / Лекция. Л., 1991. С. 16.

²¹ *Глинка М. И.* ПСС. Т. 1. Литературные произведения и переписка. М., 1973. С. 268.

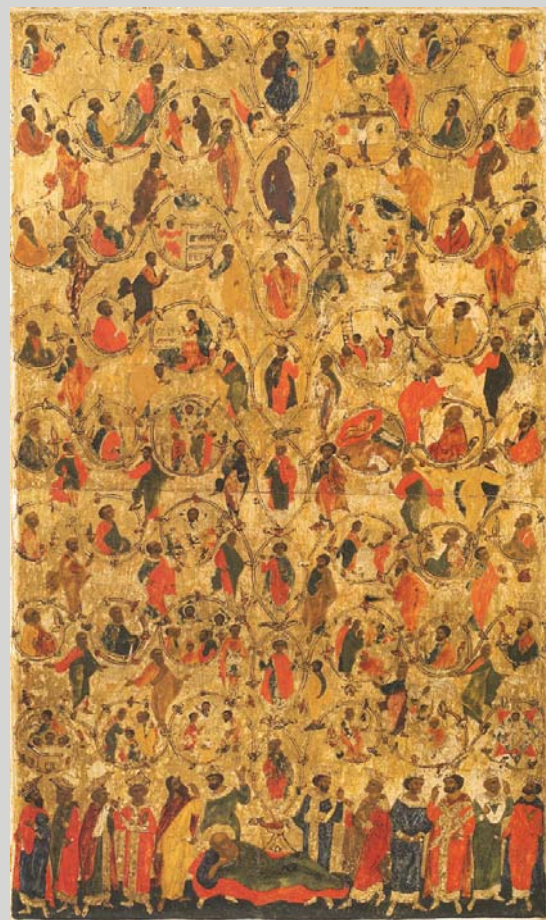
²² Там же. С. 63.

Аристотель.
Роспись экзонартеса церкви
св. Николая в монастыре
Филантропион на острове
оз. Памвотида. Георгий и Франгос
Кондарисы, серед. XVI в.

Озеро Памвотида (Греция). Современное фото

Афродитиан и Гомер.
Деталь северных дверей
Благовещенского собора
Московского кремля,
серед. XVI в.

Древо Исеево.
Фрагмент иконы «Воскресение»
из Ильинской церкви в Вологде.
Дионисий Гринков, 1567–1568

Иерей
Игорь Иванов

Византия, философия, апологетика, образование, Платон, Аристотель, Иустин, Фотий, Пселл, Влеммид, прот. И. Мейендорф, К. Иеродиакону, Г. Каприев.

В статье рассматривается специфика сочетания «внешней» и «внутренней» философии в системе византийского образования в целом и монастырского образования в частности. Приводятся фрагменты из трудов св. Иустина, св. Фотия, Никифора Влеммида. Дается обзор современных исследований по византийской философии.

«Внешняя» и «внутренняя» философия в Византии

Образование в Византии было унаследовано ею от эллинистического мира и долгое время опиралось на традиции, созданные в контексте так называемой «внешней», то есть античной философии, которую византийцы рассматривали как некую пропедевтику, этап в домостроительстве воплощения Логоса и принятия Его эллинистическим миром. Христианское же мировоззрение формировалось через опытное молитвенно-аскетическое делание, которое в Византии называли «внутренней» философией или «философией во Христе». При этом если «внешней» мудрости можно было обучиться в государственной, частной или монастырской школе (в определенные периоды), то школой «внутреннего делания» были именно монастыри.

Оба этих философских направления, с одной стороны, существовали вполне независимо, а с другой — тесно переплетались, особенно в жизни людей, вскормленных обеими традициями. Можно привести множество имен, иллюстрирующих сказанное: св. Максим Исповедник, св. Иоанн Дамаскин, св. Фотий, патриарх Константинопольский, монах Михаил Пселл, игумен Никифор Влеммид, св. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, св. Геннадий Схоларий, патриарх Константинопольский, и другие. Своеобразным же предварением византийской философии с ее «внешним» и «внутренним» дискурсами стала деятельность христианских апологетов.

«Афины и Иерусалим»

Как отметил в свое время русский религиозный философ Лев Шестов, «„Афины и Иерусалим“, „религиозная философия“ — выражения, почти равнозначные и покрывающие друг друга и, вместе с тем, равно загадочные и раздражающие своей внутренней противоречивостью современную мысль. Не правильнее ли поставить

дилемму: Афины либо Иерусалим, религия либо философия? Если мы захотим обратиться к суду истории, ответ будет определенный: история скажет нам, что в течение многих веков лучшие представители человеческого духа гнали от себя все попытки противопоставления Афин Иерусалиму, всегда страстно поддерживали „и“ и упорно погашали „или“. Иерусалим с Афинами, религия с разумной философией мирно сосуществовали, и в этом мире люди видели залог своих заветных, осуществленных и неосуществленных мечтаний»¹.

Христиане выступали в защиту своей веры начиная еще с апостольских времен*, однако именно во II веке по Р. Х. жанр философской апологии стал преобладающим. Это был период расцвета христианской апологетики. Из апологетов наиболее известны св. Иустин Философ, Афинагор Афинянин, св. Феофил Антиохийский, св. Мелитон Сардийский, менее известны Кодрат, Аристид, Татиан, Ермий Философ, Мальтиад, Аполлинарий Иерапольский и другие.

Прежде всего задачей апологетов было формулирование ответов на расхожие обвинения в адрес христиан. Уже затем они раскрывали собственно христианское благовестие, используя общеизвестный философский язык: ведь именно античные философы, критикуя языческие верования и многобожие, помогли приблизиться, хотя и только рассудочно, к познанию Единого Бога.

С одной стороны, апологеты развивали критику языческих представлений о божестве. А с другой — они смогли (при умеренном и разумном отношении к греческой философии) найти в этих представлениях некоторые опорные точки для оправдания христианского образа жизни (часто подвергавшегося необоснованным обвинениям) и понятия о Боге. Они приводили разумные основания для веры, затрагивая и богословско-философскую проблематику — например, о существовании Бога и о Его атрибутах.

По замечанию А. В. Вдовиченко, «философия, с которой нарождающемуся богословию надлежало прийти к частичному соглашению, по преимуществу представляла собой платонизм в области метафизики и стоицизм в области этики. Источники этого круга были подвергнуты избирательной коррекции, но в целом использовались для положительной аргументации»².

В этой связи можно сказать, что наиболее представительными здесь являются взгляды Иустина Философа.

«Согласно философам и достойно Бога...»

Обратившись к «Апологии I» св. Иустина Философа, можно ясно увидеть философский подход автора: что-то он излагает *согласно* с эллинскими философами, а что-то — *полнее*, что более достойно Бога, на основании Св. Писания, по дару Воплотившегося Логоса.

Так, в главе 20-й он пишет: «И Сивилла и Истасп говорили, что тленные вещи будут истреблены огнем. А так называемые стоические философы утверждают, что и сам Бог разрешится в огонь, и после такой перемены, говорят, снова произойдет мир. Мы же думаем, что Бог, Творец всего, превосходнее вещей изменяемых. Итак,

если мы иное утверждаем согласно с уважаемыми у вас поэтами и философами, а другое — полнее и достойнее Бога, нежели они, и притом мы одни имеем доказательство: то почему так несправедливо ненавидят нас более всех? Когда говорим, что все устроено и сотворено Богом, то окажется, что мы высказываем учение Платоново; когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков; и когда учим, что души злодеев, и по смерти имея чувствование, будут наказаны, а души добрых людей, свободные от наказания, будут жить во блаженстве, то мы говорим то же, что и философы»³.

Одно из ключевых объяснений *испорченности богопознания и искажения истины*, с точки зрения Иустина, — влияние на мышление падших духов. И если античные философы критиковали политеизм с позиций разума и нравственности, то Иустин предполагает определенный духовный аспект создания мифов.

Так, в главе 54-й он говорит: «Те, которые преподают баснословные сказания поэтов, не представляют учащимся юношам никакого доказательства; и я сказываю, что всё то было сказано для обмана и развращения рода человеческого, по действию злых демонов. Они, услышавши предсказания пророков о том, что придет Христос и люди нечестивые наказаны будут огнем, сделали то, что многие назывались сынами, происшедшими от Зевеса, думая тем произвести такое действие, чтобы люди сказания о Христе почитали за чудесные сказки, подобные тем, которые были рассказаны поэтами. Это было распространено у Греков и у всех других народов, где, как они (т.е. злые демоны. — Прим. изд.) слышали из предсказаний пророков, имело более быть верующих во Христа. И я докажу, что они, услышав слова пророков, неверно поняли их, а как заблуждающие[ся] подделывались только к тому, что сказано о Христе нашем. Пророк Моисей, как я сказал, был древнее всех писателей, и через него, как прежде я упомянул, изречено такое пророчество: „Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, доколе не придет Тот, Которому отложено, и Он будет чаяние народов; Он привяжет к виноградной лозе своего осленка и омоет одежду свою в крови грозда“*. Демоны, услышавши эти пророческие слова, сказали, что Дионис родился от Зевеса, и передали, что он был изобретателем винограда, и осла помещают в таинствах его, и учили, что он был растерзан и возшел на небо. И так как в пророчестве Моисея не означено ясно, Божий ли Сын тот, кто имеет придти, и езда на жеребенке останется ли он на земле, или взойдет на нем на небо; и так как имя

Святой Иустин Философ.
Фреска

* В Синодальном переводе: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое» (Быт 49:10–11).

жеребенка (Πῶλος) могло означать жеребенка от осла и от коня; то не зная, молодого ли осла, или коня представит символом своего пришествия тот, о котором предсказывается, и Божий ли он Сын, как я уже сказал, или человеческий, объявили они о Беллерофонте, что и он, будучи человеком, на коне Пегасе возшел на небо. А когда услышали от другого пророка, Исаии, что Христос родится от Девы и Сам собою взойдет на небо, то же самое сказали о Персее. И когда узнали, что Он, как предсказано в вышеприведенных пророчествах, „силен, как исполин, готовый идти в путь“*, то сказали, что Геркулес был силен и обошел всю землю. Когда же опять услышали пророчества о Нем, что Он будет исцелять всякую болезнь и воскрешать мертвых, — представили от себя Эскулапия»⁴.

Даже учение Платона Иустин не считает оригинальным, находя в нем *заимствования и искажения* Моисеевой космогонии. В главе 59-й читаем: «А чтобы вы знали, что Платон заимствовал от наших учителей, то есть из сказания, преподанного пророками, когда он говорил, что Бог изменил безобразное вещество и сотворил мир, — послушайте, как то же самое буквально сказано Моисеем, о котором было прежде упомянуто, как о первом пророке и древнейшем, нежели эллинские писатели: через него пророчественный Дух, возвещая, как и из чего в начале Бог образовал мир, сказал так: „в начале сотворил Бог небо и землю, земля была невидима, и тьма была над бездною, и Дух Божий носился над водами. И сказал Бог: да будет свет! И стало так“. Таким образом и Платон и другие, то же говорящие, и мы сами научились, да и вы можете убедиться, что словом Божиим весь мир создан из вещества, изображенного выше Моисеем. Даже то, что называется у ваших поэтов Эревом**, — мы знаем — прежде было упомянуто Моисеем»⁵.

Можно сказать, что св. Иустин показывал античному миру, гордящемуся своей философией:

1. Греческая философия сама по себе содержит множество противоречий.
2. Греческие философы пользовались «чужой собственностью», то есть библейским повествованием (например, Платон заимствовал из Моисея).
3. Христианское учение имеет более древнюю традицию (от Адама), чем мифы, сочиненные или пересказанные греческими поэтами и философами.
4. Честно воспринимающие истину, как язычники, так и христиане, согласны между собой.

Другими словами, апологеты не просто наставляют, они исследуют, сравнивают, проверяют мысль, вводят язычников в размышления об истинах христианских, излагают предметы отчетливо и ясно, чтобы оставить потом язычника безответным

* В славянском переводе Псалтири читаем: «... и Той, яко Жених исходяй от чертога Своего, возрадуется, яко Исполнн теши путь» (Пс 18:6). В синодальном переводе этот стих отнесен к солнцу и звучит так: «Он поставил в них жилище солнцу, и оно выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще: от края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его» (Пс 18:5–7). В духовном смысле, конечно, речь здесь идет о духовном Солнце — Христе, «Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин 1:9).

** Здесь издатель дает следующее пояснение: «См. Второзак. XXXII, 22. По мнению же Тирльби, Иустин имеет в виду Быт. 1, 5, полагая, что ἔρεβος произошло от Моисеева слова — еврейского *эрев*». Евр. *эрев* — «вечер». (Прим. ред.)

перед его совестью за неверие⁶. И, главное, своим подвигом, будучи просвещенными Светом Истины, они явили «верующий ум» и «умную веру» в назидание и обличение всем противопоставляющим разум и веру — как «рационалистам», так и «мистикам». Кроме того, они дали первые критерии для размежевания сферы «внешней» и «внутренней» философии, что впоследствии получило разработку в ходе формирования и развития византийской философской традиции.

Как отмечает современный исследователь, профессор Катарина Иеродиакону, «систематический анализ трудов византийских мыслителей показывает, что их мышление и аргументация были не менее философскими, чем у кого бы то ни было до них или после них в истории философии»⁷.

Христианская философия: Платон и/или Аристотель?

Говоря об особенностях византийской философской мысли, необходимо обозначить временной рубеж, начиная с которого можно говорить собственно о византийской философии.

С одной стороны, по мнению К. Иеродиакону, большинство современных ученых датируют начало развития византийской философии временем от основания Константинополя и до закрытия языческой Афинской академии при Юстиниане I в 529 году, то есть периодом IV–VI веков, когда активно обсуждались вопросы, возникшие при взаимодействии христианского и эллинистического мировоззрений.

С другой стороны, те исследователи, которые понимают под византийской философией только светскую ее составляющую (например, известный специалист по истории греческой философии Линос Бенакис), относят начало византийской философии к IX–X векам. Сама К. Иеродиакону относит начало византийской философии к IV веку и включает в число византийских философов таких авторов, как свт. Василий Великий, свт. Григорий Нисский и Немесий Эмесский⁸.

Если составить список известных науке византийских мыслителей, вошедших в историю византийской философии и представляющих различные ее направления, то картина будет довольно-таки внушительной:

1. *Ранневизантийский период* (IV–VII вв.): Олимпиодор, Симпликий, Прокл, Ориген, Фемистий, Синезий, Василий Великий (329–379), Григорий Нисский (335–394), Немесий (IV–V вв.), Эней Газский, Псевдо-Дионисий Ареопагит (кон. V в.), Аммоний Александрийский (ум. 517), Леонтий Византийский, Иоанн Филопон (490–575), Агапит, Георгий Писида, Менандр, Анастасий Синаит, Прокопий Газский (460–530), Стефан Афинский (550–630), Максим Исповедник (580–662), Иоанн Дамаскин (650–749).

2. *Средневизантийский период* (IX–XII вв.): Лев Философ (790–869), Фотий (820–891), Арефа (ок. 850–944), Мелетий, Феофан Нонн, Михаил Пселл (1018–1078), Иоанн Итал (1025–1082), Феодор Смирнский (кон. XI в.), Евстратий Никейский (1050–1120), Михаил Ефесский (1050–1129), Николай Мефонский (ум. 1165), Симеон Сиф (втор. пол. XI в.), Иоанн Цец (1110–1180), Исаак Севастократор (1093–1152).

3. *Поздневизантийский период* (XIII–XV вв.): Никифор Влеммид (1197–1272), император Феодор II Ласкарис (1233–1258), Мануил Оловол (ок. 1267), Григорий

Кипрский (1241–1290), Георгий Пахимер (1242–1310), Максим Плануд (1255–1305), Лев Магенций (XIII в.), Феодор Метохит (1270–1332), Никифор Хумн (ок. 1250/55–1327), Иоанн Педиасимос (ум. 1341), Иосиф Филагриос (кон. XIV в.), Иоанн Хортасмен (1370–1436), Варлаам Калабрийский (1290–1348), Никифор Григора (1290–1358), Иосиф Синопский, Иоанн Актуарий, Иоанн Катрон, Иосиф Ракендит (ум. 1330), Григорий Палама (1296–1359), Григорий Акиндин (1300–1348), Николай Кавасила (ум. 1371), Димитрий Кидонис (1324–1397), Прохор Кидонис (1333–1369), Георгий Гемист Плифон (1360–1453), Георгий Трапезундский (1395–1472), Иоанн Аргиропул (1395–1487), Феодор Газский (1400–1476), Андроник Каллист (1400–1486), Георгий Схоларий, впоследствии патриарх Геннадий (1400–1472), Виссарион (1403–1472), Михаил Апостолий (1420–1480)⁹.

Есть все основания говорить, что на первом этапе своего существования византийская философия, с одной стороны, сохраняла и комментировала античное наследие, а с другой — в контексте патристического синтеза давала ответ на вызовы эллинизма, связанные с усвоением нового христианского мировоззрения. К. Иеродиакону приводит следующий пример: «Что такое философия в новом христианском контексте? Вот как ее определяет Иоанн Дамаскин: 1) знание о сущих как сущих; 2) знание божественных и человеческих предметов; 3) приготовление к смерти; 4) уподобление Богу; 5) искусство искусств и наука наук и 6) любовь к мудрости. Эти определения, собранные еще неоплатониками Александрийской школы (Аммоний, Давид Философ и Илия Александрийский), происходят от аристотелевских (1, 5), стоических (2) и платонических (3, 4) концепций философии, также указывая на происхождение слова (6). Вместе с этими школьными определениями, философия как термин могла иметь в Византии добавочные значения, разработанные уже в патристический период. Отвергая претензии языческих философов на право называть свою философию источником просвещения, этического совершенства и знания божественных начал, христиане считали свою религию истинной философией (или „внутренней“ философией) по сравнению с „внешней“ (языческой) философией, вдохновлявшей зачастую различные ереси. Определение христианского образа жизни как истинной философии было еще более детализировано, и философия могла относиться к отдельным парадигмам такой жизни: мученичеству или монашескому идеалу. В Византии можно встретить и более широкие значения философии — как обозначение красноречия, образованности и эрудиции. Иоанн Дамаскин подразделяет философию на два раздела, теоретический (касающийся знания) и практический (относящийся к добродетелям). Теоретический раздел включал физику, математику (арифметику, геометрию, астрономию и гармонику) и „теологию“ (то есть метафизику как изучение нематериальных сущностей, Бога, ангелов, души); практический же раздел включал этику, „экономику“ (то есть бытовую этику) и политику. Иоанн Дамаскин считает логику скорее инструментом, чем отдельным разделом философии. Такое деление философии, также происходящее от неоплатонизма, оставалось стандартным (по крайней мере, как идеал) в Византии, оно определяло порядок философского курса обучения, начинающегося с логики и этики, продолжающегося (в некоторых случаях) через физику и математику к метафизике. Первые стадии этого курса, вместе с риторикой, составляли краеугольный камень высшего образования в Византии»¹⁰.

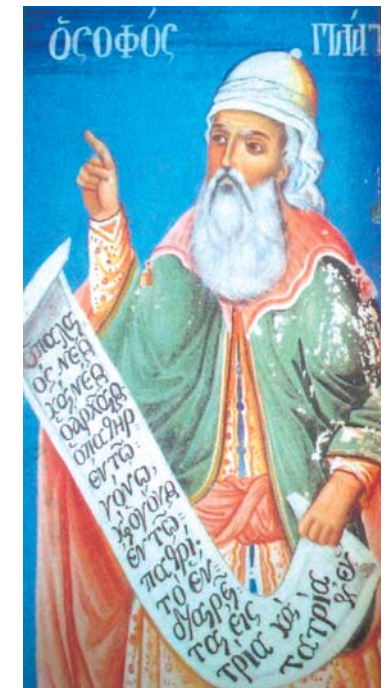
Здесь уместно привести и взгляд отечественного исследователя на эпоху становления византийской философии. Как отмечал С. С. Аверинцев, «у Апологетов и Отцов Церкви работа по переводу содержания своей веры с языка Библии на язык философии поначалу устремляется в русло платонизма. Заметим, что то же самое произошло при решении аналогичной задачи с Филоном Иудеем. У Платона, именно у Платона можно было найти готовые доводы в пользу спиритуализма, аскетизма, „презрения к миру“, надолго вошедшие в сокровищницу христианской культуры. С другой стороны, однако, после Плотина платонизм все больше усваивается в форме неоплатонического синтеза, включившего в себя аристотелевскую компоненту. Недаром термины великих контроверз патристической эпохи берутся из арсенала Аристотеля: ‘усия’, ‘ипостась’ и многие другие. Пусть ортодоксальные оппоненты еретика IV века Евномия усматривали у последнего аристотелевскую технологию, подменившую собой теологию; не только еретикам, но и ортодоксальному христианству Аристотель был нужен как учитель техники мышления. Ситуация контроверзы заставляет спорить, а спорить нельзя без техники, то есть без логики»¹¹. Именно этим во многом обуславливался интерес византийцев к Аристотелю.

Кстати, К. Иеродиакону приводит следующие данные о рецепции византийцами Платона и Аристотеля: среди византийских рукописей сохранилось около 260 копий диалогов Платона и примерно 1000 копий текстов Аристотеля¹².

Благосклонность византийцев к Аристотелю С. С. Аверинцев объясняет так: «Исторический опыт Византии показывает, что в принципе едва ли существует какая-то несовместимость между православием и наследием Аристотеля. Скорее сложности были с Платоном, поскольку Платон вместе с философией как таковой предлагал свою мистику, отличную от христианской, свои символы, свою мифологию. Аристотелевская техника мысли более нейтральна по отношению к религии, чем платоновский экстаз. Такой кодификатор православной нормы в богословии, как Иоанн Дамаскин (VII–VIII вв.), предпослал своему главному

Аристотель.
Роспись византийской церкви

Платон.
Роспись византийской церкви

теологическому труду „Источник знания“ логико-философское введение, основанное на Аристотеле и его неоплатонических и христианских интерпретаторах. Не раз возникала ситуация, когда защитник православия выступал как аристотелик против еретического платоника: например, Николай Мефонский в середине XII века призывал себе на помощь аристотелевскую критику теории идей против гетеродоксального учения Сотириха Пантевгена; на самом исходе исторического бытия Византии, уже в XV веке, последний враг византийского православия, загадочный неопаганист Георгий Гемист Плифон, был ярким платоником, а его оппонент, первый патриарх Константинополя после пленения последнего турками, по имени Геннадий Схоларий, — убежденным аристотеликом. Что до виднейшего православного мистика XIV века Григория Паламы, то он, вообще говоря, выступал против допущения какой бы то ни было языческой философии в зону теологической работы; и все же недаром он выступал почти подростком при дворе с рефератом по аристотелевской логике, — та пара терминов ‘усия’ и ‘энергейя’, при посредстве которых он решает проблему соотношения между трансцендентностью и имманентностью Божества и обосновывает столь характерную для православия доктрину исихазма, заимствована у Аристотеля»¹³.

Что касается светской, «внешней» философии, к которой уже упомянутый Л. Бенакис относит, например, комментирование трактатов античных авторов по логике, физике и природе человека, то такая «чистая» философия, напрямую не связанная с теологической проблематикой, представляла в Византии VI–VIII веков весьма узкий сектор научной активности. Согласно Бенакису, это направление интеллектуальной деятельности стало более-менее заметным и автономным не ранее IX столетия. Кроме того, он отмечает, что «философия в Византии не прекращала трансляции античных знаний о человеке и мире и была часто независимой от богословской мысли как на уровне теоретической, так и на уровне практической философии, иными словами, она никогда не была *ancilla theologiae*»¹⁴.

Учебные заведения в «столкновении мировоззрений»

Следует особо отметить, что развитие византийской философии было тесно связано с научными центрами. Еще во II–III веках учебные заведения по примеру римского *атенея* были основаны во всех провинциях империи. При основании Нового Рима император Константин также создал атеней, реформированный спустя столетие в первый Константинопольский университет.

Как отмечает Г. А. Острогорский, «император Феодосий II (408–450) в первые годы своего правления находился под сильным влиянием своей энергичной сестры Пульхерии, а в более поздний период — под влиянием своей супруги, афинянки Евдокии, дочери языческого профессора риторики в афинском университете.

Личность этой императрицы — живой пример того, как сочетались христианство и классическая образованность в Византии. Всю свою жизнь она оставалась верной культурным традициям своего родного города, будучи в то же время ревно-

стной последовательницей новой веры. И характерен тот факт, что императрица сочиняла светские стихи и писала церковные гимны. В 425 году, во многом благодаря ее влиянию, был реорганизован и расширен университет, созданный еще в Константиновскую эпоху. По существу, он был как бы заново создан. Университет стал ключевым центром науки в империи. В нем было 10 кафедр греческой и 10 кафедр латинской грамматики, 5 кафедр греческой и 3 кафедры латинской риторики, 1 кафедра философии и 2 кафедры юриспруденции»¹⁵.

В V–VI веках существовали многочисленные высшие учебные заведения в Афинах, Александрии, Антиохии и Бейруте. Светские науки изучались по античной системе, предусматривавшей два уровня «энциклопедического образования»: *тривиум* (грамматика, риторика, диалектика) и *квадривиум* (арифметика, музыка, геометрия, астрономия); особо изучались право, медицина и другие прикладные дисциплины. Кстати, принципы квадривиума были изложены у византийского философа Георгия Пахимера (1242–1310), в свое время его труд «Квадривиум» был издан и прокомментирован в работе Е. Стефану и П. Тэннери¹⁶.

Несмотря на то, что в 726 году император Лев III, инициатор иконоборчества, закрыл Константинопольскую высшую школу (а по средневековой легенде — даже сжег книги, изгнав профессоров)¹⁷, есть данные, что в конце VIII века начальные и средние школы не были закрыты, домашнее образование не возбранялось и не пресекалось. Грамотность была широко распространена в средних по состоятельности и социальному положению слоях населения. Появление в IX веке таких образованных людей, как Иоанн Грамматик, Лев Математик, наконец, таких, как знаменитый патриарх Фотий, свидетельствует о высокой постановке школьного дела в империи. Не следует также забывать, что Константин-философ и его брат архиепископ Паннонский Мефодий, первоучители славянские, родившиеся и получившие образование в конце VIII — начале IX века, обязаны своей школьной образованностью и научной подготовкой современной им общественной среде и системе образования. А Фотий, до того как стал патриархом, служил профессором философии и богословия в восстановленной в 855–856 годах Львом Математиком Константинопольской высшей школе.

Период иконоборчества, помимо всего прочего, обострил также отношения между «внешней» и «внутренней» философией и положил начало долгой борьбе, развернувшейся с IX века между сторонниками и противниками «внешней» мудрости.

Как отмечает прот. И. Мейендорф, «с момента окончания иконоборчества в Византии стало умножаться число ученых, которые в духе гуманистов пробуждали в ромейском обществе интерес к наследию Античности. Патриарх Фотий провел критическую и компилятивную работу с греческими текстами, а Арефа Кесарийский тщательно переписал древние рукописи. И всего лишь через несколько поколений появилась плеяда философов, для которых богословие уже не было средоточием интеллектуальной деятельности. В XI веке школа Михаила Пселла открыто заявляет о своей приверженности античному наследию и считает себя продолжательницей его традиций.

Однако византийский гуманизм постоянно встречал оппозицию среди определенных церковных кругов, особенно в среде монашествующих, которые изо всех сил

боролись с тем, что они считали возобновлением язычества. Так, противник Фотия Игнатий известен своей непримиримостью по отношению к „внешней мудрости“. В общем, это была борьба, столь часто случавшаяся в Византии, когда монахи противостояли некоторым иерархам, которым покровительствовали императоры. И в случае с исихастскими спорами она также была вызвана преимущественно тем отношением, которое возникло в широких монашеских кругах к появившемуся светскому гуманизму. И это оказалось серьезной внутренней драмой византийской цивилизации. Чтобы осознать всю ее глубину и остроту, достаточно вспомнить, что Михаил Пселл был современником Симеона Нового Богослова, и эти два выдающихся представителя византийской мысли XI века не смогли даже понять друг друга. И если первый повсеместно декларировал свою любовь к Платону и Аристотелю, то последний категорически отрицал любое изучение светских наук. Пселл, впрочем, был обвинен в пристрастии к „эллинским басням“ и должен был доказывать свое православию перед патриархами Иоанном Ксифилином и Михаилом Керуларием, обвинявшими его в рационализме»¹⁸.

Здесь нужно более подробно остановиться на энциклопедическом проекте патриарха Фотия.

«Мириобиблион» как свидетельство свободного мышления

Внешние обстоятельства написания этого труда связаны с тем, что в 845 (или 855) году Фотий участвовал в посольстве к арабскому халифу Аль Муттаваккилу, отправляясь в которое, он составил послание своему брату Тарасию, впоследствии и ставшее знаменитым как «Мириобиблион», или «Библиотека», — более или менее подробное описание прочитанных им книг¹⁹.

Однако появление «Библиотеки» в IX веке не было случайностью. Это время известно возрождением интереса к классической древности, расцветом науки, литературы и просвещения, энциклопедическими сборниками и ученым коллекционированием. Как пишет кембриджский исследователь Энтони Калделлис, в это время «переписывалось и создавалось большое количество лексикографических и просопографических справочников, антологий и энциклопедий»²⁰. Сочинение Фотия сохранилось в разных списках и дожило до времени книгопечатания: в 1601 году его издал Д. Хёшель (David Hoeschel) в Аугсбурге, оно переиздавалось в 1643 году, а в 1824–1825 годах в Берлине И. Беккер издал выверенную версию «Библиотеки».

«Библиотека» состоит из 279 (или, по другой версии, 280) глав — традиционное название каждой главы — «кодекс» (*codex*). Кодекс представляет собой небольшой очерк, излагающий содержание какого-нибудь произведения, иногда — нескольких произведений и/или дающий краткую характеристику творчества какого-нибудь автора в целом. Библиотека охватывает широкий круг древнегреческих и византийских авторов — хронологически от V века до Р. Х. (историк Геродот) до IX века по Р. Х. (византийский хронист Сергей Исповедник). Аннотируемые сочинения — по большей части прозаические — по тематике весьма разнообразны, они принадлежат 158 церковным и 122 светским авторам.

Как видно из состава «Библиотеки», Фотия интересовали сочинения полемического и проблемного характера. В отношении к противопоставлению «платонизма» и «аристотелизма» он придерживался мнения, что, например, по главному антропологическому вопросу о природе души Платон и Аристотель не спорят друг с другом, но оба черпают свое знание из пифагорейской традиции. Учение о бессмертной природе души представлялось во времена Фотия некой «нейтральной территорией» в полемике между неоплатонизмом и христианством, а сочинения поздних неоплатоников можно было использовать и в апологетических целях. Это был своего рода метод византизма, когда христианское учение не смешивалось с представлениями какого-то определенного эллинистического направления или школы, но апологеты избирательно и трезвомысленно пользовались элементами здравого смысла, добытого «естественным разумом».

Например, в кодексе 249 (*О Пифагоре*) можно прочитать следующее: «Платон и Аристотель согласно с Пифагором учат, что душа — бессмертна, хотя некоторые, не поняв, что такое „ум“ у Аристотеля, заявляют, что он учил, что душа — смертна»²¹.

Эта же идея о единстве Платона и Аристотеля фиксируется Фотием и в другом аннотируемом произведении. Приведем наш перевод (иер. И. И.) фрагмента из кодекса 214 — *Гиерокл**, *О промысле и судьбе* (об этом утраченном сочинении можно судить только по реферату Фотия):

«Прочитана книга Гиерокла о промысле и судьбе, и о сочетании нашего свободного выбора с божественным вседержительством. Автор рассматривает этот вопрос философски, предполагая, что Олимпиодор — известный своей любовью к мудрости и не новичок в ней — будет достойным судьей этого труда. Этот последний знаменит своим участием в римских посольствах и тем, что покорил власти Рима множество могущественных варварских племен, что принесло ему много почета. Таков был Олимпиодор — тот, кому была отправлена эта рукопись и кому автор в конце первой книги выражает свои соболезнования в связи с кончиной приемного сына — и нет сомнений в том, что при этом не только душа его скорбела, но и лицо выражало печаль.

Этот комментарий к трактату „О промысле“ излагает мнение того, кто полагает, что учение Платона не отличается от учения Аристотеля. Автор пытается примирить мнения философов не только в отношении взгляда на провидение, но и касательно учения о бессмертии души, а также учения о небе и мире. По поводу тех, которые полагают, что Аристотель и Платон пребывали в разногла-

Святитель Фотий,
Патриарх Константинопольский.
Фреска

* Гиерокл Александрийский, философ-неоплатоник 1-й пол. IV в. н.э. (Прим. ред.)

сии, автор прикладывает все свои силы к тому, чтобы показать, насколько таковые удалились от их учения, и что они совсем отошли от истины — одни добровольно (из духа противоречия и по глупости), а другие из-за своего невежества и рабства предрассудкам. Он приводит большое число древних авторов вплоть до того момента, когда воссияла мудрость Аммония, которого он называет „учеником Бога“. Именно он — говорит Гиерокл — очистил учение древних философов от добавленных в них басен и показал, что по поводу самых важных и существенных положений в мысли Платона и Аристотеля царит согласие. С великим рвением стремится Гиерокл в своем сочинении достичь этой цели. Он выстраивает свои аргументы в силу того, что он постиг, и усиленно борется с теми, кто выступает против него. Я говорю об эпикурейцах и стоиках и всех тех, кто восхваляют Платона и Аристотеля, но неправильно истолковывают их сочинения. Что касается тех, которые до изнеможения упражняются в искусстве составления гороскопов, они посрамляются Гиероклом, доказывающим, что их мнение о судьбе ошибочно. Та же участь постигает и тех, кто пытается управлять промыслом о сущем при помощи механических или психических ухищрений. Одним словом, он восстает против всех мнений, которые заставляют людей несведущих думать, что божественный промысел либо вовсе не существует, либо он бессилен»²².

Как отмечает современный итальянский исследователь Микеле Трицио, «некий поиск примирения между христианством и неоплатонизмом был не чужд эрудированным византийским интеллектуалам. И Фотий указывал на то, что прокловский неоплатонизм, особенно после Аммония, уже не несет в себе *dissensiones philosophorum** (cod. 251, 461a31)»²³.

Все это говорит о том, что Фотий прекрасно понимал специфику различных этапов платонизма и неоплатонизма, и это позволяло ему творчески использовать то, что было созвучно его идеям, и отклонять то, что не соответствовало им. Такое же отношение было у него и к аристотелизму. Как отмечает болгарский ученый Георгий Каприев, Фотий, имея для себя основным критерием христианское учение, даже несмотря на доминирование аристотелевской традиции в византийской культуре VII—IX веков, не считал себя всецело аристотеликом. В одном случае — например, в учении о категориях — он следовал Аристотелю, в другом — в учении о родах и видах — развивал его идеи самостоятельно, а в третьем случае — в учении о «сущности» — критически отклонял учение Аристотеля²⁴. И в этом свободном подходе к великому наследию греков Фотий показывал себя независимым и разборчивым христианским мыслителем.

Византийский гуманизм: проблемы и развитие

Протоиерей Иоанн Мейендорф так объясняет специфику взаимоотношений светского гуманизма и традиционного христианства в Византии:

«По мере распространения византийского гуманизма усиливалась и реакция на него. В конце XI в. сам император Алексей Комнин стал ее горячим сторонником. Как повествует в своих мемуарах его дочь Анна, император „советовал более изучать божественные книги, нежели знакомиться с греческой культурой“. Эта

рекомендация реализовалась и в судебном процессе против лучшего ученика Михаила Пселла — Иоанна Итала, обвиненного в преподавании учений, заимствованных у языческих философов. В силу этого в „Синодик“ недели Торжества Православия была включена торжественная анафема тем, которые слишком высоко ценят так называемую мудрость языческих философов.

Эти столкновения и подобные приговоры, объектом которых был византийский гуманизм, имели весьма важные последствия для судеб как византийской культуры, так и византийского христианства. Прежде всего, они сказались в том, что возрождение интереса к античной философии не привело, как на Западе, к новому синтезу греческой мудрости и христианского Откровения. Если после „открытия“ Аристотеля и неоплатонизма Запад узнал расцвет схоластики, восточная Церковь довольствовалась сохранением усвоенной традиции и верностью первому синтезу, осуществленному отцами IV в. Верно и то, что среди наиболее ревностных противников гуманизма — монахов — существовало и развивалось течение мистического богословия независимо, а порой и в пику возрождению внешней философии.

Другим следствием такого положения вещей был следующий факт: гуманисты, которые в IX—XI вв. видели в Византии продолжательницу культурных традиций эллинизма и были преисполнены патриотических настроений, зачастую оппозиционных Западу, стали, начиная с XIII столетия, менять свое отношение. Испытывая известные нападки соотечественников, они все чаще и чаще обращали свои взоры на Италию, где их знания и их „эллинизм“ не были объектом реакции со стороны Церкви, а сами гуманисты почитались как учителя»²⁵.

На новый уровень византийское образование вышло в XI—XII веках. В это время был вновь преобразован Константинопольский университет (с юридическим и философским факультетами), открылись патриаршие школы при храмах Святой Софии и Святых Апостолов. В 60-х годах XII века император Мануил I Комнин назначил «главой философов» (то есть ректором) Михаила Анхиала, позднее ставшего патриархом (1170—1178). Преемником его на посту главы философов стал Феодор Иреник, занявший в 1214 году патриарший престол. В созданной им Патриаршей академии (при храме Святой Софии) преподавали самые видные деятели византийской культуры конца XI — начала XII веков, авторы многих дошедших до нас литературных, научных и педагогических произведений. Наиболее выдающимися среди них были Евстафий Солунский, Никифор Василак, составивший учебное пособие по истории, мифологии, риторике и богословию. Известный йатрософист Михаил Италик вел занятия по предметам квадривиума (арифметике, геометрии, музыке, астрономии), а также механике, оптике, медицине и философии. Он был профессором медицины при больнице монастыря Пантократора (основана в 1136 г.)²⁶.

Помимо этого, в XII веке широко распространяются литературно-философские кружки (у них были разные названия: *театр*, *вулветерий*, *музей*, *сады муз*, *собрание*), группировавшиеся обычно вокруг влиятельных аристократов (нередко — придворных дам). Грамотность в империи почти всегда оставалась на беспрецедентно высоком для средневековья уровне, будучи распространенной во всех слоях общества.

В Никейской империи сохранение философской школы сделало возможным то, что падение Константинополя в 1204 году не пресекло традицию философского образования в Византии. Примером тому служит деятельность Никифора Влемми-

да, написавшего руководства по логике и физике, поскольку в школе Влеммида, устроенной в основанном им монастыре в Имафиях, преподавалась и «внешняя» философия, которая была в то время всеобъемлющей наукой. «Философия, — разъясняет сам Влеммид, — делится на умозрительную (θεωρητικόν) и практическую (πρακτικόν). Умозрительная познает сущее, практическая улучшает нравы. Цель умозрительной — правда, цель практической — благо. Умозрительная философия делится на философию о естестве (φυσιολογικόν), математику и богословие (μαθηματικόν καὶ θεολογικόν). Наука естественная занимается исключительно вещественным, богословие — исключительно невестественным, математика — предметами, имеющими вещественную и невестественную сторону. Математика делится на арифметику, музыку, геометрию и астрономию. Практическая философия делится на этику (ἠθικόν), экономику (οἰκονομικόν) и политику (πολιτικόν). Этический философ тот, кто умеет приводить в порядок свои и чужие нравы; экономический — тот, кто может воспитывать целый дом; кто же хорошо управляет городом или городами, тот философ политический. Практическая философия приводится в исполнение посредством законодательства и правосудия (διὰ νομοθετικοῦ καὶ δικαστικοῦ). Ибо практический философ издает законы для города, для дома, для ученика и для себя и судит других, восхваляя хорошо поступающих и порицая поступающих дурно»²⁷.

Таким образом, мы видим, что «философия, по воззрениям византийцев, охватывала, кроме логики и метафизики, науки естественные, математические (арифметику, музыку, геометрию и астрономию), богословие, этику, политику, юриспруденцию и другие. Все эти науки представляли собой тогда весь круг „высшего образования“. Никифор Влеммид и был представителем этой универсальной философии, и занимался преподаванием „всех указанных наук“ в своей школе в Имафиях. Об этом свидетельствуют его сочинения — руководства для учеников: толкование на некоторые псалмы, составленное для учеников-монахов, сочинения по логике, физике, географии, астрономии, медицине. Некоторые из этих сочинений, например, по логике и физике, были школьными учебниками в Византии и долгое время после Влеммида. Из учеников Влеммида известны Георгий Акрополит, выдающийся деятель XIII века, и император Феодор Ласкарис, который, по собственному его отзыву, „тщательно изучил у Влеммида все, что есть лучшего в философии“. Вообще, Никифор Влеммид славился своей педагогической деятельностью и привлекал в свою школу немало лиц, желавших поучиться у знаменитого философа»²⁸.

После восстановления империи в Константинополе император Андроник II Палеолог Старший (1260–1332) вновь реорганизовал высшее образование, открыв в столице «Царскую Школу».

В отличие от западноевропейских университетов, появившихся в XIII веке и бывших юридически самостоятельными корпорациями, византийские высшие учебные заведения были государственными — с утвержденным штатом и высокими окладами профессоров. Само же обучение в них было бесплатным. «В период палеологовского возрождения возникла крупная группа ученых, обладавших авторитетом в различных разделах философии и желающая подвергнуть критике философские теории. Пахимер написал компендиум аристотелевской философии, а пе-

реложения Аристотеля были подготовлены Софонией (конец XIII в.), Львом Магнетеном (XIV в.) и Феодором Метохитом»²⁹.

Своеобразной иллюстрацией *континуитета* («непрерывности») «внешней» философии в Византии может послужить традиция изображения языческих философов в храмовом пространстве. Так, согласно тексту «Ерминия» Дионисия из Фурны, рекомендуется изображать философов вместе с *Древом Иессеевым* ниже пророков Ветхого Завета. В этом контексте античные философы почитались языческими предвестниками воплощения Христа. В нескольких церквях и монастырях — в Лавре и Иверском монастыре на Афоне, церкви св. Николая на острове озера Памвотида около города Яннина (Иоаннина), в Бачково и Арбанаси в Болгарии и иных местах находятся изображения древних философов. Как правило, они датируются XVI–XVIII веками, хотя некоторые ученые полагают, что художники следовали более ранней традиции. Перечень изображаемых философов включает хорошо известные имена не только собственно философов (Сократ, Платон, Аристотель, Пифагор, Филон), но и политиков (Солон), писателей (Гомер, Плутарх, Фукидид), ученых (врач Гален) и предсказателей (Сивилла)³⁰.

Христианский эллинизм

Подводя итог, можно отметить, что в более широком смысле спор между сторонниками Платона и Аристотеля в Византии может рассматриваться частично как спор о богословской приемлемости философии. Очевидно, что Платон и Аристотель не могли быть приняты целиком. *Их философия, взятая сама по себе и не переосмысленная в контексте патристического синтеза, могла быть источником разного рода ересей*. Таковы ереси, взятые из концепций Платона (и неоплатоников): иерархическое подчинение первопричин, эманация из этих первопричин, независимое существование вечных идей и идеи божества, предсуществование души и метемпсихоз. Им можно было бы противопоставить ереси, основанные на теориях Аристотеля: идея о Боге как простом движителе небес, проявляющем лишь малое провидение, вечное бытие мира (в онтологии) и отсутствие будущей жизни (в этике). Но христианская мысль отвергла и то, и другое, взяв из античной философии только то, что могло *послужить внятному уяснению христианских догматов* («внутренняя» философия), и то, что *не противоречило здравому смыслу в познании вещей «внешних»*. Кроме того, «поскольку логика Аристотеля находилась на начальной ступени философского курса обучения, а метафизика Платона — на самой высшей, последняя была менее знакома и более подвержена обвинениям в ереси, в то время как первую можно было с большей легкостью интегрировать как элементарную интеллектуальную дисциплину»³¹.

Вот как об этом писал в свое время прот. Г. Флоровский: «Здесь важно отметить, что культура древних оказалась достаточно гибкой и способной к внутреннему „преображению“. Или, другими словами, христиане доказали, что возможно переориентировать культурный процесс, не впадая при этом в до-культурное состояние, преобразовать культуру, вдохнув в нее новый дух. Тот самый процесс, который многими описывается как „эллинизация христианства“, скорее может быть

определен как „христианизация эллинизма“. Эллинизм был расщеплен духовным мечом, поляризован и разделен, в результате чего возник „христианский эллинизм“³². Таким образом, в Византии сосуществовали два эллинизма — «светский эллинизм», транслируемый в контексте *культурного континуитета*, и «христианский эллинизм», возникший и сформировавшийся при столкновении и переплавке двух культурно-религиозных миров — языческого эллинистического и библейского христианского, в контексте *религиозного дисконтинуитета*.

В заключение, в качестве широкого обобщения можно предположить, что, если в западной цивилизации католическая философия связала себя с учением Аристотеля, приспособив его в контексте томизма и неотомизма, а протестантская философия сделала ставку на неоплатонический дискурс (в возрожденном августинианстве), то византийская православная традиция пошла по пути «золотой середины», творчески и духовно переосмыслив наследие как аристотелизма, так и неоплатонизма. Выработав концепцию сочетания «внешней» и «внутренней» философии, она смогла разграничить светский и христианский аспекты «любомудрия», сохранив при этом для мировой культуры античное достояние и создав свою неповторимую византийскую восточно-христианскую ментальность.

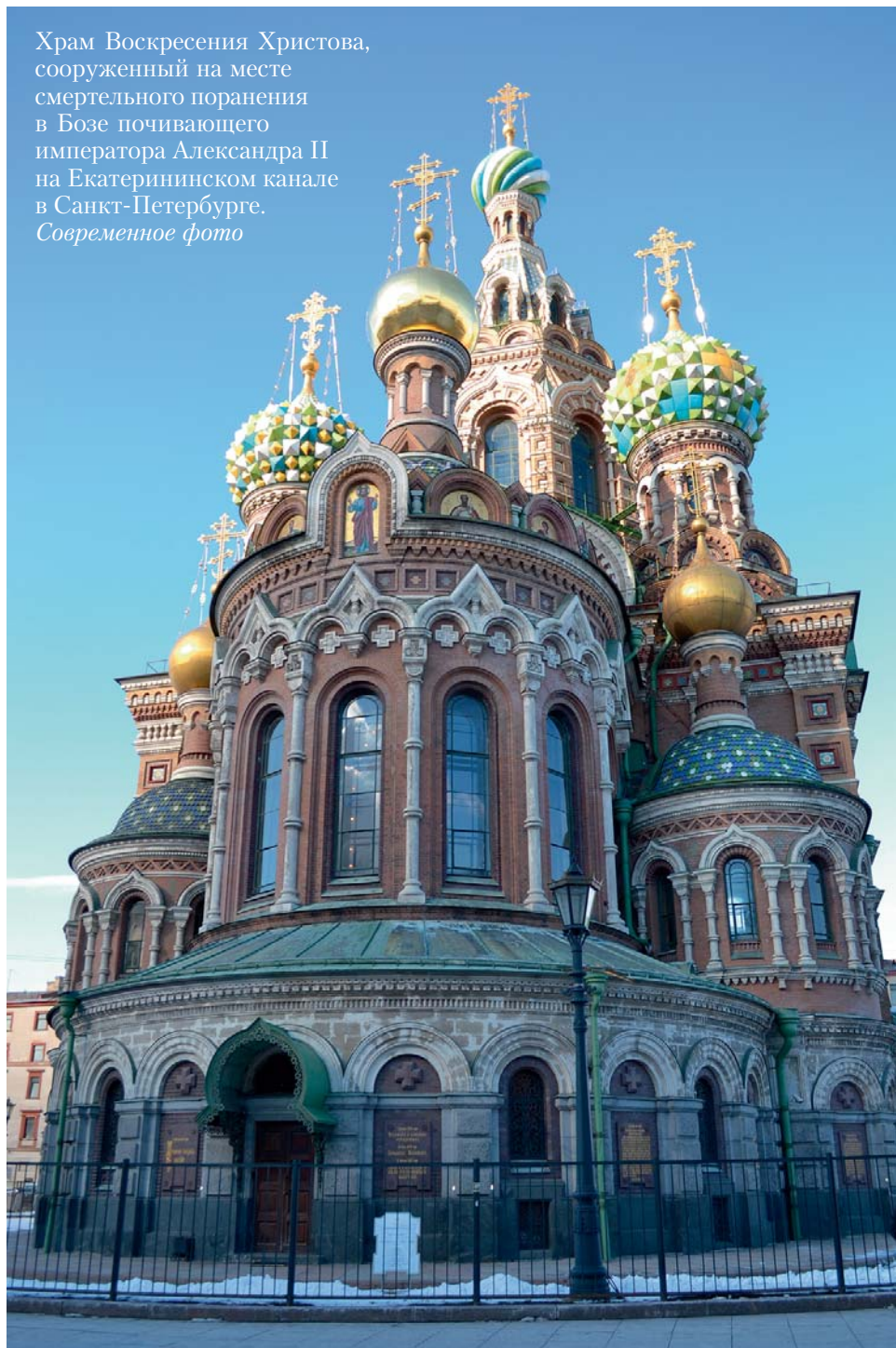
Изображение философа с учениками в Мадридском списке Хроники Иоанна Скилицы, XII в. (Biblioteca Nacional, vitr. 26–2, Madrid)

Примечания:

¹ Шестов Л. Афины и Иерусалим // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 317.
² Вдовиченко А. В. Христианская апология. Краткий обзор традиции // Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования. М., 2000. С. 34.
³ Св. Иустин, философ и мученик. Творения / Репринт. изд. М., 1995. С. 50–51.
⁴ Там же. С. 85–86.
⁵ Там же. С. 89–90.
⁶ См.: Филарет (Гумилевский), архиеп. Историческое учение об Отцах Церкви. М., 1996.

⁷ Ierodiakonou K. Introduction // Byzantine Philosophy and its Ancient Sources. Oxford, 2002. P. 2.
⁸ Там же.
⁹ Там же.
¹⁰ Ierodiakonou K. Byzantine Philosophy // MacMillan Encyclopedia of Philosophy. NY, 2005. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/byzantine-philosophy/>
¹¹ Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М., 1996. С. 321–322.
¹² Ierodiakonou K. Byzantine Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/byzantine-philosophy/>
¹³ Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М., 1996. С. 322–323.
¹⁴ Benakis L. Die theoretische und praktische Autonomie der Philosophie als Fachdisziplin in Byzanz // Knowledge and the Sciences in Medieval Philosophy, Proceeding of the Eight International Congress of Medieval Philosophy. Helsinki, 1990. P. 223.
¹⁵ Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. Oxford, 1956. P. 36.
¹⁶ См.: Stéphanou E., Tannery P. Quadrivium de Georges Pachymère // Studi e testi. № 94, Vatican City, 1940.
¹⁷ См.: Успенский Ф. И. История Византийской империи. Т. 2. Иконоборческий период (717–867 гг.). М., 2005. С. 295–296.
¹⁸ Мейендорф И., прот. Начало исихастских споров // Христианство и культура. Сб. науч. тр. Вып. 3. СПб.: СПб ГИЭУ, 2007. С. 429–430 (перевод выполнен И. А. Ивановым). Ср.: Мейендорф И., прот. Пасхальная тайна. Статьи по богословию. М.: ПСТГУ, «Эксмо», 2013. С. 515–516.
¹⁹ Dvornik F. Photius, Patriarch of Constantinople // New Catholic Encyclopedia, vol. XI. Washington, D. C., 1967. P. 326.
²⁰ Kaldellis A. Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2008. P. 180.
²¹ Photii Bibliotheca. Ex recensione Immanuelis Bekkeri, t. 1. Berolini, 1824. P. 439. См. также: Henry R. Photius. Bibliotheca. Vol. 7. Paris, 1974.
²² Photii Bibliotheca. Ex recensione Immanuelis Bekkeri, t. 1. Berolini, 1824. P. 171–172. См. также: Henry R. Photius. Bibliotheca. Vol. 3. Paris, 1962. P. 125–131.
²³ Trizio M. Byzantine Philosophy as a Contemporary Historiographical Project // Recherches de Théologie et Philosophie Médiévales, vol. 74, part 1. 2007. P. 253.
²⁴ Канреев Г. Византийская философия. Четыре центра на синтеза. София: «Изток–Запад», 2011. С. 235.
²⁵ Мейендорф И., прот. Начало исихастских споров // Христианство и культура. Сб. науч. тр. Вып. 3. СПб.: СПб ГИЭУ, 2007. С. 430–431 (перевод выполнен И. А. Ивановым). Ср.: Мейендорф И., прот. Пасхальная тайна. Статьи по богословию. М.: ПСТГУ, «Эксмо», 2013. С. 516–517.
²⁶ Pioreschi P. A History of Medicine. Vol. IV. Byzantine and Islamic medicine. Omaha, 2004. P. 91.
²⁷ Цит. по: Соколов И. И. Свт. Григорий Палама, его труды и учение об исихии. Никифор Влеммид, византийский ученый и церковный деятель XIII в. Церковная политика византийского императора Исаака II Ангела. СПб., 2004. С. 134–135.
²⁸ Там же. С. 135.
²⁹ Цит. по: <http://www.nsu.ru/classics/byzantium/interest.htm>
³⁰ См.: Казакова Н. А. «Пророчества еллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы, XVII, 1961. С. 358–368. Также: <http://www.nsu.ru/classics/byzantium/interest.htm>
³¹ Цит. по: <http://www.nsu.ru/classics/byzantium/interest.htm>
³² Флоровский Г. В. Вера и культура // Флоровский Г. В. Избранные богословские статьи. М., 2000. С. 257.

Храм Воскресения Христова, сооруженный на месте смертельного поранения в Бозе почивающего императора Александра II на Екатерининском канале в Санкт-Петербурге. Современное фото

С. В. Иванова

Иконография Пасхи, Анастасис, канон, церковная живопись, Воскресение, Сошествие во ад, Восстание от гроба, храм Воскресения Христова.

В конце XIX века художники обращаются к православному образу Пасхи — иконе «Воскресение Христова». Однако воссозданная ими иконография, ее элементы, привнесенные под влиянием названия «Сошествие во ад», позволяют сделать вывод об изменениях в интерпретации древнего образа, свидетельствуют об ином понимании художниками образа Воскресения в сравнении с древними иконописцами.

Ανάστασις:

В ПОИСКАХ КАНОНА

Образ Воскресения в русской иконографии на рубеже XIX—XX веков

В год восшествия на престол Государя императора Николая II — 1894-й — в Санкт-Петербурге началось создание мозаичного убранства собора Воскресения Христова, известного также как «Спас на крови». Этот храм-памятник, построенный на месте смертельного ранения императора Александра II, был посвящен Воскресению — победе Христа над смертью. Естественно, что в его художественном оформлении образ этого праздника имеет особое значение. При этом различные подходы к его интерпретации позволяют сделать выводы не только о соотношении на рубеже веков иконографических традиций, но и о новом осмыслении художниками древнего образа Воскресения.

Образ Воскресения Христова, при тщательно выверенной композиции мозаичного убранства храма, представлен среди других сюжетов пять раз: три мозаики мы видим во внутреннем, и две — во внешнем оформлении.

Прежде всего нужно назвать престольный образ Воскресения, расположенный справа от Царских врат (илл. на с. 72). Далее — мозаика в южном киоте (илл. на с. 73), расположенная симметрично образу св. Александра Невского, небесного покровителя убиенного императора, что создает особые смысловые коннотации. Образ Воскресения мы видим и в западной части храма: он возвышается над южной аркой у сени, воздвигнутой над местом взрыва (илл. на с. 70).

Во внешнем декоре образ Воскресения воспроизведен дважды. Основной образ расположен в тимпане на северном фасаде храма, обращенном в сторону Марсова поля (илл. на с. 73). А вот на южном фасаде, обращенном к Невскому проспекту, возвышается сияющая мозаика «Христос во славе», небольшой же образ Воскресения помещен ниже, в тимпане южного крыльца (илл. на с. 74). Такое решение удив-

ляет: казалось бы, престольный образ «праздников Праздника, Торжества торжеств»* должен находиться на самом заметном месте, быть хорошо видимым со стороны главного проспекта города. Но если внимательно рассмотреть иконографию, в которой представлены здесь эти образы, то причины такого решения становятся понятнее.

Уже с XVIII века, со времени правления Петра I, в России сосуществовали два типа иконографии Пасхи. Православная иконография («Воскресение», или по-гречески Ανάστασις — «Анастасис») была выработана в Византии не позднее VI века¹.

Воскресение Христово («Анастасис»).
Икона из праздничного ряда церкви
Успения Богородицы на Волотовом поле
близ Новгорода, втор. пол. XV в.

Она показывает это Событие в его мощи и сотериологическом значении: это спасение прародителей Адама и Евы (а в их лице — всего человечества), возвращение людям потерянного некогда богообщения. Адская бездна — под ногами Христа, и она изображена открытой лишь для того, чтоб показать результат уже свершившейся Победы: ад пуст, его замки и оковы разбросаны. Вокруг фигуры Спасителя — сияние, сюжет чаще всего представлен на золотом фоне.

Однако после XIII века² в западноевропейском искусстве возникает иная иконография — «Восстание от гроба», которая представляет воскресшего Христа с флагом в руке³, выходящего или уже вышедшего из гробовой пещеры или горизонтально расположенной гробницы. Сам момент Воскресения в канонических евангелиях не описан, поэтому в такой художественной интерпретации События все изображенное связано с богатством фантазии художника, которому приходится представить, как мог выглядеть лик Спасителя в момент Воскресения, какой могла быть реакция стражников. Стражники в этом случае становятся первыми свидетелями: некоторые из них показываются испуганными или удивленными, иногда кто-то из них целится в Христа копьем, кто-то показан спящим (хотя это лишь визуализация обмана, сделанного ими по наущению первосвященников**). Кроме того, для усиления правдоподобия гробовая доска изображается сдвинутой. Отметим, что это не согласуется с евангельским повествованием: камень от гробовой пещеры был отвален ангелом не для выхода воскресшего Спасителя, а для пришедших жен-мироносиц (Мф 28:1–8, Мк 16:1–8).

некоторыми или удивленными, иногда кто-то из них целится в Христа копьем, кто-то показан спящим (хотя это лишь визуализация обмана, сделанного ими по наущению первосвященников**). Кроме того, для усиления правдоподобия гробовая доска изображается сдвинутой. Отметим, что это не согласуется с евангельским повествованием: камень от гробовой пещеры был отвален ангелом не для выхода воскресшего Спасителя, а для пришедших жен-мироносиц (Мф 28:1–8, Мк 16:1–8).

* Из Пасхального канона Иоанна Дамаскина.

** Ср. с евангельским текстом: «... некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим. Они, взяв деньги, поступили, как научены были...» (Мф 28:11–15).

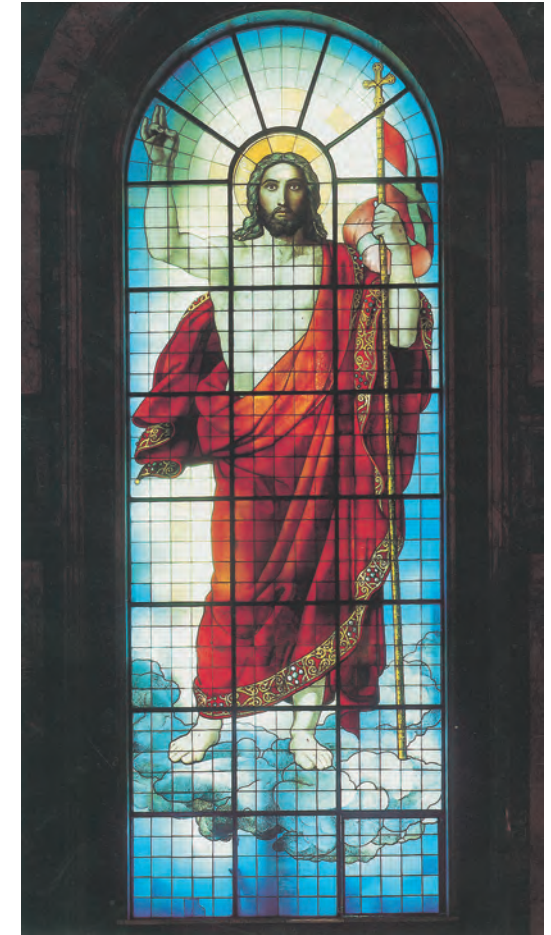
Воскресение («Восстание от гроба»)
И. Я. Вишняков, 1755

Воскресение («Восстание от гроба»)
Н. С. Пименов

Займствованный из западноевропейского искусства образ «Восстание от гроба» был представлен в русских храмах весьма широко.

Пример XVIII века — образ в праздничном ряду иконостаса Троицкого (Троице-Петровского) собора на Петербургской стороне (художник И. Я. Вишняков). С начала XIX века такой образ получил распространение и постепенно становился для русского искусства все более привычным. Новые иконы для столичных соборов России создавались именно по этому типу: живописный образ для Казанского собора (Л. А. Шустов, 1810 г.), картина В. Л. Боровиковского для Троицкой церкви на Смоленском кладбище (1824–1825 гг., ныне — в собрании ГРМ), иконы Николо-Богоявленского собора. В Исаакиевском соборе это не только картина К. А. Штейбена (1843–1854 гг.), но и позолоченная скульптурная композиция «Восстание от гроба» (Н. С. Пименов), которая венчает малый иконостас в приделе св. Екатерины. Этот же образ избран и для главного алтаря — для витража, выполняющего роль запрестольной иконы (по эскизу Г. М. фон Гесса, 1841–1843 гг.). На витраже, поражающем своим размером, Христос изображен в красном одеянии и с красным фла-

Воскресение («Восстание от гроба»)
Витраж по эскизу Г. М. фон Гесса

гом; Он идет по облаку, словно выступая из Царских врат навстречу стоящим в храме. Воскресение как «Восстание от гроба» представлено и снаружи Исаакиевского собора — на северном фронте (скульптор Ф. Лемер, 1839—1843 гг.): Христос, с флагом в руке, восстает от гроба, с двух сторон от Него — благовествующие ангелы, обращенные к женам-мироносицам и стражникам. Наконец и позже, уже в XX веке, образ «Восстание от гроба» избирается для внешнего убранства другого столичного храма Воскресения Христова — на набережной Обводного канала возле Варшавского вокзала (художник Т. С. Щелков, 1909 г.).

Можно констатировать, что в первой половине XIX века обращение к древней иконографии, то есть к собственно православному образу, уже было необычно, и не только в «европейском» Санкт-Петербурге, но и в Москве. Показателен эпизод, связанный с художественным оформлением храма Христа Спасителя. Согласно первоначальному плану, заалтарным образом должно было стать именно «Воскресение». Эскизы образа создавали независимо друг от друга К. П. Брюллов и А. А. Иванов⁴. Оба эскиза были отвергнуты архитектором храма К. А. Тоном. В итоге вместо «Воскресения», с интерпретацией которого в это время уже обнаруживались трудности, предпочтение было отдано «Рождеству», написанному гораздо позднее В. П. Верещагиным.

Композиция Карла Брюллова вполне соответствует образу «Восстание от гроба». Сохранился его акварельный эскиз: с красной орифламмой в руке Христос воспаряет над поднятой ангелом темной гробовой доской, рядом с которой в смятении пали ниц стражники; над головой Христа — голубь в золотом сиянии. Предпочтение отдано западноевропейскому варианту.

Александр Иванов во время создания своего эскиза (1845 г.) находился в Италии. Он обращается в письмах к своим адресатам в России с просьбой найти иконописные подлинники и древние иконы Воскресения (чрезвычайно важно, что лишь такое название употребляется в переписке и художником, и его корреспондентами — в первой половине XIX века к этой иконе еще не начали применять наименование «Сошествие во ад»). После тщательного изучения темы Иванов предпринимает попытку воссоздать изначальный образ Воскресения, правда, с художественной свободой несколько изменяя его решение. Хотя в целом здесь отражены победа и триумф, пространство, которое отведено для преисподней, занимает уже почти треть всей композиции. Фигуры праведников кажутся такими же бесплотными, как и силуэты ангелов; они напоминают скорее тени, нежели обычные для православной традиции изображения святых. Здесь нет и касания рук Христа и прародителей — в этом данное произведение также стоит отдельно⁵,

Воскресение («Восстание от гроба»)
К. П. Брюллов

Воскресение («Анастасис»)
А. А. Иванов

поскольку нет ни одной древнерусской иконы, на которой Христос не держал бы Адама за запястье, что означало освобождение и вхождение под власть Державшего⁶.

Нужно подчеркнуть, что такая ситуация сосуществования двух канонов не должна казаться нам закономерной и поэтому нормальной. При внимательном подходе образ «Восстание от гроба» осознавался как чуждый православия. Это отражено, например, в вышедшей в 1867 году статье диакона В. Никольского. Он, в частности, пишет: «... из Евангелия совсем не видно, чтоб Ангел открыл гроб для восставшего из мертвых Господа. А Церковь говорит определенно, что Господь восстал от гроба, когда вход в гроб закрыт был камнем и запечатан. Так поет она, прославляя воскресение своего Искупителя: „Запечатану гробу, живот от гроба воссиял еси Христе Боже, и, дверем заключенным, учеником предстал еси — всех воскресение“ (Сед. воскр. гл. 7-го). <...> Как же это? Тело Воскресшего, как тело про-

славленное, нетленное и духовное, могло проникнуть сквозь самое твердое вещество, подобно как через него проникает иногда воздух, хотя может быть, он и менее тонок, чем воскресшее из мертвых и соделавшееся духовным тело Господа»⁷.

Однако подобные высказывания звучали редко. Так постепенно происходила подмена древнего, исконного образа совершенно другим, даже не находящим прямого подтверждения в Священном Писании. Речь идет не об историческом развитии иконографии, а, скорее, о нарушении ее развития. Причем иконографии центрального, главного Праздника православного христианства.

В контексте этой ситуации важно отметить, что для оформления храма Воскресения Христова на исходе XIX века художники применили не только ставший уже привычным к тому времени западноевропейский подход. Они как раз обратились и к древнему православному канону. Трудно с уверенностью сказать, что такой выбор мог быть связан с их личной увлеченностью древнерусским искусством. Представляется более вероятным, что он был продиктован изначальной установкой создателей храма и пожеланием Александра III воздвигнуть храм именно «в русском стиле». И это частное, на фоне общей тенденции, обращение к древнему канону повлияло на всю русскую иконографию конца XIX — начала XX веков.

Художники, привлеченные для создания убранства храма Воскресения, продолжают использовать новооткрытую ими древнюю иконографию в последующих своих работах. Идет обращение к истокам. Но при сравнении новых изображений с древней иконографией мы видим, что допускаются очень существенные нововведения.

Воскресение («Сошествие во ад»). Мозаика по оригиналу В. В. Беляева

Из пяти образов Воскресения в оформлении храма два представляют композицию западноевропейского образа «Восстание от гроба» и три созданы под влиянием древней православной иконографии. Над местом смертельного ранения Александра II помещен образ, основанный на иконографии «Анастасис», а затем по два образа — «Анастасис» и «Восстание от гроба» — размещены во внутреннем и внешнем убранстве храма, как будто дополняя друг друга.

Уже в мозаике над сенью, выполненной по оригиналу В. В. Беляева, обращает на себя внимание особое скорбное настроение — оно ощущается в глубоком поклоне Евы, в печальных ликах, в потупленных взглядах праведников. В двух других мозаиках это настроение передано с еще большим акцентом.

При внимательном взгляде на эти изображения, казалось бы, следующие иконографии «Анастасис», можно констатировать, что они идут скорее вразрез с традицией — как в композиционных деталях, так и в трактовке персонажей. И не случайно этот сюжет описывается уже как «Сошествие во ад» — тем *новым* названием, появив-

шимся в России не ранее XIX века. Византийский же образ «Анастасис» являет нам, в соответствии с надписанием, именно Воскресение Христа. Здесь сделаем необходимое пояснение.

Известно, что на иконе — особенно позднего времени — могут быть показаны несколько разных событий одновременно. Основное в таком объединении — то, что ни один сюжет не показывается через другой: например, на иконе Рождества могут быть объединены два разновременных события (поклонение пастухов и принесение даров волхвами), но в этом случае они не просто подразумеваются, а действительно изображены. Точно так же и на иконе «Анастасис» невозможно подразумевать два сюжета («Сошествие во ад» и «Воскресение») — для выражения каждого из них необходим свой образ, то есть *отдельное изображение*. Реализм иконы — в отличие от символизма иносказательных изображений эпохи гонений первых веков христианства — ограничивает нас поиском в каждом изображении лишь одного сюжета. Данное утверждение особенно важно, если учитывать, что события, отраженные образами «Сошествие во ад» и «Воскресение», разделены временной границей: действие первого происходит *до* того, как Христос воскрес. Западноевропейский образ «Сошествие во ад» (лат. «Descensus ad inferos») непосредственно связан с так называемым «Апостольским Символом веры»⁸, принятым в западной традиции и, в отличие от православного Символа веры, содержащим формулу «сошел во ад» (лат. «descendit ad inferna (inferos)'). Соответствующий этой формуле образ возник в западноевропейской культуре в период разделения церквей и несвойствен православию, однако вследствие процессов, происходивших в русской культуре в XVII—XVIII веках, он был ассоциирован с древнерусской иконой Воскресения, которую затем начинают называть «Сошествие во ад».

Нужно отметить, что в России название «Сошествие во ад», при всей его распространенности, было свойственно исключительно устному обиходу — ни одна православная икона не подписывается как «Сошествие», но только как «Воскресение» (лишь в конце XX века появляются единичные отступления от традиции). Однако изображения, созданные в новой трактовке, действительно понимались художниками уже сквозь призму нового названия — именно как «Сошествие». Нельзя не увидеть, что данное переименование в корне изменяет интерпретацию образа, начиная с обозначения топоса (места события) и подразумеваемого направления движения. Название «Сошествие» предполагает или

Сошествие во ад.
Из Псалтири св. Альбана, 1145

движение вниз, или *нахождение внизу*. И именно из-за этого в искусствоведении с конца XIX века встречается мнение, что действие православной иконы Воскресения происходит именно в аду, что не соответствует ни исконному названию, ни композиции канонической иконы.

При сравнении с канонической иконой ясно видна разница в замысле древних иконописцев и подходе художников XIX века, находившихся под влиянием нового названия и понимавших этот образ уже иначе. И разница в художественном воплощении настолько велика, что может служить дополнительным аргументом в пользу того, что название «Сошествие во ад» — новое для данного образа и совершенно чуждое ему. Рассмотрим эту тему подробнее.

Главный мозаичный образ Воскресения, размещенный в иконостасе справа от Царских врат, выполнен В. В. Беляевым по оригиналу М. В. Нестерова. В центре его — «фигура Господа, в задумчивости держащего свиток»⁹. Композиция решена с размещением фигур на разных планах. Сравним ее с традиционной иконографией. В традиционном решении ад четко локализован; он обозначен черной бездной *под* ногами Христа, и праведники находятся со Христом *вне* ада, *над* ним: Победа *уже свершилась*. Невозможно также предположить движение вниз. Противоречие трактовки, принятой Нестеровым, изначальному смыслу иконы становится очевидно из конкретного при-

Воскресение («Сошествие во ад»).
М. В. Нестеров, эскиз для мозаики
центральной части иконостаса, 1895

Воскресение («Восстание от гроба»)
М. В. Нестеров, эскиз для мозаики
тимпана северного фасада,
1895

контексте непонятен. Пространство иконы заполняют многочисленные фигуры праведников, томящихся в преисподней; они обступили Христа в скорбном молчании, их головы склонены. Слева от Христа, возможно, Давид и Соломон, однако они изображены совершенно иначе, нежели на каноническом образе. Это выражается не в манере письма или попытке реалистично воссоздать их одежды, самое главное здесь — смена торжества на скорбь: они стоят, опустив взоры, будто объятые величественной печалью. Справа от Христа виден Моисей; он изображен в профиль, в руках его священные скрижали; от его лица вверх исходят лучи, но глаза кажутся закрытыми, голова также скорбно наклонена. На заднем плане виднеются скалы и крылья херувимов. Вся картина проникнута глубокой грустью. Исходя из данной композиции невозможно сказать, будет ли дальнейшее развитие действия: фигура Христа статична. Гиматий Его уже не развеивается над Ним, а плавно опускается вниз; нисхождение завершено, и скорбные ветхозаветные праведники встречают измученного страданиями и убитого людьми Мессию.

Два других образа, выполненных Нестеровым, отражают, как видим, уже привычный к тому времени вариант «Восстание от гроба».

Наружная мозаика «Воскресение» — также в трактовке «Сошествие во ад» — в тимпане фронтона южного крыльца создана по оригиналу В. М. Васнецова. Христос здесь держит за руку не только Адама, но и Еву. По наблюдению

Воскресение («Восстание от гроба»)
М. В. Нестеров, эскиз для мозаики
южного киота, 1895

нию Анны Картсонис, исследователя этого образа, такая композиция появляется в Византии в начале XIV века под влиянием учения исихастов. В это время была создана и фреска монастыря Спасителя в Полях. По мнению А. Картсонис, здесь проявилось влияние иконографии «Преображения»: основной акцент спасения, показанный в отношении Христа и Адама, переносится на идею обожения — Адам и Ева притягиваются Спасителем *внутрь* сияния Славы, что зрительно являет возможность преобразования для человека.

Воскресение («Сошествие во ад»)
Мозаика по оригиналу В. М. Васнецова

Однако образ, созданный Васнецовым, отражает также и новое название — это действительно *Сошествие во ад*. Ева, поддерживаемая Христом, будто в отчаянии повисает на Его руке, закрывая себе лицо. Адам стоит на коленях, скорбно склонив голову и моля о помиловании. Со всех сторон поднимается лес рук. В расщелинах между камнями, на которых стоят прародители, виднеется зловещее пламя. Характерно здесь и то, что даже фон образа оказывается темным.

В. М. Васнецов применяет эту иконографию и в своей последующей работе — создавая эскиз для оформления храма св. Георгия (1896—1904 гг.)¹⁰ в Гусе (Владимирская губерния, ныне — город Гусь-Хрустальный) и грандиозное живописное полотно (1905 г.) для того же храма¹¹. Этот образ еще более впечатляет своей скорбной силой. В полной тьме Христос стоит под крестом, на возвышении скрещенных врат, под которыми виднеется готовое вырваться адское пламя. Снизу, из-под поверженных врат, показываются новые фигуры людей. Вокруг — напряженные, суровые лица и протянутые руки, которые остаются без ответного жеста. По правую руку Христа — Моисей; рядом с ним, возможно, — Соломон. К опущенной деснице Христа припал Адам, с другой стороны склонилась Ева.

Даже в восторженной рецензии протоиерея Иоанна Соловьева на выставку религиозных картин В. М. Васнецова, прошедшую в феврале—апреле 1910 года в Историческом музее в Москве, автор озадачен скорбностью взгляда, воплощенного художником на этом полотне. Описывая картину именно как «Сошествие во ад», о. Иоанн старается найти в ней радостные нотки: хотя ее действие, по его мнению, совершается в аду, «она важна как воспроизводящая собою древнее изображение воскресения Христова»¹². «По другую сторону Спасителя пала ниц перед Ним — не распростерлась как в беде сущая и молящаяся, а именно творит глубокий-преглубокий поклон до земли — поклон благодарности, праматерь Ева. <...> Вот очевидно скорбный Иеремия...»¹³ Пророки, по замечанию о. Иоанна, «истомлены ожидани-

ем»¹⁴. Действительно, это — встреча, но встреча — в аду, и в ней больше звучит печаль, нежели радость Исхода и Освобождения.

Н. А. Кошелев, работавший среди других художников над эскизами мозаик храма Воскресения Христова, в 1900 году создает образ Воскресения для Александровской церкви (в честь святого

Воскресение («Анастасис»)
Фреска монастыря Спасителя в Полях, ок. 1316—1321

Воскресение («Сошествие во ад»). В. М. Васнецов, 1905

Воскресение («Сошествие во ад»)
Н. А. Кошелев, 1900

благоверного князя Александра Невского) при Русском Императорском Палестинском обществе в Иерусалиме. В сравнении с мозаиками Санкт-Петербурга картина Кошелева в целом более оптимистична: на ней показан момент исхода из ада. Здесь нет победного жеста Христа, спасающего прародителей, но радость надежды выражается целованием десницы Спасителя — показан старец Адам, в порыве благодарности склонившийся к ней. Христос, глядя на припадающих к Нему прародителей, воздевает руку, как бы указывая направление пути, и хотя все действие опять же происходит в аду, этот жест понятен как призыв выйти оттуда.

Однако при сравнении этой трактовки с древней иконографией также видны значительные различия. На древних иконах Христос тянет Адама (или Адама и Еву) внутрь сияния Славы, то есть к Себе, и это являет нам возможность приобщения к Божественной Славе для падших когда-то прародителей. Движение в древнем образе — лишь в сторону Христа, к Нему: Воскресение уже совершилось, и люди получают возможность стать участниками этой радости.

В росписи же Кошелева Воскресение еще только подразумевается (не в аду ведь оно произошло!), и избавление — еще где-то за пределами изображенного.

Как видим, на рубеже XIX—XX веков начался поиск изобразительного канона образа Пасхи. Поиск шел и в теоретическом русле — появлялись публикации с размышлениями о том, какой должна быть эта икона. Иногда, с умозрительных позиций, высказывалось даже утверждение, что ее создание вообще невозможно, поскольку Воскресение *невообразимо*, и в качестве образа Пасхи предлагался образ «Жены-мироносицы у гроба». Нужно признать, что художники, с их чуткостью, оказались ближе к традиции — по крайней мере, они не отвергали тот факт, что иконография Воскресения существовала как в Византии, так и на Руси.

И все же им не удалось преодолеть давних противоречий в осмыслении образа и в его интерпретации. Многолетний отрыв от традиции привел к тому, что их поиск происходил уже под влиянием новых, затемняющих истолкований, и они затрудняли его. Художники пытались обратиться к изначальному образу Воскресения в православии, но его творческое воссоздание оказалось искаженным из-за распространявшегося в XIX веке иного понимания главного образа христианства — уже не как Воскресения, а как Сошествия во ад. И это проявилось в иконографии образов Пасхи, представленных в мозаичном убранстве храма Воскресения Христова.

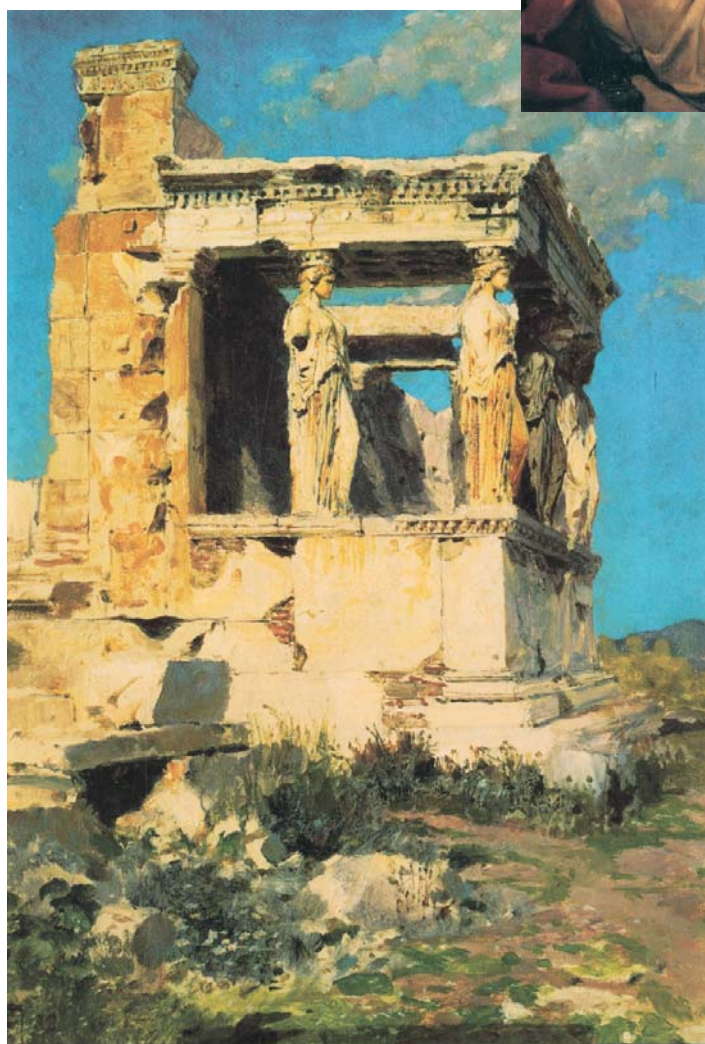
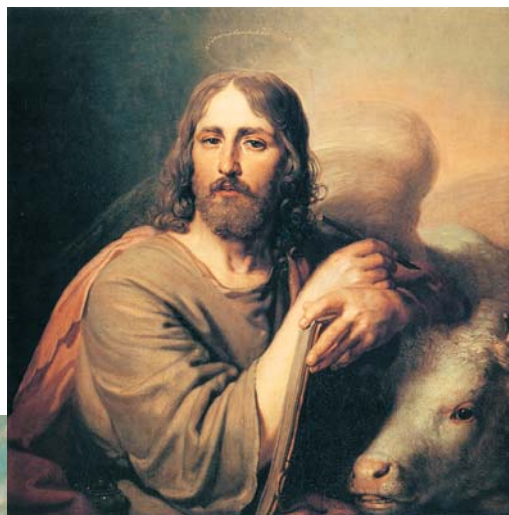
Образ Пасхи и его интерпретации художниками на рубеже XIX—XX веков позволяют говорить не просто о двух разных иконографиях одного События. «Воскресение» и «Сошествие во ад» не синонимичны, напротив, им свойственны разные динамика и направленность. И, наверное, их принципиальное различие необходимо учитывать при осмыслении этих образов с позиций не только искусствоведения, но и богословия.

Примечания:

- ¹ Подробнее об этом см.: Weigel T. Die Reliefsaeulen des Hauptaltarciboriums von San Marco in Venedig. Muenster: Rhema Verlag, 1997.
- ² См.: Иванова С. В. Иконография Пасхи // Временник Российского института истории искусств. Темат. вып. «Пасха. Многообразие культурных традиций». СПб.: РИИИ, 2009. С. 7—21.
- ³ См.: Иванова С. В. Знамя как воодушевляющий символ // Временник Российского института истории искусств. Темат. вып. «Грозное время». СПб.: РИИИ, 2011. С. 7—17.
- ⁴ См.: Климов П. Ю. Живописное убранство храма Христа Спасителя // Храм Христа Спасителя. М.: Московский рабочий, 1996. С. 91—94.
- ⁵ В классификации Марка Лорке этот эскиз выделен как отдельный новый тип. См.: Loerke M.-M.-O. Hollenfahrt Christi und Anastasis. Ein Bildmotiv im Abendland und im christlichen Osten. Dissertation. Regensburg, 2003.
- ⁶ Подробнее об этом см.: Иванова С. В. Типология жеста: «Захват запястья» // Зеленый зал. Вып. 3. СПб.: РИИИ, 2013. С. 55—72.
- ⁷ Никольский В., д-р. Икона Воскресения Христова // Душеполезное чтение. 1867, ч. I, № 4. С. 297. То же см.: О церковной живописи. Сб. ст. СПб., 1998. С. 343—366. См. также: Успенский Л. Воскресение Христова // Журнал Московской патриархии. 1956, № 5. С. 28—33.
- ⁸ В европейской науке его относят ко времени не ранее VI—VIII вв. См.: Loerke M.-M.-O. Op. cit. S. 379. См. также: Kelly J. Altchristliche Glaubensbekenntnisse. Goettingen, 1972.
- ⁹ Храм Воскресения Христова. Спас на крови. СПб.: Изд-во «Иван Федоров», 2004. С. 124.
- ¹⁰ См.: Пастон Э. Виктор Васнецов. М.: Изд-во «Белый город», 2004. С. 36.
- ¹¹ См.: Басова М. В. В. М. Васнецов и его последователи: живопись, графика, декоративно-прикладное искусство конца XIX — начала XX века из собрания ГМИР. СПб., 2013. С. 13—14, 85.
- ¹² Соловьев Иоанн, прот. Православно-христианская философия в русском искусстве (С выставки религиозных картин В. М. Васнецова). Харьков, 1910. С. 19. То же см.: Философия русского религиозного искусства XVI—XX веков. М., 1993. С. 173—188.
- ¹³ Там же. С. 17.
- ¹⁴ Там же.

Евангелист Лука.
В. Л. Боровиковский, 1804–1809

Эрехтейон.
Портик кариатид.
В. Д. Поленов, 1882

О. А. Шульчева-Джарман

Античная культура, эллинистическая культура, интеллигенция, античная медицина, история медицины, Ранняя Церковь, история Церкви, мученичество, врачи-христиане.

Медицина как система знаний и как искусство неотделима от европейской цивилизации, уходящей корнями в античность. Автор предлагает взглянуть в античные истоки медицины, обусловившие ее христианскую этику, и в традицию, на которой учились святой апостол Лука и великомученик Пантелеимон.

Античная медицина: христиане до Христа

С то десять лет назад, в конце 1903 года, начался полный трудов и лишений, но славный путь Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого — врача и архиепископа. В это время он окончил медицинский факультет Киевского университета. Символично, что через двадцать лет, в Ташкенте, он принял постриг с именем Лука — в память апостола-евангелиста. Оба они были художниками. Оба они были врачами. Валентин Феликсович с юности мечтал помогать людям. Наверное, мы не ошибемся, если предположим, что и путь святого апостола Луки, почти на две тысячи лет раньше, был определен этим же стремлением.

Странно ли, что у истоков христианства стоял врач? Странно ли, что этика именно этой профессии и сегодня продолжает оставаться камертоном особенного отношения к человеку? Попробуем ответить на эти вопросы, взглянув на античное прошлое медицины.

Беседовать наедине с Богом...

На закате эпохи эллинизма в среде интеллигенции греко-римского мира все шире распространялся скепсис в отношении традиционных языческих религиозных представлений, и они стали уступать место философским течениям — эпикурейству, стоицизму, неоплатонизму, относившимся к многочисленным формам «народной религии»* весьма критически. Поначалу эти философские воззрения распространялись лишь среди элиты общества, но постепенно и у народов *Rex Romana*, не затронутых учениями философов, также стало назревать отрицание старой религии. Прежние верования уже не приносили утешения. Так на смену им начал приходить синкретизм с его причудливой мозаикой религиозных пред-

* Лат. *religio gentum*.

ставлений и традиций — от трактатов гностиков и Гермеса Трисмегиста до мистериальных культов Кибелы, Митры, Исиды¹. Не последнее место занимал и культ обожествленных людей, «божественных мужей»: обожествлялись не только императоры — например, неопифагорейский мистик Аполлоний Тианский (I в. н.э.) был обожествлен после смерти, и император Каракалла даже «воздвиг ему часовню»².

Такое разнообразие религиозных и философских воззрений было одним из проявлений кризисов политической жизни и, особенно, кризиса системы религиозно-нравственных представлений прежде сравнительно стабильного в этом отношении греко-римского общества. Теперь все больше требовалось какое-то социально-психологическое их замещение. В этот период и начались поиски мировоззрения, которое соответствовало бы возросшим этическим запросам людей и отвечало бы, в частности, «на коренной вопрос о достижимости добра в мире зла или хотя бы за его пределами»³. В какой-то степени ответ могла дать стоическая философия, чрезвычайно к этому времени распространенная и даже популярная в массах, но и она не могла заполнить сердце, тоскующее по личному общению с Богом.

Именно в этот период расцветает стремление к так называемой «личной религии», когда человек вступает в близкие, теплые и уникальные отношения со своим личным богом-покровителем. Такие божества-покровители могли принадлежать и к языческому пантеону, и не удивительно, что первое место среди них занимали Асклепий, благой бог и врач, и Исида, благая мать, избавительница от зол. Теперь сотни и сотни людей, подобно Элию Аристиду (который стал приверженцем Асклепия) или Апулею (почитавшему Исиду), искали общения со своим божеством, искали ответа, обращенного из божественных недр в их страдавшее сердце.

Как пишет в своей знаменитой монографии, недавно переведенной на русский язык, знаток античных религиозных представлений Андре-Жан Фестюжьер, «религиозный человек — тот, кто ощущает, поверх случайных явлений, божественное Присутствие и кому необходимо постоянно чувствовать это Присутствие. Лишись он этого чувства, и все становится пустым, и мир превращается в пустыню, в которой он затерян»⁴. Таким образом, «беседовать наедине с Богом (ὁμιλῆσαι μόνῳ μόνον)»⁵ уже было страстным, неугасающим желанием людей. «Представление о Боге могло меняться, — пишет тот же автор далее, — но желание узреть Бога, коснуться Его, говорить с Ним от сердца к сердцу не менялось»⁶.

Человек томился от одиночества, и это состояние прекрасно описано стоиком Эпиктетом⁷. Протоиерей Георгий Флоровский писал о взыскующем античном мире, вошедшем под своды Церкви, о его «и великой тоске, и великой гордыне»⁸. Эта тоска была и тоской по исцелению (σωτηρία), и тоской по чудесам (θαύματα, ἰάματα). По словам протопресвитера Александра Шмемана, в эту эпоху «... за внешним блеском и благополучием нарастает глубокий духовный кризис. Переплавливаются вековые устои жизни, оказываются несостоятельными древние верования и традиции...»⁹.

Процессы, происходившие в менявшемся мировоззрении античного человека, отражались, конечно, и на представителях медицинского сообщества. И здесь необходимо взглянуть на его историю.

Врачи Рима: школы, «секты», «ереси»

Античная медицина издревле существовала в нескольких формах. Самая ранняя из них, народная медицина, стала некогда основой для медицины храмовой и светской. Храмовая медицина с ее мистериями, долженствовавшими приводить к исцелению человека божественной силой богов-целителей (в первую очередь Асклепия и его отца, Аполлона), практиковалась в храмовых лечебницах — асклепейонах. Одной из главных лечебных процедур здесь был ритуал целительного сна, во время которого пациент, как считалось, посещался божеством и получал, в прямой либо аллегорической форме, его наставление, которое надлежало исполнить ради выздоровления¹⁰. Храмовая медицина пользовалась в народе большой популярностью. Но, тем не менее, по словам известного дореволюционного историка медицины С. Г. Ковнера, в трудах античных поэтов и историков имеются «многочисленные веские доказательства несомненного существования, с незапамятных времен, светской, естественной медицины, которой ее могущественная соперница, медицина храмов, не в состоянии была ни затмить, ни уничтожить»¹¹. Таким образом, оба вида врачевания — светский и храмовый — существовали параллельно, часто конкурируя, но нередко и сотрудничая. Например, светских врачей приглашали в качестве консультантов при трудных для диагностики случаях; здесь же, на территории асклепейонов, светским врачам воздвигали памятники. Храмовая медицина расцветала в ранние периоды античности, затем она во многом уступила медицине светской.

С возникновением во II веке н.э. панэллинского движения, возглавленного императором Адрианом, поставившим своей целью оградить античный мир от надвигающейся угрозы варваризации, поднялась волна стремления к архаике, связанная с возрождением во многом забытой уже греческой религии. Многие асклепейоны переживали тогда период расцвета, вновь привлекая сотни больных. Продолжалось сотрудничество и со светскими врачевателями. Так, выдающийся врач Гален (129 — ок. 204 г. н.э.) работал в начале своей деятельности в Пергамском асклепейоне.

Обучение светскому врачеванию проводилось в частных практических школах. В Римской империи, наряду с частными, появились и государственные врачебные школы как учебные заведения. Здесь надо заметить, что и изначально греческий термин *shola* (σχολή)*, и собственно латинский *secta*** часто использовались в отношении различных течений светской медицины того времени, базой которой были как достижения великих анатомов и физиологов — александрийских врачей Герофила и Эразистрата, так и различные философские течения.

Особенности течений светской философии отразились в подходах медиков к своему искусству. «К концу I в. до н.э. большим влиянием в Римской империи пользовались врачи-догматики***, которые делали упор на изучение анатомии, а в теории опирались на философские системы Платона, Аристотеля, стоиков и Эпику-

* Изначально — «досуг», «отдых»; позднее — «занятие на досуге», во время отдыха от физического труда, «чтение», «ученая беседа» и т.д. Далее — «место ученых бесед», «философская школа».

** «Путь», «образ действия», «учение». От *sequor* — «идти вслед (за)», «следовать», «подражать».

*** От греч. *δόγμα* — «мнение», «учение», «решение».

ра. Вторая школа — „эмпирики“ — напротив, совершенно игнорировала философские аргументы, как неплодотворные в медицинской практике. Их часто называли „медицинскими скептиками“. Третья школа, объединившая врачей периода позднего эллинизма и Римской империи — „методики“, — отрицала все медицинские направления¹². Основными принципами для методиков являлись индивидуальный подход к пациенту и наблюдение за течением болезни у конкретного больного. Ярчайшими представителями этой школы были Асклепиад Вифинский и Соран Эфесский, спорить с которыми опасался даже презиравший методиков придворный врач Гален. В качестве философов медицины врачи-методики пользовались влиянием среди прочих греческих врачей империи. «Четвертая школа — „пневматики“ — считала причиной болезни нарушение равновесия пневмы — особой жизненной силы в человеческом организме»¹³. Постепенно эти медицинские направления смешивались, объединяя греческую и римскую традиции.

В греческом языке для обозначения разных научных течений употреблялось также слово *хайресис* (αἵρεσις). Сегодня производные слов *σχολή* и *αἵρεσις* разошлись весьма далеко, и это поневоле понуждает к строгим дополнительным определениям. Применительно же к медицине того времени слово *αἵρεσις* вернее было бы понимать как «сообщество людей со сходными мнениями». Следует подчеркнуть, что такие объединения были лишь результатом общего неформального влияния одного из врачей, занимавшихся преподаванием, на своих коллег и учеников¹⁴. Словом *αἵρεσις* обозначались и философские школы*.

Интересно представить себе, в каких условиях, в каком окружении работали в разные периоды античные медики.

От рабства к свободе искусства

Римские завоевания привели к ввозу рабов, разных по уровню своей цивилизованности. Вначале это были люди из соседних областей, почти такие же нецивилизованные, как и сами тогдашние римляне. Позже, при расширении завоеваний, привозимые в Рим рабы-врачи часто оказывались уже более образованными. И они становились совершенно необходимыми для своих господ, поэтому каждый римский гражданин, состояние которого позволяло ему содержать большое количество рабов, считал своим долгом обзавестись подобного рода *рабом-врачом* (*servus medicus*). Возможно, что его медицинское искусство бывало более высоким, чем у местных римских лекарей, если этот раб происходил из страны, где медицина как наука уже установилась (например, из Греции). Можно также предположить, что некоторых рабов обучали медицине для прибыли, так как цена раба-врача была значительно выше, чем обычного. Однако их статус все равно определялся рабским положением — они были полной собственностью купившего их *pater familias*, главы римской семьи.

* Вспомним кстати и мнение апостола Павла о «разномыслиях», которым следует иметь место среди верных, «дабы открылись искусные» (1 Кор 11:19). В греческом тексте здесь также употреблено слово *αἵρεσις*. Апостол как раз передает современное для него словоупотребление, именно то значение слова, которое не имело резко негативной окраски («ереси»), связанной с ним сегодня.

С течением времени к рабам-врачам добавились *врачи-рабы*, то есть врачипленники, обращенные в рабство в ходе завоеваний.

В период Римской империи (с 31 г. до н.э. до 476 г. н.э.) произошло подчинение Риму всей ойкумены — «населенной земли», в которую входили как глубоко эллинизированные области, еще ранее завоеванные Александром Македонским (с середины III в. до н.э.), так и области, подвергшиеся эллинизации незначительно, или совершенно неэллинизированные, такие как трансальпийская Галлия и Британия.

Со времени Македонских войн (кон. III — перв. пол. II в. до н.э.) в Рим прибыло множество греков — как рабов, так и свободных. Губернаторы, полководцы и богатые римляне заводили личных врачей, посещая восток империи, и те становились посредниками между завоеванными и завоевателями. При этом оказалось, что интеллектуальная элита эллинистического мира, культурными центрами которого были такие знаменитые города, как Александрия и Пергам с их библиотеками и школами, а также Афины, Смирна, Эфес, Никомедия, Антиохия, значительно превосходила римлян и общей образованностью, и успехами в областях гуманитарных, и уровнем медицинских достижений.

И хотя слово «покоренный» на языке римлян практически означало «обращенный в рабство», рабы с греческого востока — учителя, врачи, музыканты, танцоры, художники — находились в относительно привилегированном положении. Можно сказать, что греки в Риме практически монополизировали «интеллигентные» профессии. Слой «рабской интеллигенции» в последние годы Римской республики был особенно значительным, а вклад, внесенный греками-рабами в создание римской культуры, весьма ощутимым. По словам римского поэта Горация (65–8 гг. до н.э.), «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, / В Лаций* суровый внеся искусства...»¹⁵.

К середине I века до н.э. для римского гражданина иметь в своем доме грека-врача стало особым знаком обеспеченности и престижа, правилом хорошего тона. Теперь врачи нередко становились вольноотпущенниками, за определенную плату их стали отпускать на свободные заработки. Некоторые из них в качестве «свободных врачей» (*medici liberti*) пользовались уже определенной самостоятельностью, которая делала для них возможной врачебную практику. Хозяин мог пойти и дальше. Например, император Октавиан Август (63 г. до н.э. — 14 г. н.э.) возвел своего придворного врача Антония Музу, принадлежавшего к классу вольноотпущенников, в звание всадника и освободил его от уплаты налогов. Эта льгота, дарованная Антонию Музе за оказанные им услуги — излечение Августа холодными ваннами, была распространена затем на всех врачей.

Множество римских авторов времен республики и империи оставили обширные сочинения, содержащие медицинские сведения, несомненно полагая, что у них найдутся понимающие читатели. Философ и ритор Апулей** (124 — после

* Лат. *Latium* — область в Средней Италии, где обитали племена латинов, центр формирования древнеримского государства.

** Автор известных «Метаморфоз» и других произведений, в частности «Апологии», в которой отражена его речь на суде в свою защиту. Не следует путать его с другим римлянином, Луцием Аппулеем Сатурнином, жившим за два с половиной века до него.

170 г. н.э.) на суде по обвинению его в колдовстве привел целый ряд медицинских аргументов, цитируя Платона, Аристотеля и Феофраста, чтобы показать, что его обвинители, в отличие от судьи, человека образованного, — обычная деревенщина, не способная отличить медицину от магии. Луций Анней Сенека, воспитатель императора Нерона, обнаруживает в своих трудах такое знание медицины, что историки XIX века были уверены: Сенека, несомненно, был опытным практикующим врачом¹⁶. Греческий моралист Плутарх Херонейский (ок. 45 — ок. 127 г.) вывел в своих «Застольных беседах» персонажей, обсуждающих медицинские темы — от описания заболеваний до анатомии. Позднее Авл Геллий, римский любитель древностей и писатель, вспоминая споры афинской молодежи времен оратора и влиятельного государственного деятеля Герода Аттика, считал ужасным невежеством для образованного человека не знать различия между артериями и венами. Было бы ошибкой полагать, что подобных различий не понимали сенаторы, консулы и родственники императора, посещавшие публичные демонстрации или присутствовавшие на «показательных» беседах у постели больного, которые проводил Гален, а позже просившие у него копии лекций.

Таким образом, процесс эллинизации римской культуры стал необратимым в немалой степени благодаря греческим врачам. В результате и римляне, хотя и очень медленно, но изменяли свой первоначальный взгляд на врачебную профессию. Старое римское воззрение, согласно которому всякая профессия, связанная с оплатой, недостойна римского гражданина и заниматься ею могут только рабы и иностранцы, долго удерживаться не могло. А со временем начинает утверждаться представление, что некоторые профессии, в особенности требующие специальных знаний, так называемые «свободные искусства» (*artes liberales*), ничего позорного в себе не заключают. Теперь в качестве «искусств несвободных» (*artes illiberales*) им противопоставлялись ремесла. К свободным искусствам причислили и профессию врача, понимая, однако, под ним лишь искусство такого врача, деятельность которого требует известной подготовки, и противопоставляя ему всякого рода знахарей, заклинателей и просто мошенников.

В период империи в городах и отдельных провинциях стали учреждаться оплачиваемые должности *архиатров* — «верховных врачей»*. Врачи на государственной службе в провинциях назывались греко-латинским словосочетанием *archiatri provinciales*, в городах — *archiatri populares* (народные врачи). Этим врачей выбирал городской совет, состоявший из не-врачей, потенциальных пациентов, далее врачи находились под контролем городских властей и центрального правительства, которые строго следили за их выборами и назначением. После выборов, похожих на строгий экзамен, врач получал звание «*Medicus a*

Гален.
Гравюра XVIII в.

Republica probatus» — «Врач, утвержденный государством». Действовали постановления, определявшие критерии, на основе которых городские советы осуществляли свой выбор. Среди них были «высокая нравственность и навык в своем искусстве».

Понять особенности положения римского врача помогает та нечастая похвала, которой врач удостоивался в немедицинской литературе и переписке. Римский политический деятель, оратор и философ Цицерон в письме к Титу Помпонию Аттику от 17 мая 44 г. (до н.э.) горюет о смерти помогавшего ему Алексисона (врача Аттика) не только потому, что тот был хорошим врачом, но и потому, что он, Цицерон, с потерей Алексисона лишился его человеческого участия: «О несчастье с Алексисоном! Трудно поверить, какое огорчение я испытал и, клянусь, вовсе не от того, что большинство мне говорило: „Так к какому же врачу ты обратишься?“ Что мне теперь во враче? Или их такой недостаток, если нужно? Любви ко мне, доброты и любезности не хватает мне. Еще одно: чего только не следует нам страшиться, раз воздержанного человека, искуснейшего врача неожиданно погубила столь тяжкая болезнь? Но во всем этом одно утешение — мы родились с тем условием, что не должны отвергать ничего, что может случиться с человеком»¹⁷.

В свою очередь и Луций Анней Сенека говорит о том, какими качествами обладают наставник и врач: «... они переходят в друзей и обязывают нас не искусством, которое продают, но любезным и дружелюбным расположением»¹⁸. Сенека учится у своего врача, и учится не только врачебному ремеслу, но и добродетели, которую являет собою истинный врач. Бывает врач, который просто делает свое дело, всего лишь прибывает по вызову пациента, щупает пульс и дает советы о том, «что делать и чего избегать». Сенека пишет о таком враче: «... я ничего не бываю ему более должен...»¹⁹. Здесь Сенека различает человека, просто дающего совет, и человека, совершающего благодеяние. В глазах Сенеки есть два рода врачей: те, которые просто знают медицинские методы и приемы, и те, которые, будучи человечными, обладают обширными знаниями в философии и хорошо образованы. Последних Сенека желал бы включить в число своих друзей, а на первых просто не обращает никакого внимания, как не обращает внимания на паромщиков. Идеальный врач для Сенеки — также и наставник. «Прибавь сюда и то обстоятельство, — пишет он, — что сообщение этих знаний сближает между собою души людей. Как скоро это (сближение) достигнуто, то как врачу, так и наставнику за труд уплачивается вознаграждение, а за душевное расположение — остаются в долгу»²⁰.

Христианский апологет II века н.э. Иустин Философ в «Апологии I» сказал: «Мы научены, что Христос есть перворожденный Бога, и мы выше объявили, что Он есть Слово, коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы считались за безбожников: таковы между эллинами — Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров — Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие...»²¹. Среди таких «христиан до Христа», которых изображали в притворах византийских храмов, были не только античные философы, такие как Сократ и Гераклит. Там изображались и врачи. И из них первым был Гиппократ.

«В какой бы дом я ни вошел,
я войду туда для пользы больного...»

Когда говорят об античной медицине, то имя Гиппократ — первое, которое вспоминает всякий человек как в России, так и в других странах. Многие ли книги после, конечно, Священного Писания, дошедшие к нам из глубины веков, имеют такой авторитет, как «Гиппократов корпус»? Немногие! И сегодня все пациенты искренне желают, чтобы врачи обращались с ними согласно «Клятве Гиппократ», и по сей день слова «этот врач нарушил Клятву Гиппократ» означают для врача потерю репутации и уважения. Увы, даже в наш век электронных коммуникаций лишь единицы находят время и желание для того, чтобы познакомиться с этим замечательным текстом, который, кстати, даже положен на музыку²².

Об этом человеке, величайшем враче древности, мы знаем крайне мало, большинство сведений о его жизни — поздние легенды, отделенные от времени его жизни столетиями. Самая ранняя биография Гиппократ написана блестящим врачом школы методиков Сораном Эфесским уже во II веке н.э., а сам Соран родился позже смерти Гиппократ на 400 лет! Однако несомненно, что жил Гиппократ в Греции на рубеже V и IV веков до н.э., в период высочайшего расцвета его родины. Это было время Перикла и Геродота, Сократа и Платона, Софокла и Эврипида, Поликлета, Праксителя и Фидия...

Имя Гиппократ овеяно легендами, в которых он выступает как образец человека, гражданина, но прежде всего — врача. «Легендарный» Гиппократ спасает от чумы Афины (эта эпидемия описана историком Фукидидом, и сам историк Гиппократ не упоминает, но более поздние легенды не могли, конечно, пройти мимо такой возможности продемонстрировать искусство гениального врача), отказывается служить персам, спешит на помощь философу Демокриту... Весьма показательно, что даже в римский период на острове Кос*, где Гиппократ, как считается, родился, чеканили монеты с его изображением, — несмотря на то, что законное хождение имела римская монета с изображением кесаря²³.

Само имя Гиппократ (Ἱπποκράτης) означает «укротитель коней». «Лошадиные» корни в греческих именах собственных были очень распространены — возможно, это было связано с сакральной символикой моря и Посейдона, чьим священным животным был конь. А море для греков имело особое значение — этот народ-мореплаватель (вспомним Одиссея!) часто пускался в странствия по окружавшим его полуостров и острова «многосмеющимся» водам на весельных и парусных судах.

Гиппократ был рожден на острове Эгейского моря, у юго-западного побережья Малой Азии, в первый год 20-й Олимпиады. Его отец, Гераклид, происходил из асклепиадов — потомственных врачей, возводивших свой род к таинственному Асклепию. По матери, имя которой было Фенарета²⁴, он состоял в родстве с царями Фессалии и Македонии, возводившими свой род к Гераклу.

* Этот остров входит в группу островов Додеканес (Южные Спорады). В четырех километрах от его северной оконечности лежит побережье малоазийского полуострова Бодрум.

Начав обучение у своего отца и деда (Гиппократ I)²⁵, уже в юности он начал странствовать, продолжая обучаться на Книде, в других местностях Греции, путешествовал как врач-периодвт* по странам Азии, Африки и Европы, слава о его искусстве распространялась все дальше и дальше. Он преподавал медицину в Афинах²⁶, а последние годы провел в фессалийском городе Ларисса. Годом кончины Гиппократ считается 370 год до н.э. Разные источники указывают разную продолжительность его жизни — и 82, и 104 года. Неизвестный поэт посвятил ему такую эпитафию:

*Здесь погребен Гиппократ, фессалиец. Рожденный на Косе,
Феба он был самого, корня бессмертного, ветвь.
Много, болезни врача, трофеев** воздвиг Гигиее,
Много похвал заслужил — знаньем, не случаем он²⁷.*

Имя Гиппократ дважды встречается в диалогах Платона («Протагор» и «Федр») и у Аристотеля («Политика»), а также у выдающегося античного врача Диокла из Каристы (IV в. до н.э.)²⁸. О Гиппократе упоминает также ученик Аристотеля Менон²⁹.

Интересно, что из диалога «Протагор» мы можем судить о статусе врачебной профессии в греческом обществе. Здесь Сократ рассказывает о своей беседе с молодым человеком, которого тоже зовут Гиппократ, сыном Аполлодора. Вот как происходит беседа:

— Скажи мне, Гиппократ, вот ты теперь собираешься идти к Протагору, внести ему деньги в уплату за себя, а, собственно говоря, для чего он тебе нужен, кем ты хочешь стать? Скажем, задумал бы ты идти к своему тезке, Гиппократу Косскому, одному из Асклепиадов, чтобы внести ему деньги в уплату за себя, и кто-нибудь тебя спросил бы: „Скажи мне, Гиппократ, ты вот хочешь заплатить тому Гиппократу, но кто он, по-твоему, такой?“ — что бы ты отвечал?

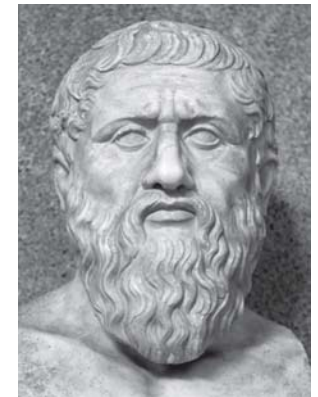
- Сказал бы, что он врач.
- А ты кем хочешь сделаться?
- Врачом.

— А если бы ты собирался отправиться к Поликлету аргосцу или Фидию афинянину, чтобы внести им за себя плату, а кто-нибудь тебя спросил, кем ты считаешь Поликлета и Фидия, раз решил заплатить им столько денег, что бы ты отвечал?

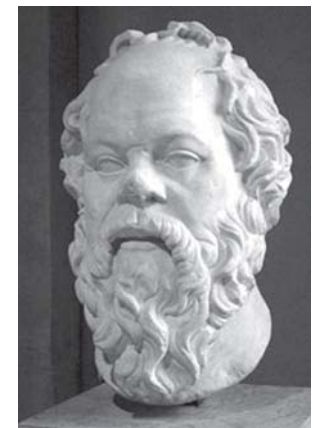
- Сказал бы, что считаю их ваятелями.
- Значит, сам ты хочешь стать кем?
- Ясно, что ваятелем³⁰.

* «Странствующий врач». От греч. περιόδευω — «странствую».

** Греч. τροπαίων — «памятник обращения врагов в бегство», обычно сооружавшийся на месте победы из доспехов поверженных врагов. Лат. заимствование — тропаеум.

Платон. Рим. копия греч. оригинала IV в. до н.э.

Сократ. Лисит, IV в. до н.э.

Итак, Платон устами Сократа ставит врача в один ряд с такими выдающимися мастерами своего дела, как скульпторы Поликлет и Фидий.

Аристотель упомянул о Гиппократе в своем труде «Политика»: «По численному количеству жителей считают государство великим, а следует обращать внимание не на количество, а на силу. Ведь существует дело, свойственное государству, так что, то государство, которое в наибольшей степени способно его выполнить, и следует считать величайшим, подобно тому, как о Гиппократе скажут, что он не как человек, а как врач более велик, чем тот, который превосходит его величиной тела»³¹.

Но что же написал сам Гиппократ? Увы, история не сохранила ни одного подлинника, где было бы непосредственно указано его авторство. Первый сборник медицинских трудов античности был составлен в III веке до н.э. во время царствования в Египте эллинистической династии Птолемеев. В главном городе страны, Александрии, при Мусейоне, собирались выдающиеся деятели науки и искусства того времени. При Мусейоне существовала и знаменитая Александрийская библиотека. Там и был найден (или, скорее, сформирован) так называемый «Гиппократов корпус» (лат. *Corpus Hippocraticum*). Произошло это около 280 года до н.э.

В «Гиппократов корпус» вошли труды «О древней медицине», «О священной болезни», «Прогностика», «О водах, воздухе и местностях», «Эпидемии», «Афоризмы». Вошла в него и знаменитая «Клятва». Всего в «Корпус» входит 72 медицинских сочинения, написанных разными авторами, жившими с V по III век до н.э., на ионийском диалекте греческого языка. Эти произведения различаются по манере письма, по глубине изложения, по философско-врачебной позиции, вплоть до полемики и прямо противоположных мнений³². И это не удивительно, если учитывать явление псевдоэпиграфии. Псевдоэпиграфия чрезвычайно характерна для античности, это — некий «плагиат наоборот». Подписывание собственных трактатов именами великих людей, учителей или учителей своих учителей говорило не о хвастовстве, а о пребывании в традиции. Автор такого трактата как бы говорил, что он продолжает мыслить и жить так же, как его предшественники, учителя. «Отец мог оставить поэму сыну, чтобы тот ее кончил, как мог оставить возделанную землю. Возможно, „Илиаду“ создал кто-то один; быть может — целая сотня людей. Но помните: тогда в этой сотне было больше единства, чем сейчас в одном человеке. Тогда город был как человек. Теперь человек — как город, объятый гражданской войною», — так писал о феномене античной псевдоэпиграфии христианский апологет и мыслитель Гилберт Кит Честертон³³.

Как отмечает историк медицины Т. С. Сорокина, «в течение 18-ти столетий текст Сборника переписывался от руки — на греческом, латинском, арабском и других языках. Только в 1525 г. (после изобретения книгопечатания) он впервые был издан в Риме на латинском языке, а через год — в Венеции на греческом и стал одним из самых издаваемых произведений в Европе. Глубокий научный анализ древнегреческих медицинских текстов начался лишь в XIX в., когда французский энциклопедист, филолог и врач Эмиль Литтре (E. Littré, 1801—1881) выполнил свое грандиозное исследование „Гиппократова сборника“ в 10 томах (1839—1861)»³⁴.

Среди сочинений «Гиппократова корпуса» есть интереснейшая переписка. Жители города Абдеры* (греческой колонии во Фракии, основанной, по преданию, Гераклом и названной в честь его друга Абдера, растерзанного кобылицами) обратились на остров Кос к Гиппократу со своей проблемой. Здесь надо сказать, что хотя жителей этого города считали простаками и провинциалами** и о них рассказывали анекдоты, в Абдерах жили замечательные философы, и одним из них был современник Гиппократа, знаменитый атомист Демокрит.

О нем-то и писали встревоженные абдеритяне на Кос, снарядив корабль, пойдя на издержки и хлопоты ради спасения своего знаменитого соотечественника. «Он исследует даже дела Аида и пишет о них, — сообщали абдеритяне, — он говорит, что воздух полон изображений; он слышит голоса птиц и много раз, поднимаясь ночью, один, он имеет вид напевающего тихо песни. В другие разы он рассказывает, что путешествует в бесконечном пространстве и что есть бесчисленные Демокриты, подобные ему. И вид его одновременно с мыслями изменился. <...> Конечно, знание для тебя гораздо лучше случайных благ, но и эти блага тебе будут даны нами в изобилии и щедро... <...> Ты связан с Асклепием искусством и родом; он — потомок брата Геркулеса, от которого происходит Абдер. <...> Итак, Гиппократ, видя народ и знаменитого мужа, впавших в бесчувственность, поспеши к нам, умоляем тебя»³⁵.

Гиппократ только что отверг предложение перейти на службу к персидскому царю, ответив, что не будет служить врагам Греции. Царь в гневе требовал у косцев его выдачи, но те отказали. Поэтому теперь Гиппократ отвечал абдеритянам: «... спасти врагов и лечить друзей за деньги? Не таково, о народ, наше отношение! Я не извлекаю дохода из болезней и не испытал радости, услышав, что Демокрит тронулся умом, — он, который, если здрав рассудком, станет моим другом, а если болен, то — излеченный мной — станет им еще больше. Я слышал, что он серьезных и строгих правил и украшение вашего города»³⁶.

Гиппократ отправился в путь и скоро прибыл в Абдеры. Встречать его корабль, по имени «Солнце», вышли все жители города, и были они в печали. Гиппократ повествует о встрече с ними в письме к другу Дамагету: «Увидев меня, они, казалось, пришли немного в себя и возымили добрые чувства. <...> Я же сказал им: „О, мужи абдеритяне, для меня нет ничего более необходимого, как видеть Демокрита“. Они же, услышав, одобрили, обрадовались и повели меня быстро через площадь, одни позади, другие впереди, иные по бокам, крича мне: „Спаси, помоги, излечи!“»³⁷.

Жители города провели Гиппократа к дому философа. Там он увидел Демокрита, сидевшего с книгой около груды вскрытых им трупов животных. «Он то усилен-

* Находился вблизи современного греческого г. Авдира, к востоку от устья реки Нестос, впадающей в Эгейское море.

** Происхождение этого мнения некоторыми древними писателями приписывается климатическим условиям (исходило оно, будто бы, от Гиппократа). Слово «абдерит» еще и в XX веке употреблялось для обозначения человека недалекого, наивного. Сходный смысл в русском языке имело слово «пошехонец». При этом Абдеры были родиной многих знаменитых ученых: философов Демокрита, Протагора, Анаксарха, возможно, Левкиппа, и историка Гекатея.

но писал что-то, склонившись, — рассказывает в письме Гиппократ, — то прекращал, останавливаясь подолгу и размышляя сам с собой; потом, немного спустя после этого, поднимался, прогуливался, исследовал внутренности животных и, положив их, возвращался и усаживался вновь»³⁸.

«Ты видишь, Гиппократ, как живет Демокрит, как он безумен, не зная, ни чего он хочет, ни что он делает»³⁹, — говорили горожане, добрые, но простые. Для Гиппократа же не составило труда понять, что философ пребывает в добром здравии и размышляет над какой-то чрезвычайно важной проблемой. Оказалось, что Демокрит пишет трактат «О сумасшествии» и поглощен вскрытиями именно для работы над этим трактатом. Он говорит Гиппократу: «... я ищу природу и пребывание желчи, ведь ты знаешь, что она является обыкновенно в случае избытка причиной сумасшествия»⁴⁰.

В последующем диалоге выясняется, что с «болезнью» Демокрита все вовсе не так просто, как думают его сограждане. В беседе врача и философа обсуждаются глубокие нравственно-психологические проблемы.

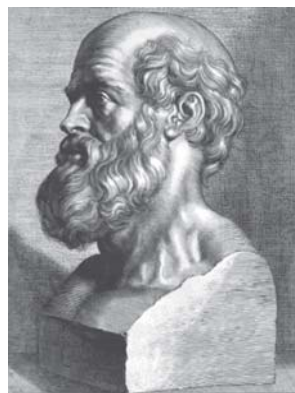
Такова легенда, вошедшая в «Гиппократов корпус». Однако легенды не слагаются на пустом месте. И в этой легенде — один из ключей к нашему пониманию Гиппократа. Но здесь мы должны возвратиться к Сократу.

О Сократе и его ключевой роли в истории философии написано немало. Этот «христианин до Христа» — один из самых светлых мужей античности*. И перелом в философии, который он совершил, заключался в том, что он обратил свой взор не на исследование мира, а на исследование человека. Спустя тысячелетие святитель Фотий, патриарх Константинопольский, сказал, «что в человеке заложена „загадка богословия“»⁴¹. И, возможно, не будь Сократа, не было бы и этих слов Фотия.

Ионийская натурфилософия видела предметом своего внимания мир, природу, и только Сократ сделал предметом философии — человека. Но ведь и Гиппократ

Демокрит.
Копия гравюры
П.-П. Рубенса

Гиппократ.
Гравюра П.-П. Рубенса,
1638

взглянул на человека — страдающего, ищущего помощи — таким же образом. Он подробно описывал истории болезни каждого отдельного пациента, от взрослого состоятельного гражданина до мальчишки-конюха, бесправного раба. Он, не довольствуясь рассуждениями, наблюдал за каждым страдающим и ожидающим его помощи.

Особенно интересны сочинения «Корпуса», посвященные врачебной этике, — в частности, трактат «О враче». Качества, требуемые от врача, по сути являются качествами христианина: «Должно также ему <...> быть благоразумным не только в том, чтобы молчать, но также и в остальной, правильно устроенной жизни. И это наиболее принесет ему помощь для приобретения славы. Пусть он также будет по своему нраву человеком прекрасным и добрым и, как таковой, значительным и человеколюбивым. <...> Он должен быть справедливым при всех обстоятельствах, ибо во многих делах нужна бывает помощь справедливости, а у врача с больными — немало отношений: ведь они поручают себя в распоряжение врачам, и врачи во всякое время имеют дело с женщинами, с девицами и с имуществом весьма большой цены, следовательно, в отношении всего этого врач должен быть воздержанным. Итак, вот этими-то доблестями души и тела он должен отличаться»⁴².

Знаменитая «Клятва» традиционно приписывается Гиппократу, но она — квинтэссенция всего мировоззрения античных врачей и отражает их позицию по таким актуальным и в нынешнем мире проблемам, как эвтаназия, аборт, медицинская тайна и многим другим: «Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. <...> В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедного и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами. Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной»⁴³.

Весьма близок к евангельской заповеди призыв к бескорыстному врачеванию. В гиппократовой медицине рекомендовалась сдержанность или даже отказ от вознаграждения, если речь шла о малообеспеченных пациентах. В «Наставлениях» читаем: «Если ты поведешь сначала дело о вознаграждении — ведь и это имеет отношение ко всему нашему делу — то, конечно, наведешь больного на мысль, что, если не будет сделано договора, ты оставишь его или будешь небрежно относиться к нему и не дашь ему в настоящий момент совета. Об установлении вознаграждения не следует заботиться, так как мы считаем, что обращать на это внимание вредно для больного, в особенности при остром заболевании: быстрота болезни, не дающая случая к промедлению, заставляет хорошего врача искать не выгоды, а скорее приобретения славы. Лучше упрекать спасенных, чем наперед обирать находящихся в опасности. <...> И я советую, чтобы ты не слишком негуманно вел себя, но чтобы обращал внимание на обилие средств (у больного) и на их умеренность, а иногда лечил бы и даром, считая благодарную память выше минутной славы. Если же случай представится оказать помощь чужестранцу или бедняку, то таким

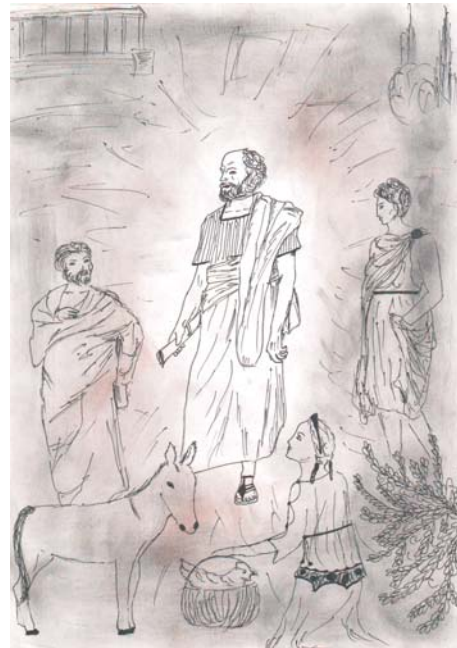
* Даже у Тертуллиана, человека, чья жизнь проходила под девизом «Что — Афины Иерусалиму? Что — Академия Церкви? Какое согласие между Христом и велиаром?», в его сочинении «К язычникам» найдутся такие слова для Сократа: «Так, Сократ был осужден потому, что приблизился к истине, ниспровергая ваших богов. Хотя на земле тогда еще не было имени христианского, однако истина всегда осуждалась. А ведь вы не будете отрицать в нем мудрости, так как об этом засвидетельствовал даже ваш Пифийский оракул. „Сократ мудрейший из людей“, — сказал он. Истина победила Аполлона, и вот он сам возвестил против себя. Ибо он сам признался, что он не Бог, признав мудрейшим того, который отрицал богов». (Тертуллиан, *Квинт Септимий Флорент*. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1994. С. 40–41).

в особенности должно ее доставить, ибо, где любовь к людям (филантропия), там и любовь к своему искусству (филотехния). <...> Хорошо руководить больными ради здоровья; заботиться о здоровых ради того, чтобы они не болели; заботиться о здоровых и ради благоприличного поведения!»⁴⁴.

Нравственные ценности, которые изложены в «Корпусе», одинаково относятся как к христианским, так и к общечеловеческим. Лексикограф Эроциан, живший при Нероне (I в. н.э.), рекомендовал изучение Гиппократов всем людям интеллигентных профессий, а не только будущим врачам, и ставил его наравне с Гомером, Демокритом, Геродотом, Фукидидом⁴⁵. Медицину в античном мире изучали не только ради ремесла, но и для общего образования. При этом несомненно влияние на античного читателя отраженных в сочинениях «Корпуса» этических и нравственных норм, ведь слова Гиппократов оценивались современниками почти как «глас божества». И эти этические положения, порой удивляющие нынешнего читателя своей абсолютностью, разделяли многие врачи античности. В Древней Греции существовала целая традиция безвозмездного врачевания: врачи Диодор с Самоса, Фидий из Афин, Никандр с Делоса, Менокрит с Карпафа, Дамиад из Гифия⁴⁶ помогали бедным жителям собственными средствами, отказывались от платы за свои услуги в период эпидемий. Они были известны последующим поколениям врачей, и их заслуги отражены в сохранившихся декретах, издававшихся полисами. Например, «во время эпидемии бесплатно лечил обращавшихся к нему граждан Полигнот, сын Дейнона, практиковавший в III в. в полисе Юлиде на Кеосе. Примечательно, что в декрете говорится о „многих издержках“ врача — возможно, Полигнот не пожалел своих средств для лечения пациентов»⁴⁷.

Необходимость соблюдения этических принципов подтверждала и сама жизнь: «Ликвидация очага заразы была бы невозможна, если бы лечение не распространялось на всех без исключения опасных больных. Таким образом, конкретные условия деятельности полисных врачей постоянно подтверждали целесообразность филантропической этики, которую со времен Гиппократов предписывал медицинкам их профессиональный кодекс»⁴⁸.

Свободная, сострадательная мысль Гиппократов ярко проявляется в подходе к эпилепсии, или «священной болезни». Люди, страдающие этой болезнью, вызывали у своих современников или благоговение (что случалось реже), или страх и отторжение, делавшие их изгоями общества; для архаического мышления это не было редкостью. Гиппократ смотрит на болезнь строгим взглядом исследователя: «... нет нужды думать, что эта болезнь превосходит божественностью прочие, но все они божественные и все человеческие. Природу же и силу каждая из них

Гиппократ и его пациенты.
Рисунок Кати Отроценко

Гиппократу приносят младенца.
Рисунок Кати Отроценко

имеет сама по себе, и ни одна из них не отвергает лечения или помощи»⁴⁹.

Для лечения таких больных нередко применялись различные магические приемы. Гиппократ решительно восстает против этого магизма, поэтому в советское время его представляли чуть ли не как первого врача-атеиста. Но он — человек глубоко верующий, и вера его — в благое, а не в злое божество, что, безусловно, говорит о верном религиозном чувстве. Бог не может осквернить человека: «... я не думаю, чтобы тело человека, в высшей степени подверженное смерти, осквернялось со стороны бога, святейшего существа. Напротив, если бы даже случилось, что оно осквернено кем-либо другим или вообще претерпело что-либо, в таком случае со стороны бога оно скорее очистится и освятится, чем осквернится. Поэтому бог очищает и омывает величайшие и преступнейшие грехи и является нам защитой...»⁵⁰. Причина же «священной болезни», по мнению Гиппократов, — изменения в мозге (вполне современное объяс-

нение, заметим мы). Гиппократ как бы *расколдовывает* болезнь, он не боится демонов, он готов протянуть страдальцу руку и вылечить его.

Становится ясно, почему Гиппократ изображался в притворах храмов и миниатюрах как христианин до Христа, а его «Клятва» писалась крестообразно на пергаменте в Византии.

Поздняя античность: кризис медицины и его преодоление

В период кризиса духовной жизни античного мира, кризиса, ставшего особенно заметным в III веке н.э., врачам не просто было найти нравственно-философское обоснование своей деятельности. Философские и этические учения не сумели создать концепцию, которая внушала бы людям надежду. Даже стоицизм провозглашал лишь, что награда добродетели — в самой добродетели. Великий неоплатоник Плотин относил медицину (как и земледелие) к искусствам, помогающим природе (Эннеада V, 9, 11)⁵¹, но стоило ли помогать человеческой природе, заболевшей телесностью вообще? Сердце и опыт говорили — «да, безусловно», но разуму согласиться с этим было сложнее. В философии того времени прочно установилось положение, провозглашенное еще Платоном в диалоге «Кратил»: «тело — темница»*. При этом свойственное неоплатоникам гнушение телесностью не давало возможности врачам

* Греч.: σῶμα — σῆμα.

поздней античности для философского обоснования собственной профессии, и если человек желал быть именно врачом-философом, он не мог найти оправдания исцелению телесности: действительно, *могилу и темницу не надо врачевать*. У стойков люди, желавшие излечивать болезни, тоже не находили необходимой поддержки. По мысли А. Ф. Лосева, «поздние стойки первых двух веков нашей эры удивляют чувством чрезвычайной *слабости* человеческой личности, ее полного *ничтожества*, ее безвыходности, ее неимоверной покорности судьбе»⁵².

Имел место, таким образом, своего рода кризис профессии врача. Вместо высокого знания (*эпистеме*), укорененного в философии, подтверждаемой всем образом жизни, оставалось лишь «искусство врачебное» (*техне йатрике*), низводимое к мастерству горшечника, цель которого — заработок. Однако опуститься до язвительно описанных Аристофаном в комедии «Облака» «... ученых, / И врачей, и гадателей, франтов в кудрях, с перстеньками на крашенных пальцах, / Голосистых искусников в скучных хорах, описателей высей надзвездных, / ... бездельников праздных...»⁵³ желали далеко не все. Идеал врача-философа, озвученный Галеном, то есть врача, сильного во всех трех областях философии — логике, физике и этике⁵⁴, оставался идеалом многих юношей, начинавших, подобно Пантолеону из Вифинии*, изучать медицину.

Что касалось храмовых жрецов-врачевателей, то их низкая нравственность давно вызывала насмешки: «... вернувшись, стал он говорить, что он / И Эскулапу излечил полом ноги, / И Аполлону — руку. Так что кажется, / Ваятеля позвал я, а не лекаря»⁵⁵. Разоблачения злоупотреблений вокруг ритуала целительного сна в асклепейонах еще у Аристофана («Плутос») также имели под собой вполне реальную основу: дары даже такому нетребовательному и лечащему бедняков божеству, как Асклепий, считались обязательными, и храмы имели огромные богатства⁵⁶.

В отличие от распространенных философских систем христианское мировоззрение больше сосредоточивалось на проблемах социально-нравственных. И быт первых христианских общин также был более здоровым и чистым по сравнению с языческим миром, благотворительность в них ставилась выше культовых действий, утверждалась мораль взаимопомощи. Это немало способствовало обращению врачей к христианству и для разрешения мировоззренческого кризиса, который если и не был сводим до конца к исключительно профессиональному, все же был тесно с ним связан. Не следует забывать, что во все времена, на всех языках слово *врач* означало не столько профессию, сколько целожизненное служение.

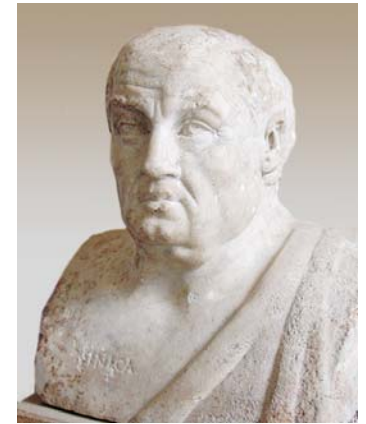
Врачи спешили войти в «парадоксальное сообщество с оптимистическим мировоззрением»⁵⁷, привлеченные тем, что образованные христиане называли «нашей философией» или «истинной философией» — именно жизнью со Христом и во Христе, до мученичества — мученического свидетельства своей веры. Образцом для них становился Сам Христос — не только Первый Мученик и Свидетель верности Отцу, но и великий Врач, как назвал Его уже писатель поколения мужей апостольских Игнатий Богоносец в своем Послании к Ефесянам**.

* После крещения — Пантелеимон. Целитель, мученик († 305 г. н.э.).

** «... есть только один врач, телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог во плоти, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом не подверженный страданию, Господь наш Иисус Христос» (Послание святого Игнатия к Ефесянам. Гл. VII // Писания мужей апостольских. СПб., 2007. С. 389).

...он истратил более старания, чем необходимо для врача, боялся за меня, а не за славу своего искусства, не довольствовался одним указанием лекарств, но и подавал их, разделял волнение окружающих, поспешал во время критических моментов, никакая услуга не была ему в тягость или позор, он не безучастно выслушивал мои жалобы; среди массы приглашающих я для него был предметом усерднейших попечений. Он настолько бывал свободен для других, насколько это позволяло мое здоровье; ему я обязан не как врачу, а как другу.

Луций Анней Сенека. О благоденствиях. Кн. VI, гл. 16.

Луций Анней Сенека.
Древнеримская скульптура

Асклепий
и Гигея.
Древнегреческий
барельеф

Раскопки близ Овчей купели в Иерусалиме.

Во II—IV вв. н.э. здесь существовал храм, посвященный Асклепию,

с лечебным комплексом.

Современное фото

Хирург

извлекает щипцами
наконечник стрелы.

Фрагмент фрески. Помпеи

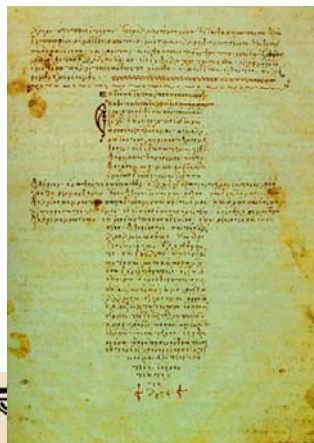

Гален и Гиппократ. Средневековая фреска

Святой апостол Лука

Клятва
Гиппократа
на
пергаменте

Титульный лист одного из первых печатных изданий Гиппократова корпуса

Святой исповедник архиепископ Лука

Врачи-христиане последовали Христу как идеалу врача. Не случайно епископ Евсевий Памфил в торжественном слове, сказанном епископу Тирскому Павлину по поводу создания церквей, практически цитирует в отношении Христа фразу о врачах из Гиппократа: «Он один, как Единородный, всеблагой Сын всеблагого Отца, подражая Отеческому человеколюбию, с совершенной готовностью принял нашу природу, находившуюся в бездне погибели. И, как искуснейший врач, который ради спасения больных смотрит на страшное, касается отвратительного и за чужие страдания сам подвергается скорби, Он вылечил нас, не только больных, замученных страшными язвами и гнойными ранами, но уже поглощенных смертью, и исхитил из ее челюстей»*.

Нельзя также забывать, что слово *Сотер* (Σωτήρ) звучало для греческого уха и как «Целитель», и как «Спаситель».

У каждого врача в эллинистическом мире имелся своего рода титул — *ιατρος* (ιατρός), который ставился после имени. Эта традиция сохранилась и при передаче имен святых врачей в мучениках и святцах: *Диомид врач*, *Пантелеимон врач*, *Орест врач* и т.д. Потому можно проследить количество этих замечательных святых и сделать вывод: врачи-христиане стали самой большой, после воинов, группой в мучениках Ранней Церкви.

Основной приток интеллигенции в Христианскую Церковь происходил перед гонениями Диоклетиана, в конце III века, и далее — в IV веке, уже в Церковь, получившую от императора Константина новый статус. Однако не случайно приход в Церковь интеллигенции традиционно связывают с именем Луки — врача и спутника апостола Павла. В то время, когда Церковь только зарождалась, именно для врача было естественно сердцем угадать ее истинность и будущность. Служение врача в соединении с христианской Истиной получает близкое ему духовное наполнение, и это почти через две тысячи лет явил нам пример жизни и трудов Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого — архиепископа Луки. Пример же святителя Луки вновь подчеркнул органичность для христианина творческой работы в области естественных наук, подтвердив профессиональный и духовный опыт многих его предшественников.

Взгляд на наследие античности в Ранней Церкви был неоднозначным, однако приходу в нее интеллигенции, в том числе и врачей, уже способствовала традиция, представленная Иустином Философом и Климентом Александрийским. Христианские писатели первых веков говорили о том, что роль античных мудрецов в воспитании внебиблейских народов сопоставима с ролью пророков Древнего Израиля.

* *Евсевий Памфил*. Церковная история. X, 4, 11 // *Евсевий Памфил*. Церковная история. СПб.: Амфора, 2005. С. 400. Ср.: «Есть некоторые из искусств, которые для обладающих ими тяжелы, а для пользующихся ими — благодетельны, и для обыкновенных людей — благо, приносящее помощь, а для занимающихся ими — печаль. Из числа этих искусств есть и то, которое эллины называют медициной. *Ведь врач видит ужасное, касается того, что отвратительно, и из несчастий других пожинает для себя скорби; больные же благодаря искусству освобождаются от величайших зол, болезней, страданий, от скорби, от смерти, ибо против всего этого медицина является целительницей*». (О ветрах, 1 // *Гиппократ*. Избранные книги. М., 1994. С. 263).

Эту мысль высказывал уже апостол Павел, и она была развита Великими Каппадокийцами. Среди античных философов, традиционно изображаемых в притворах храмов, был и Гиппократ — отец античной научной медицины.

Отношение к врачам в античном мире бывало различным, как и их социальное положение, но все, от сенатора до простолюдина, жаждали видеть во враче не корыстного ремесленника, а сострадательного друга. Таков всегда был идеал и врачей-философов, лучших представителей своей профессии. А в более позднее время преодоление и кризиса мирозерцания, и вызванного им кризиса профессии стало возможно именно благодаря приходу врачей в Христианскую Церковь.

Целитель Пантелеимон.
Византийская роспись, XII в.

Примечания:

- ¹ См., напр.: *Дворкин А. Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2005. С. 27–33.
- ² *Постернак А., свящ.* История Древней Греции и Древнего Рима. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. С. 189.
- ³ История Древнего мира. Изд. 3-е. [Кн. 3.] Упадок древних обществ. М.: Наука, 1989. С. 369.
- ⁴ *Фестюжьер А.-Ж.* Личная религия греков. СПб., 2000. С. 6.
- ⁵ Там же. С. 218.
- ⁶ Там же. С. 219.
- ⁷ См., напр.: *Эпиктет.* Беседы. Кн. III, гл. 13. Что такое одиночество и кто такой одинокий // Беседы Эпиктета. М.: Ладомир, 1997. С. 175–177.
- ⁸ *Флоровский Г., прот.* Восточные Отцы IV века. М., 1992. С. 7.
- ⁹ *Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия. М.: Паломник, 2007. С. 41.
- ¹⁰ См., напр.: *Зелинский Ф. Ф.* Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 120.
- ¹¹ *Ковнер С. Г.* История медицины. Ч. I. Вып. 1. Медицина Востока. Медицина в Древней Греции до Гиппократа. Киев, 1878. С. 146.
- ¹² Культура Древнего Рима. В 2 т. Т. I. М.: Наука, 1985. С. 270.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Scarborough J.* Roman Medicine. N. Y., 1976. P. 191.
- ¹⁵ Послания. Кн. 2, 1. «К Августу» // *Квинт Гораций Флакк.* Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 369.
- ¹⁶ *Nutton V.* Ancient Medicine. London — New York: Routledge, 2004. P. 252.
- ¹⁷ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. В 3 т. Т. III: годы 46–43. М.—Л., 1951. С. 262.
- ¹⁸ *Луций Анней Сенека.* О благодеяниях. Семь книг к Эбуцию Либерарию. Кн. VI, гл. 16 // Римские стоики. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 137.
- ¹⁹ Там же.

- ²⁰ Там же. С. 138.
- ²¹ *Св. Иустин, философ и мученик.* Творения / Репринт. изд. М., 1995. С. 76–77.
- ²² *Nutton V.* Ancient Medicine. Routledge, 2002. P. 53.
- ²³ *Nutton V.* P. 55.
- ²⁴ По Сорану, имя матери Гиппократа было Пракситея.
- ²⁵ Родословная Гиппократа по Иоанну Цецу (византийский филолог, прозаик и поэт XII в.). См.: *Adams Francis.* The Genuine Works of Hippocrates. New York: William Wood and Company, 1891.
- ²⁶ *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1. Античность. СПб., 1994. С. 85.
- ²⁷ Пер. Ю. Ф. Шульца. См.: Медицина в поэзии греков и римлян. М., 1987. С. 24.
- ²⁸ *Van der Eijk, Philip J.* Diocles of Carystus: a collection of the fragments with translation and commentary. Leiden: Brill, 2000.
- ²⁹ *Ferngren G. B.* Hippocrates. Encyclopedia of Religion, 2nd ed. Vol. 6. Jones L. ed. in chief. Macmillan Reference USA, Thomson Gale, 2005. P. 4021.
- ³⁰ *Платон.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. С. 197–198.
- ³¹ Цит. по: *Карпов В. П.* Гиппократ и Гиппократов сборник // *Гиппократ.* Избранные книги. М., 1994. С. 21.
- ³² См.: *Сорокина Т. С.* История медицины. М.: Академия, 2008. С. 134–135.
- ³³ *Честертон, Г. К.* Книга Иова // Неожиданный Честертон. Рассказы. Эссе. Сказки. М., 2002. С. 166.
- ³⁴ *Сорокина Т. С.* История медицины. С. 134.
- ³⁵ *Гиппократ.* Сочинения. Т. 3. М.—Л., 1941. С. 314.
- ³⁶ Там же. С. 317.
- ³⁷ Там же. С. 323.
- ³⁸ Там же. С. 324.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 325.
- ⁴¹ Цит. по: *Киприан (Керн), архим.* Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996. С. 355.
- ⁴² *Гиппократ.* Избранные книги. М., 1994. С. 96–97.
- ⁴³ Там же. С. 88.
- ⁴⁴ Там же. С. 120–121.
- ⁴⁵ См.: *Трохачев С. Ю.* Потомок Асклепия / Гиппократ. Этика и общая медицина. СПб.: Азбука, 2001. С. 17.
- ⁴⁶ См.: *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 142–153.
- ⁴⁷ Там же. С. 143.
- ⁴⁸ Там же. С. 150.
- ⁴⁹ *Гиппократ.* Избранные книги. М., 1994. С. 512.
- ⁵⁰ Там же. С. 499.
- ⁵¹ См.: *Татаркевич В.* Античная эстетика. М., 1977. С. 297.
- ⁵² *Лосев А. Ф.* Эллинистически-римская эстетика. М., 2002. С. 291.
- ⁵³ *Аристофан.* Облака. Пер. А. Пиотровского // Античная драма. М., 1970. С. 366.
- ⁵⁴ *Jackson R.* Doctors and Diseases in the Roman Empire. Norman: University of Oklahoma Press, 1988. P. 59.
- ⁵⁵ *Тит Макций Плавт.* Два Менехма. Пер. С. Радлова // Плавт. Комедии. Т. I. М.: Искусство, 1987. С. 622.
- ⁵⁶ *Avalos H.* Health Care and the Rise of Christianity. Peabody, Mass.: Hendrickson Publishers, 1999. P. 92.
- ⁵⁷ Выражение Мирчи Элиаде. См.: *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М., 2008. С. 464.

Великий князь
Константин Николаевич.
1850-е

Великая княгиня
Александра Иосифовна.
Конец 1850-х

Великий князь
Константин Константинович.
А. М. Леонтовский, 1906

Вид Иерусалима. М. Н. Воробьев

Т. И. Ганф

Сегодня нам трудно представить себе, какое духовное значение имела в прошлом для наших соотечественников Святая Земля. Сто лет назад посещать ее они уже могли практически в любое время. И при этом простые паломники зачастую не знали, благодаря чьим трудам они могут спокойно путешествовать к святым местам...

К устройению Русской Палестины

Святая Земля и великокняжеская
семья Константиновичей

*Я есмь лоза, а вы ветви:
кто пребывает во Мне, и Я в нем,
тот приносит много плода.
(Ин 15:5)*

Четыре сына Императора Николая Павловича дали основание четырем могучим ветвям на родословном древе Романовых. И второй сын Государя, Константин Николаевич¹ стал не только олицетворением реформ эпохи Александра II, но и отцом, дедом четырех новомучеников, разделивших с Государем Николаем II и его семьей всю меру унижения, поругания, страданий и мученической смерти от богоборцев. Труды этой семьи на благо Отечества включали и служение трех поколений Константиновичей делу православного паломничества, в том числе и в Святуу Землю.

«Есть ли в мире другая земля, где бы сочеталось столько дорогих для человеческого сердца воспоминаний?» — писал в 1909 году И. А. Бунин². Одно из таких дорогих русскому сердцу воспоминаний — крест на месте упокоения игумении Тамары за алтарем храма Элеонской обители в Иерусалиме.

В миру игумения Тамара — княжна императорской крови Татьяна Константиновна (1890—1979)³, сестра князей императорской крови Иоанна, Игоря и Константина⁴, дочь великого князя Константина Константиновича⁵, внучка великого князя Константина Николаевича.

Сестры Элеонской обители сохраняют интерьер ее кельи, семейные фотографии матушки Тамары, портреты. Сегодня они — дорогие и памятные каждому русскому православному сердцу реликвии. Ведь о любом представителе этой семьи можно

сказать как об активном деятеле, устроителе Русской Палестины. Именно сюда представительницу рода Романовых, после разрушительной Второй мировой войны, привел Божий Промысел. И здесь, в труднейших материальных условиях, она смогла сохранить и приумножить обитель — частицу Русской Палестины, продолжить жизнь Богоданной Лозы, насажденной на земле Спасителя.

Первыми Августейшими паломниками в Святую Землю были дед и бабушка игумении Тамары — великий князь Константин Николаевич и великая княгиня Александра Иосифовна⁶, основатели и учредители Императорского Православного Палестинского общества.

Старший брат игумении Тамары князь Иоанн Константинович, — принявший в марте 1918 года сан иподиакона, в ночь на 18 июля 1918 года сброшенный в алапаевскую шахту, — был наречен во имя Пророка и Крестителя Господня Иоанна. Рядом с могилой игумении Тамары — часовня, где сохраняется древняя мозаика на полу, свидетельствующая об обретении на месте сем главы Пророка Иоанна. Элеонская обитель, цветущая и благоухающая, граничит с той самой безводной пустыней, где подвизался Иоанн. И лишь Богу известно, какие воспоминания оживали в сердце матушки Тамары при лобызании святого углубления в земле, мозаичное оформление которого повторяет очертания обретенной здесь святой главы Пророка*.

Отец игумении Тамары, Константин Константинович, посвятивший немало стихов образам Святой Земли, много трудился над созданием драмы о последних днях Спасителя — «Царь Иудейский». Занятием нескольких десятилетий его жизни стало изучение описаний Иерусалима, исторических свидетельств об апостольских временах. Им лично был пройден, с молитвой и покаянием, Страстной Путь, изучены все известные археологические, археографические материалы, исторические исследования и богословские откровения.

Дед игумении Тамары, великий князь Константин Николаевич, генерал-адмирал и руководитель морского ведомства, способствовал также основанию, упрочению, государственному признанию паломничества русских по святым местам, в том числе и в Палестине.

В письме к брату, Государю Императору Александру Николаевичу, Константин Николаевич, находясь в 1859 году в Средиземном море с русской эскадрой, писал 25 февраля (9 марта)** из порта Палермо: «... с помощью Божьей удалось положить прочное начало тому святому делу, которому Ты дал свое благословение в начале прошлого года»⁷. Направление этой работы можно проследить по дневникам епископа Порфирия (Успенского)⁸, издание этих материалов в 1894—1902 годах осуществлялось Академией наук, возглавляемой сыном Константина Николаевича, великим князем Константином Константиновичем.

* Это место было обнаружено при расчистке мозаичного пола, принадлежавшего, по всей видимости, находившемуся здесь древнему храму. Пол весь выложен ковровой мозаикой и имеет глубокую лунку, также искусно выложенную мелкой мозаикой. Совокупность имевшихся сведений позволила предположить, что именно здесь и произошло первое обретение главы Пророка Иоанна.

** В XIX в. разница между Юлианским и Григорианским календарями составляла 12 дней.

В 1857 году Константин Николаевич, следуя собственному правилу узнавать по интересующему его вопросу мнения возможно большего числа людей, обратился с письмом к архимандриту Порфирию: «Высокопреподобный архимандрит, в начале нынешнего года послан был мною в Иерусалим статский советник Мансуров⁹ для собрания разных сведений, которые могли бы быть полезны Русскому обществу пароходства и торговли при устройстве правильного и сколь возможно частого перевоза поклонников из России к святым местам Палестины»¹⁰. И далее: «Г[осподин] Мансуров, исполнив это поручение, представил мне прилагаемую записку, которую я прошу Вас потрудиться прочесть, и сообщить мне с полной откровенностью ваши мысли по всем заключающимся в ней предметам, также указание тех мер, которые правительство наше должно бы принять ныне, дабы сколь возможно облегчить православным русским исполнение благочестивого подвига и дабы возбудить в большом числе народа желание поклониться святыням Господним»¹¹. Ахримандрит Порфирий в своем отзыве указал некоторые затруднения, которых в своих путешествиях по Востоку не заметил Б. П. Мансуров.

В отличие от Синода и государственных мужей, великий князь Константин Николаевич умел быть решительным и твердым, оставаясь, прежде всего, человеком глубоко верующим. «Ты знаешь, любезнейший Саша, что у меня давно было задушевное желание поклониться Гробу Господню, — писал он, испрашивая разрешения на паломничество в Святую Землю, в уже цитированном письме брату от 25 февраля. — Я Тебе самому писал об этом из Венеции зимою 1852-го года. Три раза являлась эта надежда, в 1845, когда я был в Архипелаге, в 1846 в Палермо и в 1852 в Венеции, и три раза мне в том отказывали. Но тогда нашей политикой управлял Нессельроде, который боялся как чумы всего того, что касалось Востока. ... Суматохи мое пребывание в Иерусалиме никакой произвести не может, потому что в это время, после Пасхи, он бывает почти пуст, поклонники уже все разъехались. Православной же церкви посещение впервые русского Великого князя, брата Белого Царя, придаст непременно новой силы и нового веса, как то было после нашего посещения Афона в 1845 году ... Для меня же и для моей милой жинки это было бы величайшим утешением, благословением нашего семейного счастья и драгоценным воспоминанием на всю жизнь»¹².

Путешествие по морю, спуск с корабля в шлюпки, в бурную погоду небезопасный, подчас через пушечные порты, переезды на осликах и лошадях в жару и на ветру, — все это великая княгиня Александра Иосифовна выдержала с терпением и самоотверженностью. И награда была немалая. Первый храм в Русской миссии, освященный после их паломничества, был освящен во имя мученицы царицы Александры. А рубка фрегата «Громобой», который за ветхостью был со временем списан, стала

Русская эскадра в пути. 1863 год.
А. П. Боголюбов

украшением парка в Стрельне, напоминая великой княгине счастливые годы паломничества и труды, понесенные ею ради Господа.

Уважение к царственному иноверцу, к тому же изучающему арабский и персидский языки, открыло ему еще одну святыню — гору Мориа, занятую мечетью Омара. До того иноверцам под страхом смерти запрещено было заступать за ее ограду. Константин Николаевич оставил на стене кельи, отведенной ему и сыну Николаю в обители Саввы Освященного, свою подпись на арабском языке. Много сил положил великий князь на строительство зданий для паломников, на разрешение дипломатических и законодательных трудностей путешественников из России, устройство для них службы сестер милосердия, создание для перевозки паломников особого русского флота. Он не мог и помыслить, что именно на Элеонской горе будет выстроен дом в память его трудов и в память его внучки, великой княгини Александры Георгиевны (умершей после родов в 1891 г.). Небольшой двухэтажный дом для паломников, где они могли получить не только кров, но и небольшую ежедневную денежную помощь, освященный 15 сентября 1892 года, сохраняет памятную доску об участии великокняжеской семьи в его строительстве.

Русская эскадра под флагом генерал-адмирала Константина Николаевича в составе линейного корабля «Ретвизан», фрегатов «Палкан» и «Громобой» с царственными паломниками на борту прибыла в Яффу* 28 апреля (10 мая). Их высочества высадились на берег, и предшествуемая патриаршим наместником митрополитом Петрским Мелетием и сонмом многонационального духовенства толпа арабов-богомольцев, собравшихся со всей окрестности, провела путешественников в греческий храм, где был отслужен благодарственный молебен. Затем прибывшие караваном отправились в Иерусалим.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» сообщала об этом: «Впереди ехали наместник Патриарха и турецкая свита, присланная Сурейей-пашой** для сопровождения Великого Князя; потом Его Высочество на белой лошади, Великая Княгиня в богатых носилках, Его Высочество Николай Константинович и вся свита, в самых разнообразных костюмах; шествие заключалось матросами с эскадры. Когда весь поезд растянулся по гладкой прекрасной дороге, ведущей в Рамлу¹³, вид был поразительный. Со времени Крестовых походов Палестина не видала такого огромного христианского каравана. Впервые русский Великий Князь вел православных паломников ко Гробу Господню. В городе Рамле, в греческом монастыре был завтрак и отдых, вечером же снова пустились в путь. Дорога изменилась, караван начал вдаваться в горы, и по затруднительности проезда в носилках Великая Княгиня часто шла пешком»¹⁴.

* Яффа (др.-евр. *Яфе*, т. е. «прекрасная») — один из древнейших городов Передней Азии, расположенный на побережье Средиземного моря, ныне пригород Тель-Авива. Предание относит его возникновение ко временам Ноя и связывает с именем его сына Иафета. В Новом Завете упоминается как *Иоптия* (Деян 19:36,43). Начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандритом Антонином (Капустинным) был приобретен и обустроен русский участок — место погребения праведной Тавифы, воскресшей по молитвам апостола Петра, ныне — подворье Русской духовной миссии.

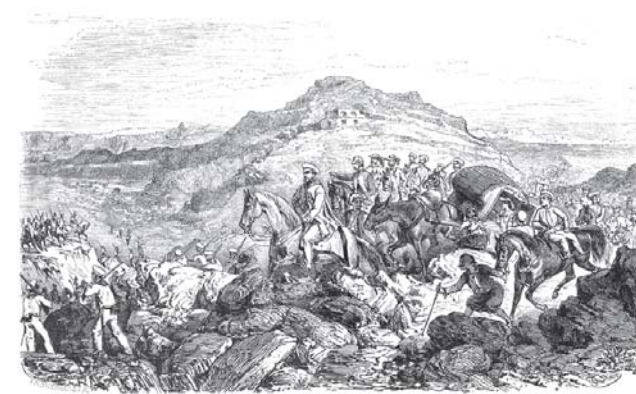
** Сурейя-паша, губернатор Иерусалима в 1857–1864 гг. (Прим. ред.)

Вид Яффы с моря. М. Н. Воробьев

Дорожные тяготы и ночлеги в палатках переносились великой княгиней и девятилетним сыном Николаем стойко. Константин Николаевич в письме отмечал: «... все путешествие совершилось чрезвычайно благополучно, жары не были столь сильны, как по времени года можно было ожидать, и трудную дорогу по Иудейским горам жинка моя вынесла очень хорошо и терпеливо»¹⁵.

30 апреля у врат храма Святого Гроба престарелый Патриарх Иерусалимский Кирилл приветствовал странников, напомнив им, что они являются первыми паломниками Дома Романовых и вторыми, после византийского императора Ираклия, царственными лицами православного исповедания, посетившими этот храм. Теплое приветствие старца вызвало у расстроганных супругов слезы.

Великокняжеский караван в горах Иуден.
Изд. К. Тишендорфа, 1862

«Описать, что чувствуешь, что происходит в душе, когда мы прильнули губами к Святому Гробу и к Голгофе, когда мы осматривали места, озаменованные земною жизнью Иисуса Христа, как то: Вифлеем, Гефсиманский сад, Элеонскую гору и так далее, нет никакой возможности, — писал вели-

Вел. кн. Константин Николаевич
с сыном, вел. кн. Николаем
Константиновичем

кий князь. — Я не знаю, как у других, а у меня вся душа обращалась в молитву, а между тем я слов для выражения молитвы не находил»¹⁶.

До того дня русские священники подчинялись неукоснительному требованию совместного служения с греческим духовенством. Посещение великим князем Гроба Господня нарушило эту практику: впервые литургия была совершена только русским духовенством, с русским пением, значительно отличающимся от греческого. Великий князь писал брату: «Самое глубокое впечатление на меня произвела Русская Обедня на Голгофе. ...я не плакал, а просто таял слезами. Было в то же время и страшно, и сладко, и утешительно. Мысли о тебе, мой милейший Саша, об нашей дорогой Мама́, об вас всех... об всей России, все это сменялось и смешивалось в душе бессознательно и обращалось без слов, без определенных мыслей в одну несказанную молитву. Обедню эту я во всю жизнь мою не забуду!»¹⁷.

Занятый официальными приемами, осмотром купленных земельных участков и проектами построек, великий князь предоставил жене в сопровождении небольшой свиты предаваться молитвенному и покаянному созерцанию христианских святынь. Счастливое разрешение великой княгини от бремени (в августе 1858 года) сыном Константином, оставленным дома на попечении семьи Государя, подвигло супругов пожертвовать в благодарение и память об этом радостном событии три тысячи рублей для создания придела во имя равноапостольного Императора Константина при греческом храме на горе Фавор, для чего иеромонаху Иринарху были переданы средства. (К сожалению, придел так и не был устроен.) А в вертеп Рождества Христова, по просьбе вифлеемского игумена, были пожертвованы лампы.

В дневнике великий князь описал особенно значимые для него дни 7 и 8 мая: «День явления Креста Константину. „Сим знамением победиши“. Большая Патриаршая Обедня в храме Воскресения с панихидою»¹⁸; «Ночью в 1/2 1-го маленькая русская обедня на самом Гробе Господнем. ... Утром Патриарх сам принес и подарил мне превосходную модель Кувуклии и камни от Гроба Господня и от Голгофы...»¹⁹.

9 мая великий князь записал: «Утром в 8 часов поехали на Элеонскую гору полюбоваться чудным видом Иерусалима. Поклонились Вознесению Господню, сошли с горы пешком и имели Русскую архиерейскую обедню в вертепе Гефсиманского Гроба Богоматери. ... В 3 часа ходили прощаться с Патриархом, потом в Храм. Там напутственный молебен русский и, наконец, прощание с Гробом Господним и Голгофой. Ужасно плакали, оторваться не могли»²⁰.

Забываясь о русском строительстве на Святой Земле, Константин Николаевич не думал об увековечивании этих трудов. И он не мог даже помыслить, что именно на Элеонской горе будет выстроен дом, который сохранит его молитвенную

Гора Масличная (Элеонская). Изд. А. Мюнстера, 1855

память. Что недалеко от места, с которого он обозревал Иерусалим и панораму пустыни, на самой макушке Элеона архимандритом Антонином будет воздвигнута Русская Свеча — удивительная колокольня, которая выдержит землетрясения и войны. И там, где «станут ноги Его в тот день на горе Элеонской*, которая перед лицом Иерусалима»**, для последнего Суда, создастся и укрепитя трудами Антонина и его помощников русский женский монастырь, в котором, почти сто лет спустя после паломничества Константина Николаевича и Александры Иосифовны, станет игуменией их внучка, княжна Татьяна Константиновна...

Привезенные из Палестины святыни не только бережно хранились в храмах двorcов — Павловского, Стрельны и Мраморного, но и были доступны для поклонения верующим. Перламутровый в серебре крест от Гроба Господня был святыней придворного Спасо-Преображенского храма в Стрельне. Некоторые евогии, оформленные в виде икон и ковчежцев, сохранились до нашего времени, но находятся в запасниках музеев и потому малодоступны, как, например, украшенный неовизантийским орнаментом серебряный с позолотой крест-мошевик работы Федора Верховцева, освященный 14 февраля 1860 года и хранящийся ныне в запасниках Эрмитажа.

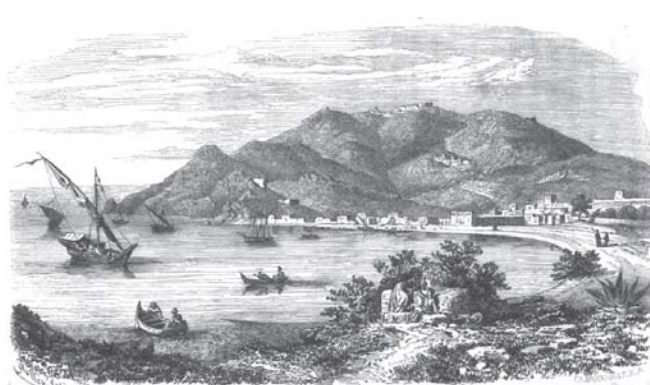
Но вернемся к рассказу об Августейшем паломничестве.

Возвращаться в Россию великому князю было Высочайше повелено через Константинополь и Одессу. Выйдя из Яффы 11 (23) мая 1859 года, эскадра на-

* Написание «Элеонская», традиционно принятое в Св. Писании, является более ранним. (Прим. ред.)

** Зах 14:14.

правились к Бейруту и Константинополю. Драгоценным для русских паломников стало посещение острова Патмос, в гавань которого великий князь ввел фрегат сам. В воспоминание трудов и молитв святого апостола Иоанна Богослова на месте, где было ему чудесное видение, изложенное в «Апокалипсисе», стоит скромная церковь, в ней великий князь и великая княгиня молились вместе с греческим духовенством из местного монастыря.

Патмос. Изд. К. Тишендорфа, 1862

День именин великого князя 21 мая (2 июня) был отмечен службой в древнем храме, построенном Константином Мономахом на острове Хиос*. Недалеко от этого места произошло легендарное Чесменское сражение. А с 25 мая по 2 (14) июня в Константинополе состоялись встречи великого князя с турецким султаном, приближенными царедворцами, русским дипломатическим корпусом, Патриархами Константинопольским, Антиохийским, Иерусалимским. «... Константинополь нас задерживает, — писал великий князь брату 29 мая. — Здесь сделаны такие огромные приготовления, прием, нам оказанный, до такой степени выходит из ряда того, что когда-либо здесь происходило, что оставаться менее недели не было никакой возможности, оно значило бы на неимоверное гостеприимство отвечать грубостью. Достоверно, что султан для нашего приема израсходовал более *двух миллионов* рублей серебром. ... Мне султан дал алмазные знаки своего ордена, жене — великолепный бриллиантовый браслет с изумрудом. ... Все это вещи до сих пор никогда не виданные, которые выходят совершенно из общепринятого порядка и из обычаев. И делается это *лично* султаном, *вопреки* желанию его министров, чтобы публично доказать, как высоко он ценит дружбу Русского Государя и как рад показать это, принимая его брата»²¹.

В целом следует признать, что, действуя осторожно, дипломатично, а иногда и резко, великий князь сумел создать когорту единомышленников, зачастую привлекая и противников (милостью, наградами, иногда — просто приказами). Постепенно удалось наладить сложное и затратное дело покупки земли, строительства домов, больниц, школ, перевозки и обслуживания множества русских паломников, которые, без знания языка и местных обычаев, прежде подвергались обману, унижениям, даже открытому грабежу при переездах на иностранных судах.

Паломничество Константина Николаевича в Святую Землю сыграло огромную роль в упрочении позиций России и Русской Церкви в сложной междуна-

Городские стены Константинополя. 1855

Софийская мечеть. 1855

ной обстановке середины XIX века. По возвращении в Петербург он был назначен Председателем учрежденного весной 1859 года Палестинского комитета, преобразованного позже в Палестинскую комиссию при Азиатском департаменте МИД.

Время летит быстро, и через 22 года уже его сын, великий князь Константин Константинович, с двоюродными братьями, сыновьями Государя Александра II великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами сподобился поклониться святым местам, что было приурочено ко дню равноапостольного Императора Константина и его матери Императрицы Елены 21 мая в 1881 году.

Как и отец, великий князь Константин Константинович пробыл в Святой Земле десять дней (с 21 по 31 мая), но распорядок пребывания был более свобод-

Вид Константинополя. 1849. И. К. Айвазовский

* Здесь останавливался св. ап. Павел во время своего путешествия из Филипп в Иерусалим (Деян 20:15).

ным. Братья смогли больше времени уделить молитве, в особенности у Гроба Господня. Проведя половину отпущенного им времени в этом храме, они получили благословение — кресты с частицами Животворящего Древа Господня из рук Патриарха Иерусалимского Иерофея.

Архимандрит Антонин (Капустин)²², возглавлявший тогда Русскую духовную миссию в Иерусалиме, сопровождал гостей в поездках по святым местам. 27 мая он записал в дневнике: «... в самый момент отъезда его отсрочили еще на час, посвященный моей беседе с Их Высочествами наедине в их комнате, обращенной на обсуждение разных пунктов евангельской истории. Чистые, благие и святые души Царевичей пленили меня»²³.

Кресты, с вложением мощей великомученика Георгия Победоносца, были вручены высоким паломникам архимандритом Антонином накануне их отъезда из Иерусалима, 30 мая в домово́й церкви Духовной миссии. Эти дни не были забыты великим князем и поэтом Константином Константиновичем, и уже в сентябре 1881 года, в гостях у сестры, королевы Эллинов Ольги Константиновны²⁴, родились строки, говорящие об исцелении через покаяние:

*Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется, —
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется*.*

Почти через десятилетие Петр Ильич Чайковский в письме к великому князю обратил внимание на эту особенность его творчества. «Так как Вы имеете счастье обладать живым, теплым религиозным чувством (это отразилось во многих стихотворениях Ваших), — писал композитор 15 октября 1889 года, — то не выбрать ли Вам *евангельскую* тему для Вашего ближайшего крупного произведения? А что если бы, например, всю жизнь *Иисуса Христа* рассказать стихами? Нельзя себе представить более колоссального, но, вместе с тем, и более благодарного сюжета для эпопеи! Если же Вас пугает *грандиозность задачи*, то можно удовольствоваться одним из эпизодов жизни *Иисуса Христа*, напр[имер], хотя бы Страстями Господними. Мне кажется, что если с евангельской простотой и почти буквально придерживаясь текста, напр[имер], евангелиста *Матфея*, изложить эту трогательнейшую из всех историй стихами, — то впечатление будет подавляющее!»²⁵

Предложение композитора и воплотилось в исторической драме «Царь Иудейский». Константин Константинович, работая над этим замыслом почти 20 лет, завершил его в 1913 году. Музыка к постановке написал А. К. Глазунов. Автор исполнил роль Иосифа Аримафейского, князя Иоанн, Игорь и Константин, его сыновья,

Архимандрит Антонин
(Капустин).
Н. А. Кошелев

Из драмы «Царь Иудейский».
Действие IV.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Иоанна, три мироносицы
(в голосе звучит восторг)

Он жив!

(Общее движение. Местность озаряется
первым лучом взошедшего солнца.
Небо все розовое)

Иосиф
Великий Боже!

Центурион, Руф, Вартимей
Ах!

Никодим

Ты бредишь!

Возможно ли?

Иосиф

Предчувствие мое!

Иоанна
Восстал Он!

Центурион
Не во сне ли я?

Никодим

Откуда

Ты с этой вестью?

Руф, Вартимей
Кто тебе поведал?

Иоанна

От матери Его иду я к вам.
Вчера, как солнце за горы зашло,
От милого Ей гроба воротилась
К Себе Мария, в Иоаннов дом,
И в горнице Своей, в ночи безгласной,
Одна о Сыне плакала Она.
Внезапно дивным светом озарилась
Вся горница; и видит пред Собой
Мария Сына Своего...

Действие IV, явление 12. Эрмитажный театр, 26 января 1914 г.
В центре — Иосиф Аримафейский (вел. кн. Константин Константинович),
Иоанна (М. А. Ведринская)

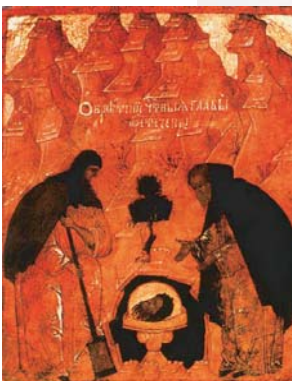
Дом Русской духовной миссии на Элеонской горе. Сооружен и освящен в 1892 г.

Место упокоения игумении Тамары

Игумения Тамара

Образ «Обретение главы Иоанна Предтечи»

Место обретения главы Иоанна Предтечи

Спасо-Вознесенский собор Элеонской обители

Княжна Татьяна Константиновна

Семья вел. князя Константина Константиновича

также приняли участие в спектакле. Постановка драмы на сцене Эрмитажного театра в январе 1914 года стала не только культурным, но и духовным, религиозным явлением эпохи.

Константин Константинович, как и его родители, с 21 мая 1882 года и до конца своей жизни был Почетным членом Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), Почетным членом Русского археологического общества в Константинополе (1895) и сподвижником своего друга великого князя Сергея Александровича, а позже — его вдовы Елизаветы Федоровны²⁶. Старший сын Константина Константиновича, князь Иоанн Константинович, с отрочества состоявший членом ИППО, 8 (21) сентября 1913 года совместно с великой княгиней Елизаветой Федоровной принял участие в закладке в Санкт-Петербурге храма во имя св. блгв. вел. кн. Александра Невского (храма Николо-Барградского). Этот храм постановлением Синода 29 ноября 1911 года был принят в ведение Палестинского общества.

При участии членов великокняжеской семьи Константиновичей было выстроено более сотни зданий, имевших просветительское и благотворительное назначение, собраны средства для работы десятков школ, больниц, общин сестер милосердия, организован многотысячный паломнический поток в Святую Землю. По всей России Вербное воскресенье стало традиционным днем сбора пожертвований в фонд Палестинского общества, одного из самых массовых обществ в предреволюционной России. Общество развивало свою деятельность. Но в 1914 году началась Первая мировая война...

Перед самой войной князь Олег Константинович, выехав в Бари, принимал участие в ускорении строительства странноприимного дома и храма для русских паломников. Во время войны турецкие власти выслали из Палестины русских священнослужителей, старших монахинь, настоятельниц.

А после 1917 года русские обители практически утратили связь с Россией, остались без средств к существованию, без государственной и правовой защиты. И вот в 1951 году в Иерусалим приехала дочь великого князя Константина Кон-

стантиновича, сестра алапаевских мучеников Татьяна Константиновна, к тому времени уже инокиня Тамара. Она возглавила общину.

Три поколения одной семьи вложили свои таланты, силы, душу в служение Богу, в прославление места Его земной жизни. Старшие отстаивали на международном и государственном уровне устройство практической жизни Русской Палестины. Следующее поколение служило Богу молитвенным и творческим горением, словом, отражавшим Свет Слова Божественного. Внуки служили добровольным несением Креста, сознательным приятием Чаши, пройдя свой Крестный путь. На Элеонской горе, в Спасо-Вознесенском женском монастыре покоится матушка Тамара и возносятся молитвы за ее братьев, алапаевских мучеников князей Иоанна, Игоря, Константина, прославленных Русской Православной Церковью за рубежом.

Покров Пресвятой Богородицы.
Мозаичный образ церкви
Покрова Пресвятой Богородицы,
построенной вел. князем
Константином Николаевичем
в Ореанде (близ Ялты)

Примечания:

¹ Константин Николаевич, великий князь (09.09.1827—13.01.1892). Принимал горячее участие в Палестинском деле (организация перевозок паломников, устройство странноприимных домов, оказание помощи больным паломникам, устройство русской библиотеки в Иерусалиме, организация планомерной работы русских ученых в Иерусалиме и на Ближнем Востоке). Его начинания не встречали поддержки ни в Министерстве иностранных дел (К. В. Нессельроде, А. М. Горчаков), ни в Св. Синоде. Только содействие его брата, Государя Александра II, помогло осуществить грандиозные меры по созданию Русской Палестины.

² Бунин. И. А. Тень птицы // Бунин И. А. Собр. соч. в 4 т. М., 1988. Т. 2. С. 68.

³ Дочь вел. кн. Константина Константиновича. С 24.08.1911 в замужестве за князем К. А. Багратион-Мухранским (убит в бою 19.05.1915). В 1946 г. Татьяна Константиновна приняла постриг в Женеве от мтрп. Анастасия (Грибановского). С 1951 г. — настоятельница Элеонского Спасо-Вознесенского женского монастыря.

⁴ Князя императорской крови, сыновья вел. кн. Константина Константиновича и вел. кн. Елизаветы Маврикиевны Иоанн (1886—1918), Константин (1890—1918), Игорь (1894—1918), боевые офицеры, участники Первой мировой войны, сброшены живыми в шахту в Алапаевске на следующую ночь после убийства царской семьи в июле 1918 г. В январе 1919 г. в Петропавловской крепости был расстрелян вел. кн. Дмитрий Константинович, третий сын их деда, вел. кн. Константина Николаевича. В 1981 г. он был канонизирован РПЦЗ в сонме Новомучеников российских.

⁵ Константин Константинович, великий князь (1858—1915). Президент Академии наук, командир л-гв. Преображенского полка, командир роты л-гв. Измайловского полка. Поэт, переводчик, музыкант, композитор, реформатор системы военного образования и воспитания, благотворитель. Помощник Председателя Императорского Православного Палестинского общества.

⁶ Александра Иосифовна (1830—1911), великая княгиня, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская, жена вел. кн. Константина Николаевича с 30.08.1848. Дети: Николай, Ольга, Вера, Константин, Дмитрий, Вячеслав. Активная благотворительница, попечительница, деятель Российского общества Красного креста и Женского Патриотического об-ва, Русского музыкального об-ва, духовная дочь о. Иоанна Кронштадтского.

⁷ Переписка Императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. 1857—1861. Дневник великого князя Константина Николаевича. 1858—1861. М., 1994. С. 96.

⁸ Архимандрит Порфирий (Успенский, 1804—1885), епископ Чигиринский, викарий Киевский. Инициатор и организатор первой Русской духовной миссии в Иерусалиме. За время путешествия по Палестине и Сирии собрал и вывез в Россию богатую коллекцию древнейших рукописей. С его именем связывают открытие Синайского кодекса (IV в.) в библиотеке монастыря св. Екатерины на Синае.

⁹ Мансуров Борис Павлович (1826—1910). Чиновник особых поручений Морского мин-ва. Выполнял поручения вел. кн. Константина Николаевича по устройству богоугодных заведений в Палестине. Впоследствии — управляющий делами Палестинского комитета, член Госсовета, сенатор.

¹⁰ Материалы для биографии епископа Порфирия (Успенского). В 2 т. СПб., 1910. Т. I. С. 429.

¹¹ Там же. С. 429—430.

¹² Переписка Императора Александра II... С. 97.

¹³ Рамла (от араб. *рамель* — «песок») — город, основанный в 716 (717) г. Существует традиция, согласно которой на этом месте находилась евангельская Аримафея, родина Иосифа Аримафейского. Однако по этому вопросу среди исследователей нет единого мнения. (Прим. ред.)

¹⁴ «Санкт-Петербургские ведомости», 1859, 9 июня, № 123. С. 542.

¹⁵ Переписка Императора Александра II... С. 112.

¹⁶ Там же. С. 110—111.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 167.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 113.

²² Архимандрит Антонин (Капустин, 1817—1894) — выдающийся деятель русского православия в Иерусалиме и на Востоке. Начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме назначен в 1865 г.

²³ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. Год 1881. М.: Индрик, 2011. С. 100.

²⁴ Ольга Константиновна (1851—1926), великая княжна, старшая дочь вел. кн. Константина Николаевича и Александры Иосифовны. Супруга Короля Греции Георга I, застреленного в мае 1913 г. Ольга была регентом Греции в ноябре—декабре 1920 г.

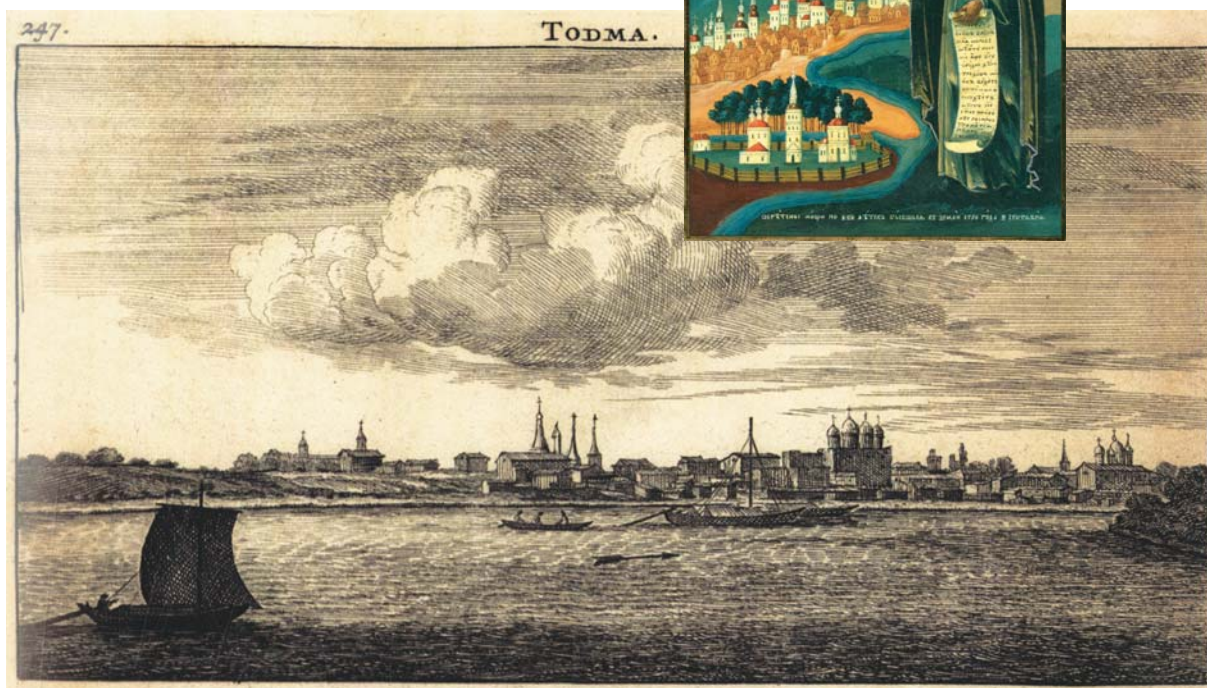
²⁵ К. Р. Избранная переписка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 70.

²⁶ Великий князь Сергей Александрович (1857—1905), основатель и первый Председатель ИППО. После его трагической гибели от рук террористов ИППО возглавила вдова — вел. кн. Елизавета Федоровна (1864—1918). Елизавета Федоровна была сброшена в шахту в Алапаевске вместе с князьями Константиновичами. Канонизирована РПЦЗ в 1981 г.

Тотьма зимой. Н. П. Сажин, 2005

Вид Тотьмы из книги «Путешествие через
Московию» Корнелия Де Бруина, 1711

В. А. Притчина

Русская провинция... За этими словами для многих — свое особенное бытие, образы семьи и родного дома. Действительно, наши села и малые города — душа страны. Они — те кусочки смальты, из которых, как мозаичная икона, складывается образ всей России. И в их жизни, как в озерах и реках, у которых они стоят, отражается вся ее жизнь.

«В стране холодного Борея...»

Тотьма: три века в жизни города

В Вологодской области, на реке-красавице Сухоне, при пересечении ею шестидесятой параллели, стоит небольшой городок Тотьма. Датой его основания можно считать 1137 год, что связано с упоминанием в новгородской грамоте князя Святослава Олеговича погоста под названием *Тошма*. Под 1539 годом город Тотьма упоминается Н. М. Карамзиным.

Интересная и самобытная история Тотьмы во многом связана с освоением русскими первопроходцами — мореходами и путешественниками — не только Сибири, но даже Аляски и Калифорнии. Уникальна и архитектура Тотьмы: кроме небольших жилых домов, многие из которых теперь — памятники деревянного зодчества, здесь сохранились также каменные храмы постройки XVIII—XIX веков. На стенах наиболее древних храмов можно увидеть удивительные каменные узоры — *картуши*, что является отличительной чертой тотемской архитектуры, стиля «тотемское барокко». Масштабное храмовое строительство в малом северном городке — следствие процветания Тотьмы как торгового города в веке XVII, когда по реке Сухоне осуществлялось активное сообщение с портом Архангельск, и в веке XVIII, когда тотемские промышленники организовывали экспедиции в Новый Свет. А солеварение здесь было развито уже в XV веке.

История Тотьмы, численность населения которой сегодня не превышает и десяти тысяч человек, включает страницы, связанные с представителями династии Романовых. В архиве Тотемского музейного объединения хранятся старинные списки с грамот первых государей романовского древа — Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Одна из ранних — Указная грамота Михаила Федоровича, датированная 1619 годом, выданная «на Вагу путному ключнику Марку Лычеву об освобождении от мирских податей и невезде дворцовых крестьян в вотчину Леванидовой пустыни, приписанной к Николо-Угрешскому монастырю»¹.

Царь Михаил Федорович.
Из Титуляришка 1672 г.

Другая грамота датирована уже 1628 годом. Она выдана «Тотемскому воеводе Воину Ивановичу Чемезову о размежевании земель волостей Сондужской, Семенжевской и Тарасовой горы по писцовым книгам Фоки Дурова»². Согласно еще одной грамоте царя Михаила Федоровича, посадские и уездные тотемские рыболовы получили разрешение владеть рыбными ловлями от Векшеньги до Коченьги³.

В год венчания на царство сына Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, 1646-й, «... Тотмяне — посадские и уездные люди поднесли [ему] <...> кубок серебрян золочен, весом 4 гривенки 2 золотника, по 7 руб. фунт; отласу и 40 соболей на 67 руб. 50 коп.»⁴. В грамотах Государя этого времени много сведений о праве сбора пошлин в монастырскую казну, о разборе споров

по соляным угодьям и по другим подобным темам.

Следующая страница в истории Тотьмы связана с Петром Великим, не раз посещавшим наши края. Трижды совершенное им (в 1693, 1694 и 1702 годах) путешествие до Белого моря по северным рекам, включая Сухону, нашло отражение в книге «Петр Великий в Вологде и на Севере России»⁵. В Тотьме царь посетил Спасо-Суморин монастырь, где возложил на раку преподобного Феодосия

Петр I. Гравюра И. Голя, ок. 1689 г.

Тотемского так называемый *тельник* — «янтарный камень с изображением распятия, обделанный в серебряную оправу с цепочкой»⁶.

Петра I всегда интересовала хозяйственная жизнь любого города, поэтому не случайным было его желание осмотреть тотемские соляные варницы. Здесь он подошел к рассолоподъемному колодезю и собственноручно поднял бадью с рассолом. Это — быль. Легенды же, расска-

Солеварение в старину.
В. И. Рухлов

зываемые тотмичами с тех давних времен, говорят об этом случае больше. Будто бы царь потребовал платы за свою работу. Ему тут же насыпали горсть серебряных монет, но он не принял их и попросил заплатить столько, сколько получали обычные рабочие солеварен. Во время одного из приездов вся царская свита разместилась обедать посреди реки Сухоны на огромном камне-валуне, который когда-то был принесен и оставлен ледником. Камень этот называется «Лось»⁷. Действительно, форма его напоминает голову плывущего по реке лося. Вот с того далекого времени местные жители иногда называют Лось-камень «государевым столом».

Лось-камень. Современное фото

Бытует легенда, что название города также связано с Петром Великим. Иногда гости Тотьмы могут услышать от местного обывателя такой рассказ: дескать, не понравился город Петру, вот он и сказал о нем: «То — тьма». Однако эта легенда исторически не подтверждена, да и город тогда так уже назывался. Вероятнее всего, название города Тотьма, так же как и многих других населенных мест на севере России, имеет финно-угорское происхождение. И означает оно «сырая земля».

За рекой Сухоней на городском кладбище, почти напротив старой части Тотьмы, сохранился холм от разрушенной Владимирской церкви, где до утверждения Екатериной II монастырских штатов располагался Богородицкий женский монастырь. В нем недолгое время пребывала опальная царица Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина, перед ее насильственным пострижением в Суздальский монастырь⁸. А еще раньше, в конце марта 1697 года, сюда, в Тотьму, в качестве воеводы отправился в «почетную ссылку» ее отец — Федор Аврамович Лопухин*. Возможно, это и объясняет появление царицы Евдокии в нашем северном городке.

В общей сложности царица провела в монастырях и крепостном заточении (в Шлиссельбургской крепости) почти тридцать лет. А после восшествия в мае 1727 года на престол ее внука Петра II освобожденная Государыня подарила в Троицкую Дедовскую пустынь (что находится на острове Дедов) икону с такой надписью: «Лета от Р[ождества] Хр[истова] 1729, месяца марта в третий день приложила сий святыи образ Покров Пресвятыя Богородицы в Дедовскую пустыню, в церковь преп[одобного] отца Сергия Радонежского чуд[отворца], бла-

Царица Евдокия Федоровна.
Портрет втор. пол. XIX в.
по оригиналу XVIII в.
Неизвестный художник

* Тогда же на воеводства в дальние города были отправлены и другие представители семейства Лопухиных. Причиной было подозрение со стороны Петра I в их причастности к раскрытому заговору Ивана Циклера, Алексея Соковнина и Федора Пушкина.

Тотьма в XVIII веке. *Литография*

говерная государыня царица Евдокия Феодоровна»⁹. Венцы и оклад иконы были серебряными с позолотой. Впоследствии подарок хранился в Троицкой деревянной церкви¹⁰.

Тотьмичи принимали участие в работе центрального государственного управления. Когда в конце 1766 года был обнародован Манифест Екатерины II о созыве в Москву депутатов для составления проекта нового Уложения и издан знаменитый «Наказ», в качестве депутата в Уложенную комиссию от Тотьмы отправился представитель купечества Петр Мясников*.

А с 1780 года Тотьма становится уездным городом и Екатерина II утверждает его герб, существующий и поныне. В верхнем поле щита помещен символ Вологды – выходящая из облака рука, держащая золотую державу с серебряным мечом. Нижнее поле украшает черная лисица с американских Лисьих островов, карту которых, кстати, составил тотемский посадский Петр Шишкин. Наличие в тотемском гербе американского зверя подтверждает то, что «... жители того города в ловле тех зверей упражняются»¹¹.

В тотемской истории отмечено правление и других представителей дома Романовых.

В 1799 году, через три года после обретения мощей преподобного Феодосия на территории Спасо-

Екатерина II. С оригинала П. Ротари 1762 г.

Павел I. С оригинала Ж. Л. Вуаля 1789 г.

Александр I.
С. С. Щукин, 1804

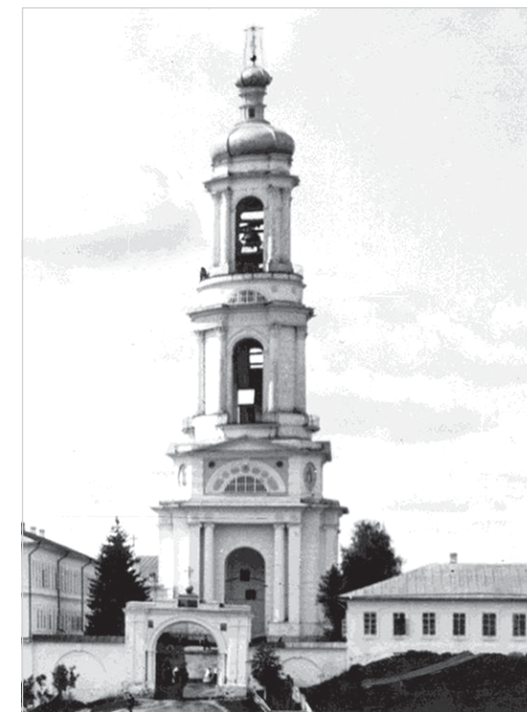
Суморина монастыря, им основанного, тотмичи получили письмо императора Павла I и «полную ризницу для соборного служения»¹² в вышеназванный монастырь. А в 1801–1803 годах последовали другие императорские подарки, уже от Александра I. Это были богослужебные сосуды – потир, дискос, а также «образ Александра Невского, украшенный золотой ризой с бриллиантами»¹³. Часть этих подарков хранится ныне в запасниках местного музея.

Важным для Тотьмы событием стало открытие 2 апреля 1805 года Уездного училища. Погода в тот день стояла прекрасная. Торжества начались колокольным звоном во всех церквях, крестным ходом и молебном. После богослужения в Предтеченской церкви учитель Закона Божия, протоиерей Савинов, произнес проповедь о начале и распространении в России народного просвещения, о его пользе и о том, что просвещение без религии не есть просвещение истинное. Во время благодарственного молебна было провозглашено многолетие Александру I. Специально к этому дню законоучителем был написан следующий торжественный «кант»:

*На Троне Александр явился,
Полночный край преобразился.
Внемли Европа и дивись:
Всесильным Александра словом
Россия блещет в виде новом, —
Царь рек: да будет свет, и бысть.*

*Великий Петр сквозь огонь и воды
Российские ведя народы,
Геройства славою покрыл.
Законов мудрые начала
Екатерина начертала:
Но Александр их просветил.*

*Животворящий скиптр имея,
В стране холодного Борея
Велел расти наук плодам.
В градах и селах создал храмы,
И благовоний фимиамы
Минерве в честь курятся там.
Премудрый внук Екатерины,
Как Бог питал людей в пустыне,
Питает манной нас с небес.
Взыграйте, юноши! взыграйте,
И ум, и сердце насыщайте
Учения трапезой здесь»¹⁴.*

Колокольня Спасо-Суморина монастыря.
Фото нач. XX в.*

Александр II.
Фото кон. 1870-х

Имя императора Александра II также запечатлено на страницах тотемской истории. Получив по телеграфу в апреле 1879 года тревожное известие о злодейском нападении на Государя, тотьмичи через вологодского губернатора шлют в Петербург адрес, в котором, возблагодарив Господа Бога за избавление царя-освободителя от злодейского покушения, приносят ему свое поздравление¹⁵.

19 февраля 1880 года, в день двадцатипятилетия правления императора Александра II, открытую для призрения престарелых и увечных граждан города Тотьмы богадельню назвали «Александровскою», а женскую прогимназию — «в честь Августейшаго имени Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы „Мариинскою“»¹⁶. Во время праздника тотемские дома в большинстве украшались флагами. Были отслужены литургия, молебен в соборе. Далее празднование продол-

жилось в здании Общественного собрания, где был установлен портрет Государя, украшенный флагами, гирляндой, большим венком из цветов работы начальницы женской прогимназии¹⁷. Воспитанники и ученики учебных заведений исполнили гимн «Славься, славься, наш Русский Царь», а далее — «Боже, Царя храни» и «Спаси, Господи». Государю императору был отправлен адрес с такими словами: «... мы, жители отдаленного северного города Тотьмы, празднуя сегодняшний, столь знаменательный для нашего отечества день, взываем к Тебе, Государь! Да продлится на многие лета благотворное Царствование Твое, и да продолжатся милости Твои к Твоим верноподданным!»¹⁸.

Вместе со всей страной скорбели тотьмичи в марте 1881 года о «мученической кончине от рук злодеев Государя Императора Александра II»¹⁹. Панихида прошла в городском Богоявленском соборе, а члены Городской думы составили

Здание Общественного собрания.
Фото нач. XX в.*

Здание Петровской ремесленной школы.
Фото нач. XX в.*

телеграмму новому императору Александру Александровичу: «Страшная весть о преждевременной кончине Незабвенного Отца нашего глубоко поразила нас, жителей г. Тотьмы. Переживая тяжелую пору, постигшую русский народ, — мы не находим границ измерить ту глубину презрения, которого достойны богоотступники — злодеи, дерзнувшие посягнуть на жизнь помазанника Божия»²⁰.

Спустя два года, в 1883 году, в память царя-освободителя и реформатора Александра II в Тотьме было создано «Общество по улучшению народного труда» для расширения сети учебных заведений. Открытую в городе несколькими годами позже ремесленную школу тотьмичи именовали в честь первого реформатора России — Петра I. Кстати сказать, решение об этом было принято еще в 1872 году, когда в Тотьме, как и по всей России, отмечали 200-летие со дня рождения Петра I. Петровская ремесленная школа прославилась далеко за пределами Вологодской губернии. На выставке в Бельгии в 1905 году работы ее учащихся были удостоены Гран-при.

Все это — отражение истории в книгах и официальных документах. А ведь историческую летопись вели и простые жители Тотьмы.

Краткие записи о событиях из жизни страны и императорской династии в начале XX века можно прочесть в дневнике тотемского крестьянина А. А. Замараева. Кроме сведений о погодных условиях и хозяйственных делах в нем встречаются записи о событиях российского и даже мирового масштаба. Например, ноябрьская запись 1908 года: «25 и 26. <...> Нынче в октябре умерли китайский император и императрица и русский князь Алексей Александрович в Париже. В Турции открылся парламент»²¹.

В мае 1912 года крестьянин фиксирует в дневнике ежегодную дату коронации императора Николая II: «14. Духов день. <...> Днем ходил в город на берег.

В музее Петровской ремесленной школы. Фото нач. XX в.*

В корзиночной мастерской школы. Фото нач. XX в.*

* Подбор исторических фотографий из архива Тотемского музейного объединения выполнен Е. Т. Филипповой.

Николай II после отречения.
Фото 1917 г.

*Везде флаги. Коронование»*²². Так крестьянином была отмечена шестнадцатая, с 1896 года, годовщина коронавания последнего русского самодержца.

Отречение Николая II от престола также нашло отражение на страницах дневника в мартовских записях 1917 года:

«4-го. Сегодня получены телеграммы. Государь император отрекся от престола в пользу брата [великого] кн[язя] Михаила Александровича, но Михаил Александрович не управляет государством. Правительство теперь состоит Учредительное, временное, из состава Государственной Думы. <...> Все приверженцы старого строя арестованы: министры, обе государыни, митрополит Питирим и многие другие.

5. Крестопоклонное воскресенье. Сегодня читали манифест об отречении от престола государя. В час дня было собрание граждан в съезде <...>.

<...>

*8. <...> Романов Николай и его семья низложены, находятся все под арестом и получают все продукты наравне с другими по карточкам. <...> Сменены и уволены с должностей все князья, в том числе и главнокомандующий Николай Николаевич»*²³.

Дневник крестьянина содержит и негативные оценки последнего правления, вызванные, как мы можем более объективно оценивать сегодня, и глубоким кризисом во властных государственных структурах, которому не смог должным образом противостоять последний русский самодержец, и влиянием разного рода антигосударственной пропаганды.

Примечания:

- ¹ Книга поступлений Тотемского музейного объединения, № 14179.
- ² Там же. № 14180.
- ³ См.: Попов В. Т. Город Тотьма, Вологодской губернии. Исторический очерк. Вологда, 1886. С. 33.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Петр Великий в Вологде и на Севере России. Вологда, 1880.
- ⁶ Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. I. Вологда, 1995. С. 239.
- ⁷ См.: Петр Великий в Вологде и на Севере России. С. 19.
- ⁸ См.: Попов В. Т. Город Тотьма, Вологодской губернии. Исторический очерк. С. 47.
- ⁹ Цит. по: Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. I. Вологда, 1995. С. 251.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ О гербах городам Вологодского наместничества: Высочайше утвержденный доклад

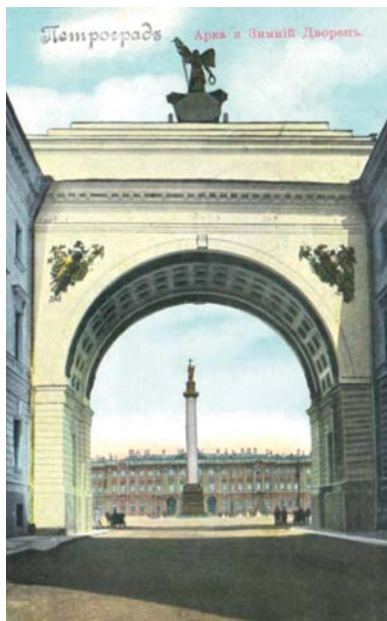
Так на примере одного малого северорусского города можно проследить историю всей страны, время становления династии Романовых во главе государства, период ее развития и прекращение деятельности. Тема эта, несомненно, должна иметь продолжение, ведь и поныне провинциальные архивы хранят в себе документальные страницы далекого прошлого, многие из которых пока еще не прочитаны. Не будем забывать и о том, что хранители нашей истории — это сами жители наших малых городов, чьи труды и заботы поддерживают историческую и духовную связь поколений.

Тотьма. Курт Хельфферих,
перв. четв. XX в., частное собрание

- Сената. 1780, 2 октября, № 15069 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XX (1775—1780). СПб., 1830. С. 990.
- ¹² Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. I. Вологда, 1995. С. 240.
- ¹³ Там же. С. 282.
- ¹⁴ Попов В. Т. Город Тотьма, Вологодской губернии. С. 67—68.
- ¹⁵ Там же. С. 99.
- ¹⁶ Там же. С. 102.
- ¹⁷ Там же. С. 102—103.
- ¹⁸ Там же. С. 103—104.
- ¹⁹ Там же. С. 106.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Дневник тотемского крестьянина А. А. Замаараева. 1906—1922 годы // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. II. Вологда, 1997. С. 267.
- ²² Там же. С. 276.
- ²³ Там же. С. 408—409.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

*Стихи и проза
современных
петербургских
авторов*

Взгляд на историю Романовской династии уже из XXI века... Каким он может быть? Как нашему современнику видятся связанные с нею «дела давно минувших дней»? На этих страницах мы представим, скорее, даже не взгляд, а выраженное в стихах ощущение болезненных узлов истории. Потому что строки Андрея Родосского — филолога-романиста и служителя Церкви Христовой, — не о событийных моментах как таковых, но о том, что образует их «нервную ткань». Воспринимая ее всеми, кто сохраняет свою душу — живой.

«Ни зависти, ни злобы, ни обид...»

* * *

Дедушка рассказывал когда-то,
Что еще студенческой порой
Видел, как выходит из Сената
Император Николай Второй.
Поклонился дедушка учтиво —
Так умели кланяться лишь встарь;
Жестом благородным и красивым
Руку приложил к фуражке Царь.
На дворе шестнадцатый был год!..
Дедушку внимательно я слушал;
Отчего-то этот эпизод
Явственней всего запал мне в душу...
Эту быль, старательно вплетая
В траурно-горжественный букет,
Возложу я к бюсту Николая
В Федоровском славном городке.

Царское Село

Отечество нам Царское Село.
А. С. Пушкин

Дух добра навеки поселился
В месте этом, потому что встарь
Царь поэтов русских здесь учился,
Счастлив был последний Русский Царь...

На рыбалке

Какой великолепный нынче клёв!
Какая щедрая сегодня речка!
Доволен бородатый рыболов,
Что подыскал удачное местечко.

Но кто-то к рыболову подошёл
И шепчет так, что слышно еле-еле:
«Французский ожидает Вас посол.
Вы, Государь, принять его хотели...»

А тот, не надевая спортука,
Лениво молвил, затаив улыбку:
«Европа может подождать, пока
Российский Император удит рыбку»*.

Ангел на Александровской колонне

Ангел с лицом Александра-Царя
Смотрит на Зимний, ввысь воспаря.
Снова ласкает царственный взор
Близкий монаршей душе триколор.
Всё ж его лик в печали склонён.
«Где ж мой преемник?» — думает он.

К. Р.

— Лучше б ты умер, чем стал стихотворцем! — промолвил родитель.
Вот почему он стихи издавал под простой монограммой.
Всё же — тайна раскрылась. А что же критики наши?
Те опасались задеть самолюбье великого князя,
Эти, бедняги, боялись, что их обвинят в лизоблюдстве.
Сколько почетных забот у любой августейшей особы!
Где на поэзию времени взять? Ни минуты досуга!
Грянул свирепый *октябрь*. Осквернили надгробье поэта.
Память решили изгладить о нём из сознания потомков.
Службу плохую поэту царская кровь сослужила.
Жребий высокий его тяжелей Мономаховой шапки!

Два царевича

Устав от зимних вьюг и пург,
Новорождённый Петербург
Коротким полуночным летом
Желает насладиться светом.
На шумных улицах поёт
Слегка подвыпивший народ.
Как безобидные хлопущки
Палят, не прекращая, пушки,
И радуется русский люд,
Потешный слушая салют.

* Вошедший в историю ответ Александра III.

В чем ликования причина?
Полтавской битвы годовщина.
Что ж омрачает праздник сей
В весёлом месяце июне?
Увы! Под пыткой накануне
Погиб царевич Алексей.

Но жаждет мученик отмщенья!
Взывает жертва, что прощенья
Убийце и потомству нет...
И ровно через двести лет
Россия вновь запылала —
И умерщвлён в горах Урала
С несчастною семьёю всей
Другой царевич Алексей!

Дневник Николая II

Не упивался собственным страданьем,
Не занимался самобичеваньем,
Ни зависти, ни злобы, ни обид
Здесь ни одна страница не хранит.
Лишь изредка среди записей коротких
Проскальзывают горестные нотки,
Когда тревогой автор обуян:
Кругом измена, трусость и обман.

Юбилей

Изящных тостов, выпретенных речей
И пышных славословий не звучало,
Когда он отмечал в горах Урала
Пятидесятилетний юбилей.
За скромной трапезой народу мало:
Императрица, пятеро детей
Да близкие, что в верности своей
Пройдут за ним до страшного подвала.
В его глазах застыл вопрос немой:
«Что сделали с Россией, Боже мой!
Но прочь тоску, унынье и усталость!
Пусть Родина презрела правый путь —
Переживём и это как-нибудь...»

А жить всего два месяца осталось.

Четверо расстрелянных

За Либкнехта и Люксембург
Отмстил крамольный Петербург!
И вот великие князья —
Неразлучимые друзья —
По мрачной крепости бредут...
Один — в горячечном бреду,
Другой — с котёнком на руках
И два — с молитвой на устах.
В глазах — предсмертная тоска...
Мемориальная доска
На месте том водружена...
Она не мертвецам нужна,
А тем потомкам бунтарей,
Дабы покаяться скорей!

На круги своя

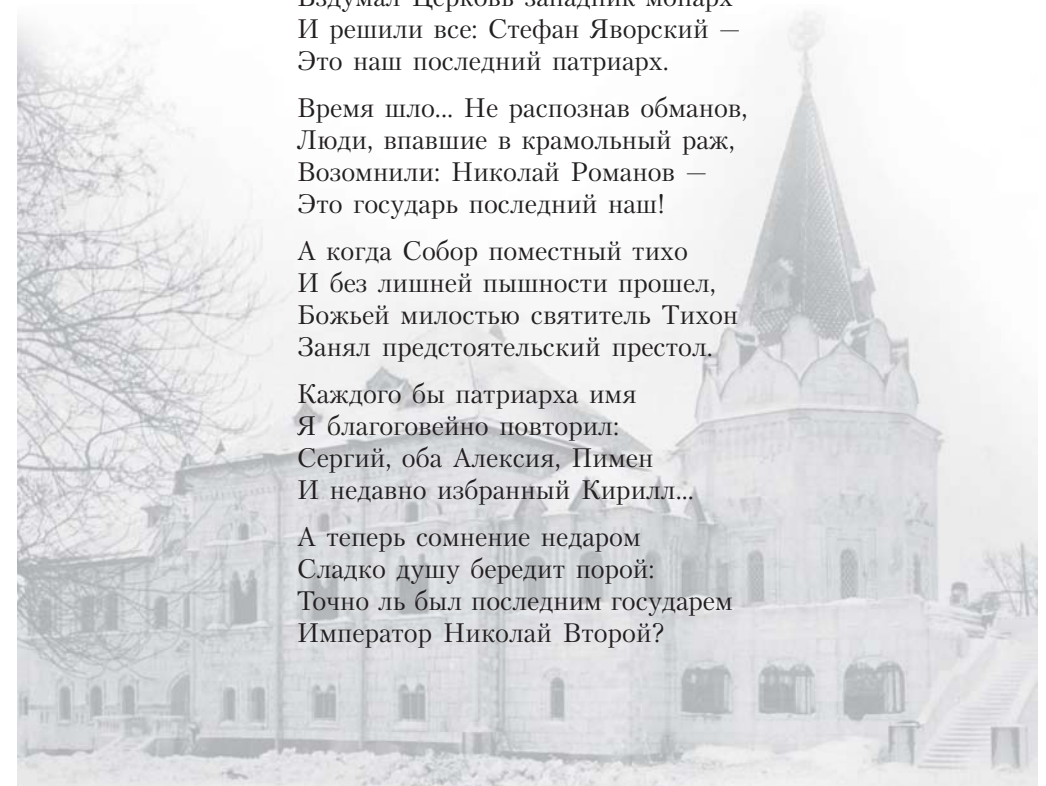
Перестроить на манер заморский
Вздумал Церковь западник-монарх —
И решили все: Стефан Яворский —
Это наш последний патриарх.

Время шло... Не распознав обманов,
Люди, впавшие в крамольный раж,
Возомнили: Николай Романов —
Это государь последний наш!

А когда Собор поместный тихо
И без лишней пышности прошёл,
Божьей милостью святитель Тихон
Занял предстоятельский престол.

Каждого бы патриарха имя
Я благоговейно повторил:
Сергий, оба Алексия, Пимен
И недавно избранный Кирилл...

А теперь сомнение недаром
Сладко душу берedit порой:
Точно ль был последним государем
Император Николай Второй?

Восхоте же князь великий итти в монастырь к Живоначальной Троицы и преподобному игумену Сергию, и, шед, благословися у отца своего Киприана, митрополита всея Руси, и прииде в монастырь месяца августа в восемнадцатый день, на память святых мученик Флора и Лавра, и восхоте паки возвратитися скоро, понеже мнози начаша ускоряти вестницы, поведающе Мамаево нашествие. Преподобный же игумен Сергий умоли его ясти у него хлеба в трапезе: «Да дасть ти, — рече, — Господь Бог и Пречистая Богородица помощь, а не у еще сие победы венец с вечным сном носить тебе есть, прочим же мнозем без числа готовятся венцы с вечною памятью»...

Повесть о Куликовской битве.
Текст и миниатюры лицевого свода XVI века

К моменту вступления на русский престол династии Романовых история Государства Российского насчитывала уже семь с половиной веков. В ней были времена не только славных побед, но и горьких утрат. Но каждый раз страна находила в себе силы, чтобы подняться, — благодаря любви людей к своей земле, к ближним, к родному очагу. Не проявляясь в громких словах, любовь и вера всегда, во все лихие времена нашей истории спасали страну от беды. Так было и в Смутное время, и на исходе века четырнадцатого — во время угрозы Мамаева нашествия. Тогда так же, как и теперь, зеленела трава, светило солнце и бушевали грозы, а люди переживали радости и невзгоды. И так же, когда это требовалось, принимали свои решения. Рассказ о тех временах мы помещаем в этом номере.

С. Алексеев

Разноцветные камешки

Толстый рыжий кот уютно устроился на ступеньке крыльца. Ласковое июньское солнышко грело длинную шерстку, кот был сыт и доволен. Сладко зажмурив глаза, он уже погрузился было в привычную дневную дрему, как вдруг чувство опасности заставило его резко поднять голову. Прямо напротив крыльца, за забором, кот увидел своего заклятого врага. Враг занес над головой руку, и старый, видавший виды кот понял, что в этой руке камень, что выгибать спину, поднимать хвост и грозно шипеть — бесполезно, и нужно спасаться.

А враг, прицелившись, уже готов был метнуть свое страшное орудие, как вдруг чья-то рука перехватила его запястье.

— Эй, малец! Ты зачем животное пугаешь? Что тебе этот кот плохого сделал?

Тот, кого назвали мальцом, — мальчишка лет семи от роду по имени Никитка — хлопнул носом и обиженно сказал:

— А чего он сам нападает?

И показал двоим стоявшим перед ним мужчинам правую руку, на которой темнела длинная запекшаяся царапина.

— Так уж и нападает? — усомнился один из спасителей рыжего кота — длинноволосый бородач в выцветшей монашеской рясе.

— Небось, сам какую пакость над ним сотворил? — нахмутив брови, строго глянул на Никитку второй, тоже монах.

Мальчик прислонился спиной к забору и внимательно посмотрел на непрошенных свидетелей его несостоявшегося злодеяния. В другой раз он бы с пронзительным криком «Ой, пустите, не буду больше!» кинулся бежать к дому, да еще попутно и укусил бы которого-нибудь из них за руку, но сейчас ему почему-то не было страшно, а, наоборот, захотелось поделиться с этими людьми своей обидой.

— Ну, это... — замялся Никитка, почертил по песку большим пальцем босой ноги, набрал побольше воздуха и скороговоркой выпалил: — А чего он разлегся и хвостом своим махает? Ну, я и...

Он еще не успел договорить, как его слова прервал дружный смех.

— Ты, парень, молодец! Да разве можно kota за хвост? А если б тебя за ухо? Небось, батька-то тягает?

Никитка опустил голову.

— Нет у меня батьки, — сказал он. — Погиб.

Монахи сразу стали серьезными.

— Не на поле ли Куликовом?

— Там. Я-то не помню, про то маманька сказывала.

— А кто твой батька был? — спросил высокий монах, тот, который схватил Никитку за руку.

— Гончар. Заместо него старшой брат теперь. Никола...

— А знаешь, малец, — тряхнул черной кудрявой головой второй монах. — Хочешь, я тебе что покажу?

Он отвязал от пояса небольшой мешочек и высыпал в ладонь пригоршню разноцветных камешков.

— Видишь, у нас тоже каменья есть.

— Кидаться? — загорелись у Никитки глаза.

Монахи снова рассмеялись. Смех у них получался какой-то слаженный и небидный. Было видно, что их связывает настоящая дружба. Внешне они были совсем разными: один — высокий, худощавый, с тонкими чертами лица и мягким взглядом, другой — коренастый, чернявый, с синими смешливыми глазами, над которыми нависали густые брови.

— Нет, брат, — сказал чернявый. — Из этих камешков мы будем краски делать.

— А красками, — добавил высокий, — будем образа писать. Иконы.

— Ико-оны... — протянул Никитка и уже с опаской покосился на своих собеседников.

Иконы его пугали — и те, что висели в их доме, и те, которые он видел в церкви. Уж больно суровыми были их темные лики. К тому же и мать, и сестра, и крестный, когда ругали Никитку за проказы, всегда указывали на грозного Спаса и говорили: «Ужо Бог-то тебя накажет!». И, глядя в строгие глаза Спаса, мальчик ощущал таинственный трепет. «Уж лучше б выпороли!..» Впрочем, последнее случалось с ним довольно часто.

Заметив Никиткино смущение, чернявый монах потрепал его по плечу, выбрал самый красивый камень — синий-синий — и показал его мальчику:

— Нравится?

— А то! — ответил Никитка и подумал, что хорошо бы такими камешками украсить горшки, которые так ловко делает на гончарном круге старший брат. — А где вы их насобирали?

— Таких здесь нет. — Чернявый бережно сложил камни в мешочек. — Этот — «лазоревый камень» зовется. Краской из него сияние Славы Божией пишем, ризы Богородицы. Дороже золота он... А ты приходи к нам в монастырь. Спроси иноков Матфея, — он показал на себя, — да Арсения. — И он указал на своего спутника.

— В монастырь? Через поле? Далёко. Мамка не пустит.

— А ты с мамкой приходи. Покажем тебе, как краски творить. Может, и нам чем поможешь. Тебя как кличут?

— Никиткой.

— Хорошее имя! — произнес черноволосый весельчак Матфей. — Это имя носил святой, которого бесы боялись.

— Приходи, Никитка! — улыбнулся Арсений. — А камнями в kota кидать — последнее дело. Каменья для другого дела нужны.

* * *

Небольшая деревенская церквушка была полна народу. Несмотря на раскрытые настежь двери, было душно — очень жаркое утро выдалось в Троицын день. Никитка стоял между матерью и сестрой, изнывая от долгой праздничной службы.

— Мам, а мам!

— Чего тебе?

— Пусти на хоры!

— Нечего тебе там делать! Опять напраказничаешь!

— Ну, мам, пусти! Там тетка Варвара поет. Я с ней рядышком тихо-о-о-хонько, на корточках посижу.

— Да пусть идет, — прошептала, крестясь, сестра. — Ведь не даст спокойно обедню отстоять.

Никитка, больше не спрашиваясь, пригнулся и побежал к скрипучим ступенькам. Поднявшись на хоры, он подошел к резным перилам и оглянулся на певчих. Увидев Никитку, тетка Варвара — родная сестра матери — округлила глаза и поднесла палец к губам. Никитка понимающе кивнул, что означало — буду стоять у перил и не шуметь.

Посмотрев вниз, он увидел множество голов: мужских, непокрытых, и женских, укутанных в чистые праздничные платочки. А прямо под собой увидел знакомую лысину. Лысина эта принадлежала крестному — сгорбленному пожилому человеку со скрипучим голосом. Нрава он был строгого и, наставляя Никитку, любил повторять: «А баловней да неслухов ждет гиена огненна!». И грозил крючковатым пальцем.

Что-то дрогнуло у Никитки внутри, и рот наполнился густой слюной. Он наклонился... и вдруг плюнул на блестящую как отполированный камень голову.

Крестный вздрогнул, утерся рукавом длинной рубахи и угрожал присевшему от страха озорнику.

А потом... Никитка не помнил, как сбегал с хоров, протолкнулся между плотно стоявшими людьми, домчался до дому и спрятался в сарае. В надежде, что пока не кончится служба, искать его не будут, а там, ради праздника, может, и простят, он уже было задремал под старыми рогожами, как вдруг услышал ехидный и какой-то торжествующий голос сестры: «Вот он где!». А другой голос добавил: «Гиена огненна!».

Хоть и праздник был, а досталось ему сполна. Лежа на печи и всхлипывая, он слышал мамин плач и слова тетки Варвары: «Своди-ка ты его в монастырь! Поговори с Димитрием — он же родня нам. Может, и возьмут мальчонку на время в услужение. Ведь муж твой покойный столько для монастыря сделал! А сейчас старшой твой? Монахи им не нахвалятся».

«В монастырь, — подумал Никитка и вспомнил двух иноков. — А что бы они сказали мне сегодня? Поверили бы, что я — не нарочно?». Ему вдруг стало очень спокойно. Он хотел было повернуться на спину, но вовремя сообразил, что после

сегодняшней порки делать этого не следует, остался лежать на животе и быстро заснул.

* * *

Никитка не раз бывал в монастыре вместе со старшим братом, но тогда они ездили на подводах с гончарной утварью, а теперь шли с мамой пешком, и потому казалось, что дорога — гораздо длиннее. Они миновали поле, небольшую рощу и вошли в соседнее селение. За заборами зашлись в лае собаки. Никитка крепче ухватил мать за руку и спросил:

— Не закусуют?

— А чего им нас кусать, — ответила одетая нарядно, как в праздник, мама. — Мы им ничего плохого не делаем. А что лают — так служба у них такая.

— Мам, — продолжал Никитка. — А мы зайдем к Матфею и Арсению? Помнишь, я тебе о них рассказывал?

— А чего ж. Будет время, и зайдем.

Вскоре показался небольшой, обнесенный высоким деревянным частоколом монастырь.

Вратарник послал толстого, вспотевшего мальчишку-прислужника за Димитрием. Мальчишка вскоре вернулся вместе с высоким молодым человеком. Тот немного сутулился, глаза его были задумчивыми и печальными, а негустые волосы — бесцветными. Он радостно поздоровался с мамой и Никиткой и затем, взяв маму за локоть, отвел ее сторону.

Никитка, оставшись один, заскучал и, чтобы как-то скоротать время, стал рисовать прутиком на песке сказочных зверей. А мама о чем-то взволнованно говорила с Димитрием, утирая наворачивающиеся слезы кончиком платка. Через некоторое время они подошли к мальчишке.

— Ну что, «отче», — улыбнулся Димитрий, — хочешь в монастыре пожить?

— А чего бы и нет... — Никитка старался выглядеть очень серьезным. — Только я бы хотел повидать иноков Арсения с Матфеем — они меня звали к себе.

— Арсения с Матфеем? — удивился Димитрий. — Ты их знаешь? Это хорошо. — И, обращаясь к матери, сказал: — Настасья, я ведь здесь человек маленький, вряд ли тебе помогу, а этих иноков в обители уважают. Пусть они и поговорят с настоятелем.

Затем, посмотрев на рисунки на песке, добавил:

— Да, паря, видно, прямая дорога тебе к Арсению с Матфеем. Рисуешь ты — загляденье!

Никитка, уцепившись за подол маминой юбки, вдруг, неожиданно для себя, хлопнул носом.

* * *

Из глубины сарая медленно и величаво, как из Царских врат, выдвигался четырехлетний мальчишка. Он держал перед собой небольшую дощечку и грозно поглядывал на стоявших по бокам сестер. Мальчишку звали Прошка. Потрясенный церковной службой, и особенно выносом Евангелия из Святых врат, он изображал этот торжественный момент.

— Ивангень! — громко произнес он.

Сестры прыснули со смеха. Прошке это показалось весьма неблагочестивым, и он, чтобы привести сестер в должное благоговейное состояние, начал гоняться за ними, грозно размахивая дощечкой. В самый разгар погони Прошка неожиданно со всего размаху врезался в плотного, коренастого мальчишка и упал. А мальчик, повзрослому насупив брови, сказал:

— Ты чего, Прошка, делаешь?

— В дьякона играет! — звонко и насмешливо ответила одна из сестер, Ольга. Мальчик — а это был Никитка — рассмеялся.

— До дьякона тебе еще далеко. Отдавай-ка дощечку, «честный отче».

Посмотрев на Никиткину светлую летнюю рясу, Прошка безоговорочно подчинился. А Ольга, сощуриив светлые глаза, лукаво спросила:

— Ты, Никита, что, уже богомазом стал? Говорят, в монастыре у иконников прислуживаешь.

— Да, — солидно пробасил Никитка, не замечая подвоха. — Я уж там почти год. И мне нравится.

— А что ты там делаешь? Полы моешь? — не унималась Ольга.

— Ну уж и полы! Я камни перетираю, помогаю краски творить. А мыть полы надо часто, чтобы пыль на олифу не ложилась. Да чего тебе говорить — ты же не поймешь, курица.

— Так уж и курица, — обиделась Ольга. — Ты бы лучше рассказал об иконах.

— Иконы!.. — Никитка вдруг почувствовал себя повзрослевшим. — Иконы — это, это... — Он вдруг растерялся и промямлил: — Ну, это...

В памяти его возник образ Спаса, который он увидел, когда впервые пришел в келью иконописцев. Мягкий, всепрощающий Лик Христа так был не похож на все ранее виденные им иконы, что Никитка, отбросив стеснение, спросил тогда у Арсения: «А это... Бог?». «Да, это наш Бог, — ответил Арсений. — Иконы в зримых образах передают Благую Весть, которую принес нам Воплощенный Бог — Слово». И, посмотрев на удивленно вытянутое лицо Никитки, добавил: «Потом поймешь. Когда станешь мастером. А пока научись самому простому: полы мыть да келью подметать».

— Эх! — раздосадованный Никитка поднял с земли камень и, не глядя на заалевшее личико Ольги, в сердцах швырнул его в кусты соседской бузины.

Кусты зашевелились, из них вдруг показалась голова крестного и послышался недовольный голос: «Вред те в ухо! Гиена... Чуть не зашиб!».

* * *

По просьбе матери Никитку на несколько дней отпустили из монастыря, и сейчас он тихо посапывал на своем излюбленном месте — на печи. Сквозь дрему он слышал негромкий разговор матери с крестным.

— Вот я тебе и говорю, Настасья, — оставь его в монастыре. У тебя помощников хватает: и старшой твой, и другие сыны, и дочь, а Никитке — там место. Человека из него сделают. Да и как все хорошо управилось — взяли! Не каждого возьмут — это дело серьезное, да и заплатить надо немало. Так что соглашайся.

— Да я понимаю, Харитон. Все понимаю, да ведь жалко.

— Жалко ей, — крестный резко встал, заходил по избе. — Настя, для Никитки же лучше будет. Я с Димитрием говорил. Он передавал от богомазов, что из Ники-

ты толк будет. А там, глядишь, и тебе какую помощь окажет. Гончарство — дело хорошее, но образа писать — это и прибыльно, и... — Харитон поднял корявый палец и покачал им перед носом матери. — И спасительно!

— Да... Верно, ты прав. Парень-то как изменился! Да жалко, что деток у него тогда не будет...

— Да брось ты! Старшие сыны да дочь тебе столь наплодят — держись только! А олуха этого лучше при обители оставь. Ведь, не ровён час, на большую дорогу пойдет. Он всегда у тебя неслухом был. Сегодня вон опять камнями швырялся.

— Господь с тобой, Харитон! Не так уж он и плох. А теперь...

Никитка почувствовал легкое качание и стал погружаться в спокойный летний сон. Перед глазами проплыло улыбочивое лицо Ольги, но он отогнал воспоминание о своем «позоре» — о том, что так и не смог объяснить этой девочке, какой «важной особой» в монастыре он стал.

* * *

Проснулся Никитка среди ночи от резкого толчка в плечо. Открыв глаза, увидел горящую лучину и яркие всполохи за окном.

— Вставай! Быстро с матерью и сестрой огородами в лес!

Никитка поначалу не узнал изменившийся до сипоты, тревожный голос брата Николая.

— Ой, Никитушка, набег! Орда! — причитала мать, спешно собирая что-то в узел.

— Да бросьте это тряпье! — Старший брат был резок, деловит и напряжен. — Я сейчас к Харитону, отвлечем их, а вы, — он показал на мать, сестру, Никитку и троих средних братьев, — бегом, как я сказал!

Брат распахнул дверь, и все выбежали во двор. В ноздри ударил едкий дым. Топот копыт, пронзительный бабий визг, свист плетей, языки пламени, незнакомые и потому страшные гортанные крики... Никитке показалось, что это его сон вдруг обернулся тяжким болезненным бредом.

— Бегите, детушки, бегите! Они мимо пройдут! Им ведь город нужен! — Мать торопливо помогала детям перелезть через забор. — В лес, там и отсидимся. Глядишь, и не уведут в полон.

Никитка обернулся и увидел невдалеке, рядом с пылающим соседским сараем, брата и сгорбленную фигуру крестного, который, размахивая цепом, с хриплым выкриком «Ах ты, сатано! Гиена!..» бежал навстречу ордынскому коннику...

* * *

По разбитой копытами дороге медленно — кто пешком, кто на подводах — тянулись к своим пепелищам разрозненные кучки людей. Служивый люд, крестьяне, монахи разоренных обителей, жители сожженного и разграбленного княжьего града — все, в общей беде, как могли старались поддержать друг друга в этом скорбном шествии.

Никитка понуро брел, крепко держась за руку старшего брата Николы, и молча слушал его тихий говор:

— Ну зачем тебе в этот монастырь? Ведь нет его. Сожгли. И никого ты там не найдешь! Я же ходил туда — одни головешки. И не видал я там твоих богомазов. Погубили их, видно. Лучше гончарному делу учись. Нам теперь помощники нужны — вон сколько сельчане просят! А вырастешь — женишься, вот хоть на соседской Ольге. Она теперь тоже без отца растет.

— Никола! — не выдержал Никитка. — Мне туда надо. Очень надо!

— Ладно. Уж подходим.

От высокого частокола, окружавшего обитель, ничего не осталось. Но, к удивлению и Николы и Никитки, жизнь в монастыре продолжалась. Постукивали топоры, расторопные плотники укладывали бревна в сруб, между ними, занятые своими делами, сновали послушники и монахи. Уже готов был четверик для будущей церкви, хозяйственные постройки, строились несколько келий, и почти полностью была закончена маленькая часовня. Но следы разорения все же оставались велики. Еще чернели большие пепелища, и первое, что бросилось в глаза Никитке, — торчащие обугленные бревна на месте кельи иконописцев.

Никола сразу завел разговор с седобородым монахом-экономом, а Никитка медленно подошел к сожженной келье. Он побродил между обугленными бревнами. И вдруг увидел на припорошенной пеплом земле камень. Синий-синий. Из тех, что перетирал он в цветные порошки.

Никитка вспомнил, как однажды в разговоре с Матфеем выставил вперед ногу и, уперев руки в бока, заявил, что устал перетирать эти камни и что он может не хуже любого иконника закрасить доску, а лепить из глины — тут уж нет ему равных! И еще добавил, как однажды вылепил лешего и пугал им соседских девок.

Матфей долго смеялся, а потом усадил Никитку рядом с собой на лавку и стал рассказывать о своей жизни.

Теперь Никитка закрыл глаза и вдруг явственно услышал звонкий голос Матфея.

«Я, брат, — говорил Матфей, — рано остался один, без батьки и матери. Много странствовал. Много повидал, пока не оказался в этой обители. А на камни ты не сердись. Они плохо поддаются тебе, потому что ты мал еще. Камень — основа нашей жизни. Построй дом на жидкой глине — он и сосклизнет, когда ливень начнет. А на песке — повалится, когда ветер подует. А построй на камне — веками стоять будет. И вера наша должна быть как камень. Вот, если захочешь принять постриг — может, и дадут тебе имя Петр. А что значит Петр? Камень. Основа. Твердь. Я, Никитушка, когда странствовал, какие храмы видал! Каменные. А иконы в них из цветных камней. Не из тех, что ты трешь, а из самых твердых. И такие иконы — вечные».

Никитка шумно вздохнул, поднял камень и хотел было вернуться к брату, как вдруг кто-то окликнул его.

Никитка обернулся и увидел Дмитрия.

— Дмитрий! — обрадовался Никитка. — Ты откуда? Все думали, что тебя убили.

— Жив, как видишь. И уже не Дмитрий я, а Захар. Недавно принял постриг в Троице, а теперь сюда направили. Только что видел твоего брата. Он мне все рассказал: и про то, как вы в лесу укрывались, и про то, как твой крестный Харитон, спасая вас, погиб.

Никитка посмотрел на родственника и заметил, как сильно тот изменился. Прежняя сутулость осталась, но во взгляде и в голосе появилась не свойственная ему ранее уверенность.

— Димит... — начал было Никитка, но тут же поправился: — Захар, расскажи, что тут было.

— Пойдем-ка... — Захар потрепал Никитку по плечу. — Сядем вон там, на бревнышке... Я и часть братии — уцелели мы, потому что спасли нас Арсений и Матфей. Ордынцы искали серебро. Ну, это для них серебро, а для братии — священные сосуды, и на поругание их отдать — грех великий совершить. Как только пришли вести о набеге, настоятель с ключарем сокрыли заранее все самое ценное. Долго их мучили, но ничего не добились. Тогда зарубили их и принялись за братию. Тут бы нам всем конец, но Арсений с Матфеем сказали их главному, что серебро зарыто не в монастыре, а дальше, у реки, и вызвались показать то место, но чтоб ордынцы отпустили оставшихся монахов и послушников. Развязали нас, а Арсений с Матфеем повели ордынцев к Гнилому Логу. Это там, где болото. Только скрылись они из виду, мы расходиться начали. А сторожа наши не противились: гоготали что-то по-своему, да если кто замешкается, — плетью... Вот и всё. А что с Арсением да Матфеем — не ведаю. Или потопли вместе с ордынцами в болоте, или убили их...

Захар шумно вздохнул. И сказал:

— Не тужи, Никитка. Они не только жизни наши спасли. Мы тут недавно розыск учинили и все нашли, что было спрятано, — и святыни, и казну. Вот теперь, — Захар широко, от груди повел рукой, — обитель и восстанавливаем. А ты, если надумаешь, приходи. Скоро призовем новых иконников — у них учиться будешь. Теперь и я за тебя похлопотать смогу.

— Не знаю, Захар, — вздохнул Никитка. — Брат говорит, что меня к гончарному делу надо...

— Ну, гляди... — Захар встал, прижал мальчика к себе, и только сейчас Никитка почувствовал на своих щеках слезы.

* * *

Один — два — три... Плоский камешек легко отскакивал от поверхности воды.

— Оля, смотри, три раза! Четыре! — припрыгнул от радости Никитка.

— Ловко у тебя получается. — Оля посматривала на восторженного Никитку с легкой усмешкой — так старательно показывал тот ей свое умение метать камешки. И не просто метать, а так, чтобы они летели, скача по водной глади, выделявая «блинчики».

— Сейчас пять будет. Или семь. — Никитка взвесил на ладони длинный и плоский кусочек гальки. — Загадывай желание.

— Уже загадала. А сумеешь?

— Еще как! — Никитка прищурил левый глаз, наклонился и занес руку для броска.

— Ники-ита-а-а! — раздался вдруг далекий истошный мальчишечий крик.

Рука дрогнула, и камешек, не сделав ни одного «блинчика», плюхнулся в воду.

А с пригорка, размахивая руками и спотыкаясь, бежал соседский Прошка.

— Никита... Там... к тебе... Пришли... — с трудом переведя дыхание, проговорил он.

Никитка замер. Все вокруг стало иным. И растерянный Прошка, и потупившаяся Оля, и лес, поднимающийся темной стеной на другом берегу реки, — все застыло в каком-то длинном, тягучем моменте. И Никитка понял, что наступает другое время его жизни: время, которое потребует от него бесповоротных и взрослых решений.

— Да кто там меня ждет? Идем! — резко, с непривычными металлическими нотками в голосе сказал он, и все трое торопливо стали подниматься по пригорку к деревне.

Во дворе Никитка увидел всю свою семью, Захара и незнакомого высокого монаха с тонкими, словно на иконе, чертами лица.

Захар и Никитка обнялись.

— Никита, — начал Захар, — нашли мы тела Арсения и Матфея. Там, куда они ордынцев завели, в Гнилом Логе. Видать, когда поняли те, что провели их, то зарубили иноков и назад кинулись, в обитель. Только там уж никого из братии не было. Тогда и сожгли монастырь. А тела наших иконописцев мы обрели недавно — третьего дня. Болотина у Гнилого Лога пересохла — тут послушники, что из Дальнего Бора шли, их и увидели. Завтра будем отпевать как мучеников за веру. Все приходите... А это, — Захар кивнул на монаха, — Андрей иконописец из Спасского монастыря, будет помогать нам в иконном деле. Поговори с ним.

Андрей положил руку Никитке на плечо. И сказал:

— Арсений да Матфей мои друзья были и много о тебе рассказывали. Говорили, что будет из тебя толк, что выйдет из тебя хороший иконописец. Вот только много тебе еще учиться надо. Мы с Захаром уж поговорили с твоими родными — они не против. Решать только тебе: или остаешься в семье, или возвращайся в обитель.

Никитка посмотрел на нахмурившегося старшего брата, на заплаканную маму, на растерянную, поникшую Оленьку и слотнул горькую слюну.

— Я... не знаю...

И тут в его памяти всплыли смешливые глаза Матфея, мягкое, доброе лицо Арсения, в ушах зазвучали их неторопливые поучения и советы. Сердце сильно забило — он будто почувствовал их незримое присутствие.

И, посмотрев на вечеряющее небо, стусившаяся синь которого стала точь-в-точь как тот лазоревый камень, с которым Никитка теперь не расставался, он повернулся к Андрею и твердо сказал:

— Я вернусь. Вот только дела здешние закончу... И вернусь.

БАЛАКШИНА Юлия Валентиновна

Окончила Архангельский педагогический институт, Свято-Филаретовский православно-христианский институт. Кандидат филологических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Участник проекта по изданию дневников и писем св. прав. о. Иоанна Кронштадтского (составитель комментариев).

ТУХЛЕНКОВ Сергей Феликсович

Окончил Хабаровский государственный институт культуры. Работал концертмейстером, преподавателем детской музыкальной школы, музыкальным редактором и музыкальным оформителем спектаклей. На протяжении многих лет читал лекции по музыкальной культуре, по современным направлениям музыкального искусства в Приморском институте повышения квалификации работников культуры. Певчий праздничного и клиросного хора в двух соборах города Гатчины.

ГРУМАД Елена Владимировна

Музыковед, текстолог, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства. Кандидат искусствоведения. Автор книги «Берлинский архив М. И. Глинки» (М., 2006) и ряда публикаций об отечественной музыке и литературе XIX в.

Иерей Игорь ИВАНОВ

Окончил Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доцент Санкт-Петербургской православной духовной академии. Автор более 80 опубликованных научных трудов, 1 монографии, 7 учебных изданий.

ИВАНОВА Светлана Валерьевна

Филолог-медиевист, научный сотрудник Российского института истории искусств (СПб). Кандидат искусствоведения. Окончила Санкт-Петербургский государственный университет. Стажировалась в Германии и Греции. Принимала участие в организации культурных и научных проектов, в международных конференциях и семинарах. Автор ряда публикаций по искусствоведению и медиевистике в российских и зарубежных изданиях.

ШУЛЬЧЕВА-ДЖАРМАН Ольга Александровна

Окончила Ленинградский педиатрический институт. Кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии (СПб ГПМА). Врач-фтизиатр Противотуберкулезного диспансера Центрального района г. Санкт-Петербурга. Автор публикаций по христианским аспектам истории медицины.

ГАНФ Татьяна Иннокентиевна

Окончила Ленинградский институт культуры. Экскурсовод, координатор волонтерского движения «Тропа милосердия» Российского общества Красного креста по сохранению могил и памяти деятелей Российского Красного креста. Автор публикаций по истории Русской Церкви и великокняжеской семьи Константиновичей.

ПРИТЧИНА Валентина Алексеевна

Окончила филологический факультет Вологодского педагогического института, Академию переподготовки работников искусства, культуры и туризма (Москва) по специальности «Музееведение». Заведующая отделом Муниципального бюджетного учреждения культуры «Тотемское музейное объединение». Автор публикаций, посвященных истории, этнографии, теме возрождения храмов г. Тотьмы.

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

Журнал отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–54457 от 17.06.2013.

Адрес электронной почты: eogo@mail.ru

Художественное оформление: *С. В. Алексеев, Е. П. Кобзева*
Логотип на обложке и титуле: *М. П. Стаборовская*
В оформлении обложки использованы работы:
Вид храма Воскресения Христова. *А. А. Парланд, втор. пол. 1880-х*
Вид Невского монастыря. *И. А. Иванов, 1815*

Редактор-составитель: *Е. С. Дилакторская*
Художественный редактор: *С. В. Алексеев*
Ответственный секретарь: *С. Н. Никольский*
Верстка: *Е. П. Кобзева*
Корректоры: *Л. Г. Тюльканова, К. А. Храмова*
В работе над номером принимали участие: *Л. С. Александрова,*
И. М. Алябьева, А. В. Исаков

Редакция выражает благодарность за содействие Е. И. Грушвицкой,
М. В. Деминой, Л. Н. Захарову, А. Ю. Кострову, А. А. Мишиной,
А. Ф. Некрыловой, Ю. И. Рубану, Н. О. Харламовой.
Особая благодарность – сотрудникам Российской национальной библиотеки.

Подписано в печать 7 марта 2014 г.
Формат 175×235
Объем 144 стр.
Печать офсетная
Гарнитура PetersburgC
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии «Колорит».

На исходе XIX века многим казалось, что прежние формы государственности в самое ближайшее время должны исчезнуть, что троны опустеют и будут отправлены «на свалку истории». Однако век XX подтвердил устойчивость традиционных принципов организации человеческого общества. Как будет складываться жизнь в нашей стране, в других странах с близкими нам культурными и духовными традициями в нынешнем, XXI веке? У каждого читателя, думается, на этот счет есть свое собственное мнение. Эти мнения могут серьезно различаться. Но все мы не должны забывать, что при любой государственной форме правления в обществе неизменно проявляет себя христианство в самых главных своих ценностях — не исторических, а вневременных. А это вера, милосердие и любовь.